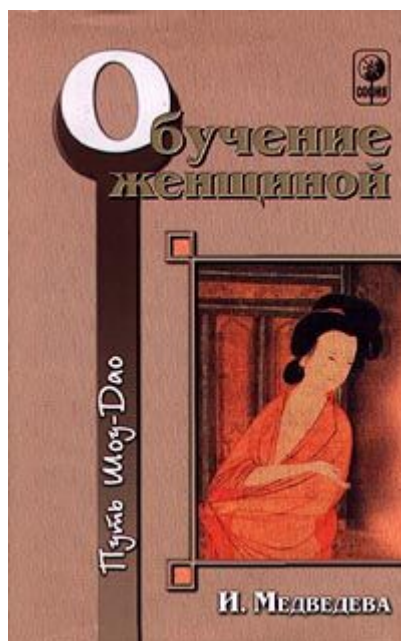

Александр Николаевич Медведев, Ирина Борисовна Медведева

Обучение женщиной

Путь Шоу-Дао – 3

Аннотация

Книга продолжает увлекательное повествование об обучении Александра Медведева у мастера Ли и рассказывает о даосском подходе к взаимоотношениям мужчины и женщины и техниках работы с сексуальной энергией.

Александр Медведев, Ирина Медведева

Обучение женщиной

Предисловие

Женщина обессиливает самца и дарует силы мужчине.
Даосская пословица

Дорогие друзья! Представляя вам третий том серии "Путь Шоу-Дао" – "Обучение женщиной", я хотел бы еще раз напомнить, что большинство событий, о которых повествует эта книга, произошли в период моего ученичества у Ли Н., несравненного мастера рукопашного боя и Хранителя Знаний тайного китайского клана Шоу-Дао – «Спокойных» или «Бессмертных», и записаны с моих слов моей женой.

С наилучшими пожеланиями.
А.Н.Медведев.

Я рад снова приветствовать вас, дорогие читатели, со страниц третьего тома серии "Путь Шоу-Дао". Теплый прием книги "Обучение у воды" и несомненный успех серии ускорили подготовку "Обучения женщиной", и, надеюсь, что в 1999 году мне удастся опубликовать следующие две книги: "Обучение травами" и "Обучение чувствами".

Растущая популярность Шоу-Дао, к сожалению, привела и к появлению большого числа шарлатанов, старающихся использовать учение Спокойных в своих целях и объявляющих себя то учениками Ли, то посвященными клана, то моими учениками. Обычно они выдергивают из наших книг какие-то идеи или техники и, не имея реального представления об их применении, дополняют собственными фантазиями и используют их для обучения, лечения или приобретения дополнительной популярности.

Так, 19 марта 1998 года в одиннадцатом номере газеты «Мегаполис-Экспресс» появилось интервью с «ламой» Виктором Востоковым под названием "Побывавший у дверей Шамбалы". В этом интервью известный тибетский монах-врачеватель сообщает:

"Я воспитывался в совершенно закрытом монастыре (область Упсунурский аймак, рядом с озером Упсунур) по системе «Шоу-Дао» ("Путь к бессмертию")."

Далее следует описание суровой жизни в монастыре, вроде швыряния детей с крыши на голые камни, сталкивания их в пропасть и прыжков в водопад с высоты 70 метров. Но это было еще не самое забавное. Книга "Обучение у воды", в которой я описываю, как проходила подготовка детей в клане Шоу-Дао, появилась в продаже почти одновременно со статьей, поэтому в момент, когда "тибетский лама" давал интервью, он был вынужден в этом вопросе полагаться лишь на свое воображение, и, видимо, по ассоциации с подготовкой солдат в советской армии, он решил, что воспитание воинов жизни непременно должно сопровождаться прелестями "дедовщины".

Итак, он говорит:

"Но в основном меня огорчало не жестокое воспитание, а атмосфера, царившая среди монастырских послушников. Старшие били младших, обливали помоями, отрабатывали на них приемы восточных единоборств".

Я неоднократно подчеркивал в своих книгах, что Шоу-Дао – школа не авторитарного, а демократического склада, и все мировоззрение Спокойных основано на гармонии, которая прежде всего проявляется в воспитании членов клана, так что жестокость в обучении и издевательство старших над младшими были просто невозможными, поскольку модель мира человека, выросшего среди жестокости и унижений не может быть гармоничной.

Впрочем, дальше в статье следует нагромождение всех возможных «чудес», способных произвести впечатление на читателя – оживление трупов, зомбирование женщин и даже проникновение в тайный подземный тибетский монастырь, в котором пребывают древние жрецы Атлантиды, а вход в него охраняют монахи-воины в черных тогах, которые и указывают своему коллеге-ламе Востокову путь в Шамбалу.

В случае с Юрием Александровичем Ражевым, автором книги "На пути к бессмертию", вышедшей в издательстве «Можайск-Терра» в 1997 году, речь идет уже о чистом плагиате.

В главе "Отравленный взгляд" я обнаружил отрывки из введения к моей книге "Кунг-фу. Школа бессмертия", опубликованной в 1990 году, где я описывал встречи с моим Учителем Ли.

Учителя Ли гражданин Ражев с успехом заменил на якобы обучавшего его Наставника Ма, да-

же не потрудившись хотя бы для приличия слегка переделать позаимствованный у меня текст.

Из краткой биографической справки о Юрии Александровиче, приведенной в его книге, мы узнаем, что он – Мастер и целитель, ясновидящий и астральный путешественник, а так же Магистр Народной медицины, Мастер Цигун, наставник школы «Сянь-фо», почетный член Ушу Южного Китая, Почетный член Ассоциации культурного наследия Азии и т. д. и т. п.

Не знаю, какова квалификация Ражева в качестве целителя и наставника ци-гун, но я бы, чисто из инстинкта самосохранения, не стал обращаться за советом к человеку, который вполне может подходить к лечению людей так же недобросовестно, как и к написанию книг, и, если он с легкостью подменяет плагиатом и фантазиями эпизоды собственной биографии, то вполне вероятно, что он столь же легко будет фантазировать в столь тонком деле, как целительство и обучение техникам управления энергией.

Мне бы хотелось предостеречь читателей от нечистоплотных дельцов, пытающихся использовать учение Шоу-Дао с целью получения денег или престижа. Поскольку тема даосского секса и техники работы с сексуальной энергией представляют значительный интерес для широкого круга людей, есть вероятность, что после выхода книги "Обучение женщиной" появится очередная плеяда моих лже-учеников или выходцев из тайных подземных шоу-даосских монастырей, выдающих себя за специалистов по учению Спокойных.

К сведению интересующихся, правом преподавания техник Шоу-Дао пользуются лишь те мои ученики, которые прошли специальное обучение и получили удостоверяющие это документы, выданные им научно-информационными центрами «Восход» и "Здоровье народа". Для проверки подлинности документов и получения информации о личности инструктора, вы можете обратиться с письменным запросом в НИПКЦ «Восход», по адресу: 111621, г. Москва, ул. Оренбургская д. 15. офис 226, НИПКЦ «Восход», тел/факс 700-12-08, E-mail: showdao@usa.net, dao@null.ru

Введение

Это введение я решила написать не от лица Александра Медведева, а от своего собственного имени, чтобы заранее ответить на естественно возникающий у большинства читателей вопрос – какие чувства испытывает жена, описывая встречи своего мужа с другими женщинами и, по возможности, избежать неизбежных обвинений в аморальности, нездоровых наклонностях и несоответствии христианскому, социалистическому или капиталистическому идеалу женщины и жены.

Все книги серии "Путь Шоу-Дао" отражают образ мыслей, философию и мировоззрение даосской, точнее шоу-даосской традиции, во многом чуждой и непонятной, а иногда даже и неприемлемой для человека, не знакомого с восточной философией и воспитанного в жесткой традиционной европейской системе ценностей и морали.

Я не утверждаю, что европейская система ценностей плоха или неразумна, или что даосизм превосходит ее по ряду показателей. В каждой культуре, как и в каждом человеке есть что-то хорошее и что-то плохое, и моя задача – не навязать читателю чуждое ему мировоззрение, а заставить его задуматься и, возможно, отыскать в учении Шоу-Дао какие-то свои, близкие и полезные для него идеи, которые помогли бы ему немного лучше понять самого себя и окружающий мир, и, в конечном счете, сделали бы его более счастливым.

Еще до того, как первый том серии "Тайное учение даосских воинов", был опубликован, я дала почитать его вторую I главу одной своей хорошей знакомой, женщине во всех отношениях приятной и достойной. Эффект от прочтения этой главы превзошел все мои ожидания и, даже в некотором роде польстил мне как писателю.

Моя подруга, назовем ее Аллой, заявила, что ничего более тошнотворного и отвратительного она в жизни не читала, и, дескать, почему я не могу писать хорошие вещи про порядочных людей. Образ сашиного Учителя Ли показался ей омерзительным, поскольку Ли, с ее точки зрения, был совершенно непорядочным человеком. Как выяснилось, наиболее мерзкой чертой Ли она сочла его утверждение о том, что воины жизни учатся воздействовать на других людей и управлять их поведением. Более того, она заподозрила, что и я, следуя по стопам воинов жизни, только тем и занимаюсь, что манипулирую окружающими, преследуя какие-нибудь ужасные шоу-даосские цели.

Хотя наше общение в течение нескольких лет ограничивалось неторопливыми беседами за чашкой чая о погоде, моде, родственниках и знакомых, доставлявшими нам обоюдное удовольствие, Алла высказала предположение, что я поддерживаю с ней отношения лишь для того, чтобы в будущем использовать ее для каких-то личных целей, и что, с такими взглядами, я вообще в своей жизни шагаю по трупам доверчивых людей, попавших в мои сети.

Поскольку доказывать, что я не верблюд, в данной ситуации было бессмысленно, я около года не встречалась с Аллой, а потом она сама отыскала меня. С течением времени ужасное воспоминание об аморальном образе Ли потеряло прежнюю яркость, и она, пересмотрев свое мнение обо мне, пригласила меня в гости. С тех пор мы снова встречаемся и столь же приятно сплетничаем обо всем и ни о чем. О том, что я хожу по трупам, Алла уже не вспоминает.

Анализируя причины возникновения столь странных негативных фантазий, нужно принимать во внимание модель мира, сформировавшуюся у Аллы. Эта модель полна простых и правильных идеалов – честности, порядочности, трудолюбия и т. д. В молодости Алла была убежденной коммунисткой, перестройка лишила ее иллюзий, не разрушив, однако, главной идеи – необходимости быть хорошим и порядочным человеком. Именно за цельность натуры и ум я всегда уважала ее и ценила ее общество.

Но, как говорил Ли, каждая медаль имеет и свою обратную сторону. Идеалы и человеческие ценности, делающие личность Аллы цельной и сильной, в тоже время лишали ее гибкости и способности понимать других людей. Если бы сашин Учитель в моих книгах был похож на Павку Корчагина или на Че Гевару, она приняла бы его с восторгом. Но, к сожалению, а скорее, к счастью, Ли – не Павка Корчагин.

Неприятие чуждых моделей мира отрицательно сказалось и на личной жизни Аллы. Ее семейная жизнь не сложилась, и этот единичный негативный опыт убедил ее, что от мужчин ничего хорошего ждать не приходится. Отношения с дочерью протекали очень тяжело и напряженно. Хотя Алла совершенно искренне желала своей дочери только добра и вкладывала все силы, чтобы вырастить из нее хорошего и порядочного, по своим меркам, человека, она добилась обратных результатов. Не желая втискивать себя в рамки жестких материнских требований, дочь, тоже умная и симпатичная девушка, чисто из духа противоречия бросила университет и стала работать официанткой.

Мы неоднократно обсуждали с Аллой ее проблемы с дочерью, и я пыталась ей объяснить, что для того, чтобы выйти из конфликтной ситуации, нужно посмотреть на причины их столкновений глазами другого человека, поскольку дочь, тоже вполне обоснованно, считала себя правой. В данном случае не имело значения, кто прав, а кто виноват, важно было лишь одно – обоим многие годы не удавалось выйти из конфликта, и это причинило им немалый вред, вплоть до нервных расстройств. Эта история, как и вся история человечества, лишний раз подтверждает изречение «Спокойных», что лучший способ победить – это избежать борьбы.

Похожей оказалась и реакция корректора, еще далеко не старой женщины, которой издательство отдавало на вычитку рукопись моей книги для детей "Гел-Мелси – частный детектив". Она заявила, что в книге совершенно неправильно расставлены акценты, что она идеологически не выдержана, и, слава богу, что ее ребенок уже вырос, и он никогда не прочитает эту книгу.

В данном случае "идеологическая невыдержанность" книги оказалась того же плана, что и «непорядочность» Ли. Положительные герои нисколько не напоминали Мальчиша-Кибальчиша. Они были слишком веселыми, счастливыми и снисходительными ко злу. Вместо типичного для европейских детских книжек жесткого и непримиримого противостояния добра и зла, где в конце зло обычно наказывается, тут мы встречаем типичный даосский подход, когда главные герои ухитряются найти ростки добра даже в зловещих сингапурских мафиози, и, добившись своего, не швыряют камни в поверженных противников, а даже стараются сделать им что-нибудь приятное, чтобы облегчить им горечь поражения.

Полярная модель европейского мышления из детских книг перекочевывает в умы взрослых. Скандалы в семье – это миниатюрные битвы добра со злом, где каждый считает себя правым, но, поскольку в жизни добро и зло различить гораздо труднее, чем в книгах, добро, а может быть, зло, считающее себя добром, обычно проигрывает, что вселяет в людей уверенность, что в этом мире нет справедливости.

Возможно, в мире действительно наблюдается определенный дефицит справедливости, но справедливость – понятие относительное и субъективное. С точки зрения Шоу-Дао, чего действительно не хватает в мире – так это мудрости и способности понимать самого себя и других.

Когда человек впервые осознает, что полярное мышление не отражает картину мира, и что каждая ситуация, каждая фраза, каждый поступок, каждая идея может иметь множество толкований, как положительных, так и отрицательных, он на один шаг приближается к даосскому восприятию мира, но подобная многозначность решений вначале сбивает его с толку, и он на некоторое время теряет способность с уверенностью утверждать, что хорошо, а что плохо. Но это происходит лишь в том случае, если он пытается разрешить проблему на интеллектуальном, логическом уровне. Добро и зло – категории не ума, а сердца. Для того, чтобы интуитивно отличать добро от зла, не нужны спе-

циальные заумные теории. Если действия человека делают счастливее его самого, его ближайшее окружение, не наносят намеренного вреда другим людям, и внутренне он уверен, что поступает так, как нужно, эта уверенность избавляет его от внутренних конфликтов, порождаемых ранее внедренными в его подсознание противоречивыми полярными установками разделения плохого и хорошего.

Рассмотрим для сравнения того же Павла Корчагина и Ли. Почти любой человек скажет, что Павел Корчагин – хороший, честный и порядочный человек, и, действительно, его воля, целеустремленность и верность своим убеждениям вызывают искреннее уважение. Но надо признать, что именно на таких людях и поднялась кровавая волна революции, повлекшая за собой миллионы человеческих жертв во времена сталинских репрессий, голода и войны.

Согласно привычным для нас критериям добра, Павка Корчагин – прекрасный человек. Но можно ли дать однозначно положительную оценку последствиям его действий, совершенным из лучших побуждений? Был ли он счастлив сам и смог ли он сделать лучше жизнь других людей? Вряд ли.

С другой стороны, возьмем Ли с его эксцентричным и непредсказуемым поведением, склонностью к парадоксам, зачастую непривычными и странными для европейского уха утверждениями и стереотипами поведения. Кем считать его?

Поскольку за долгие годы общения с Александром Медведевым я в достаточной мере отошла от полярного европейского мышления, для меня было бы просто смешным ставить вопрос – порядочный человек Ли или нет? Является он или нет достойным предметом для подражания?

Эти вопросы не имеют однозначного ответа. Топор может служить инструментом для колки дров, а может быть и орудием убийства. То же самое относится и к учениям. Добро и зло заключены не в объекте, а являются субъективной трактовкой результатов деятельности данного объекта или последствий взаимодействия с ним.

Христианская церковь может помогать тысячам нуждающихся и больных людей, а может сжигать на кострах инакомыслящих и еретиков. Можно ли приклеить к ней ярлык добра или зла?

Что же касается учения Шоу-Дао и личности самого Учителя, то единственное, в чем я могу быть уверена – это положительные последствия действий Ли.

Он умел быть счастливым сам, и он действительно научил этому искусству, как и множеству других удивительных, интересных и полезных вещей своего ученика, Александра Медведева. С тех пор, как Ли позволил Александру раскрыть учение Бессмертных европейской аудитории, оно принесло несомненную пользу многим людям.

Подобно Александру Медведеву, его ученики в процессе обучения менялись, буквально на глазах становясь более сильными, здоровыми, уравновешенными, спокойными, уверенными в себе и, несомненно, более счастливыми. Так что, обходя вопрос о порядочности сашиного Учителя, я с полной уверенностью могу утверждать, что его действия принесли только огромную пользу множеству людей, и, надеюсь, со временем принесут пользу еще большую.

Вопрос о взаимоотношениях мужчины и женщины – также вопрос, не имеющий однозначного ответа. Что лучше – прожить всю жизнь с единственным партнером, или партнеров должно быть много? Что лучше – жить с нелюбимым человеком ради детей или расстаться, чтобы ссоры родителей этих детей не травмировали? Влюбиться по-настоящему можно всего один раз или каждый раз нужно влюбляться так, как будто это случилось впервые? Нужно ли бросаться в омут любви, если ты знаешь, что за счастьем последует неизбежное расставание?

На эти и на многие другие вопросы не существует универсальных ответов. Каждый человек отвечает на них сам, исходя из заложенных в него установок, собственного опыта или подсказок окружающих.

Чем больше опыта имеет человек, чем шире и полнее его модель мира, тем правильнее для себя и только для себя он сможет ответить на поставленные вопросы.

Эта книга, возможно, поможет многим из вас, бросив взгляд на даосскую традицию взаимоотношений мужчины и женщины, пересмотреть и расширить свою модель мира. Это не значит, что стоит, следуя за авторитетом Александра Медведева, копировать его поведение, или, наоборот, огульно осуждать его, считая недостойным или порочным. Каждый человек индивидуален, и, непрерывно расширяя и совершенствуя свои знания о мире, он должен следовать своим собственным, уникальным и неповторимым путем.

Если отбросить в сторону все высокие материи учения Шоу-Дао, которые, в основном, интересуют приверженцев восточной философии, забыть о техниках рукопашного боя, о медицине, методах продления жизни и о многом другом, останется один вопрос, который представляет интерес для любого человека, будь то христианин, мусульманин, красный кхмер или людоед из племени Мумбу-

Юмбу. Это – вопрос о счастье.

Конечно, без исключений и тут не обойтись, и, возможно, какой-нибудь пламенный мазохист с пеной у рта будет рассуждать о высоком очищающем смысле страдания, но, к счастью, люди, подобные ему относятся к подавляющему меньшинству, и, если счастьем для него является страдание, то пусть вместо того, чтобы читать эту книгу, он лучше ударит ею себя по голове.

Заговорив о счастье, я отнюдь не уклоняюсь от темы взаимоотношений мужчины и женщины. Полноценное и удовлетворяющее общение с окружающими людьми – необходимый компонент человеческого счастья, а полноценное и удовлетворяющее общение с представителями противоположного пола, одной из составляющих которого является сексуальный контакт, представляется еще более важным.

Западная культура научила нас многим нужным и полезным вещам, но она не научила нас главному – как быть счастливым. Вопрос о счастье издревле вдохновлял писателей и поэтов, но при проведении опросов населения подавляющее большинство людей не считает себя счастливыми и с уверенностью утверждает, что счастье не существует.

Последователи Шоу-Дао придерживаются по этому вопросу совершенно противоположного мнения. Они считают, что быть счастливым – долг человека перед собой, обществом и природой. Счастье – это состояние души, и лишь человек, умеющий быть счастливым и делиться своим счастьем с семьей и с окружающими людьми достигает истинной гармонии.

Естественно, что сделать счастливыми всех невозможно, но учение Шоу-Дао потому и называется "срединным путем", что оно учит своих последователей отыскивать компромиссы в своем взаимодействии с окружающей средой и достигать поставленных целей не противопоставляя себя миру, а относясь к нему с мудростью и пониманием.

Мне доводилось встречаться со многими людьми, проповедующими восточные учения или собственные модификации восточных учений, и, обычно, первое, что бросается в глаза, – это отсутствие у них внутреннего ощущения счастья и гармонии. К сожалению, большинство из них увлеклись эзотерическими учениями именно из-за неспособности быть счастливым и удовлетворенным своей жизнью и деятельностью.

В данном случае мне кажется, что фраза "практика – критерий истины" вполне может быть применима, и если чело-иск. проповедующий идеи счастья, добра, мудрости, истины и всепрощения не способен вести себя соответственно этим идеям в собственной семье, с женой, детьми, любимой женщиной и друзьями, можно сделать вывод о глубоком внутреннем конфликте и несоответствии желаемого действительному.

Лучший способ понять, что такое счастье – это общаться с действительно счастливым человеком. Лучший способ понять, что такое любовь – это взаимодействие с человеком, действительно способным любить. Лучший способ почувствовать, что такое истинный секс – это контакт с человеком, уже познавшим его и, вдобавок, обладающим способностью любить. Эту истину я постигла на собственном опыте.

Судьба подарила мне достаточно насыщенную и интересную жизнь. Мне довелось встречаться с многими людьми и наблюдать модели поведения многих мужчин и женщин, так что у меня есть с чем сравнивать.

За тринадцать лет жизни с Александром Медведевым я имела возможность убедиться в том, что его слова подкреплены глубоким внутренним содержанием, и что идеи Шоу-Дао – не просто красивые фразы, которые произносят, чтобы произвести впечатление на восхищенную аудиторию, а подлинное мировоззрение человека, действительно умеющего быть счастливым и делать счастливым и других, любить и делиться этой любовью с окружающими.

Когда-то в начале нашего знакомства он сказал мне, что у него было очень много любовниц, и я, еще по молодости и как истинная представительница женского племени, воспитанная на романах о Единственной Любви На Всю Жизнь, в глубине души сочла его чуть ли не чудовищем, соблазняющим и покидающим бедных женщин.

Естественно, что подобное обилие любовных связей вселяло в меня вполне понятную тревогу, что меня может постигнуть участь предыдущих покинутых сашиных партнерш, и тогда он объяснил мне, что, согласно учению Шоу-Дао, главное в отношениях мужчины и женщины – это любовь и взаимопонимание, а секс имеет не большее значение, чем прием изысканной пищи.

Соглашаясь с ним на интеллектуальном уровне, я смогла осознать смысл этой фразы и сделать ее осознание частью своей модели мира лишь через много лет, на опыте убедившись, что Саша говорил действительно то, что думал.

За мою жизнь достаточно мужчин пели мне песни о любви, и, хотя эти песни были сладкими, к

сожалению, я неоднократно убеждалась, что вдохновенный любовный жар был всего лишь неосознанным и неконтролируемым выражением сексуальных желаний. Большинство мужчин, убедившись, что роль Ромео не обеспечивает желаемых результатов в интервал времени, в зависимости от самоуверенности и настойчивости пламенного обожателя, длящийся обычно от получаса до нескольких недель, оставляли попытки и переключались на более сговорчивый объект.

Другие радовали меня многими экзотическими выходками, но то, что они называли любовью, к сожалению, в конце концов оборачивалось чем-то весьма от любви далеким. Воз можно, когда-нибудь я напишу книгу "Обучение мужчиной", которая, надеюсь, развеселит вас и принесет пользу многим представительницам прекрасного пола, но это – в будущем, а пока вернемся к "Обучению женщиной".

По мере приобретения жизненного опыта, я поняла, что Сашины партнерши отнюдь не были жертвами коварного соблазнителя. Одни из них откровенно хотели секса, другие требовали знаний, третьи влюблялись в него, и он совершенно искренне отвечал им взаимностью.

Шоу-даос, путешествуя по жизни, как драгоценные жемчужины, собирает прекрасные воспоминания о моментах счастья. Он учится смотреть на мир таким образом, чтобы из каждого опыта извлекать что-то позитивное и полезное, дающее новые силы, новые ресурсы и энергию для этого путешествия. Поэтому шоу-даос никогда не отвергает прекрасных чувств любви, дружбы и взаимопонимания, которыми одаривают его другие люди,

Но в то же время последователь Спокойных прекрасно отдает себе отчет в том, что чувства людей слишком неустойчивы, изменчивы и противоречивы, и лишь очень немногие европейцы могут похвастаться эмоциональной стабильностью и отсутствием внутренних конфликтов.

В своих отношениях с женщинами Саша принимал их симпатию к себе, как драгоценный подарок, и, используя упражнения по контролю и управлению эмоциями, действительно испытывал к ним самые искренние и теплые чувства, которые превращали многие из его романов в уникальное и незабываемое воспоминание как для него, так и для его партнерш. Это подтверждает огромное количество писем, которые сохранились до сих пор, в которых женщины самой разной судьбы, наклонностей и темперамента пишут о том, что встречи с Сашей были самым прекрасным периодом их жизни. а некоторые из них даже, поддавшись кратковременному эмоциональному порыву, утверждают, что не хотят больше жить, зная, что подобные мгновения счастья не повторятся, и что им не суждено быть вместе.

Тут мы сталкиваемся с принципиальным различием между мировоззрением Спокойных и взглядами обычного человека.

Реакция обычного человека часто бывает обусловлена жадной жалости к самому себе и заключается в том, что если что-то хорошее уходит из его жизни, он вместо того, чтобы радоваться тому, что оно было, вместо того, чтобы привнести в свою жизнь новые позитивные впечатления, погружается в пучину депрессии и жалости к себе.

Представим, например, бурную первую любовь, в течение нескольких месяцев возносившую девушку на небеса и последовавший за этим неожиданный разрыв.

Как часто разочарованная возлюбленная восклицает после этого:

– Я была так счастлива с ним, но теперь он меня оставил, и я – самое несчастное существо на земле! Лучше бы я с ним никогда не встречалась и не знала бы что такое счастье, тогда мне не пришлось бы страдать! Я больше никогда не поверю ни одному мужчине. Я не хочу еще раз пройти через то же самое!

Дальнейшая модель ее поведения тоже достаточно типична – она или впредь не позволяет себе всерьез увлекаться другим человеком, или, наоборот, стремясь отомстить за первое разочарование всему мужскому роду, становится роковой женщиной и с настойчивостью жаждущего мести графа Монте-Кристо принимается разбивать сердца чересчур доверчивым представителям враждебного племени.

Мужчины с разбитыми сердцами, в свою очередь, или замыкаются в себе, или, исходя из той же логики, принимаются мстить всему женскому роду, лишний раз убеждаясь сами и убеждая других в том, что в этом мире справедливость не существует и никому нельзя доверять...

Так возникают ущербные модели мира, делающие несчастными своих носителей и окружающих их людей, и причина типичных человеческих несчастий заключается именно в них, а не в отсутствии справедливости.

Шоу-даос отличается от обычного человека тем, что в начале под руководством клана или Учителя, а потом осознанно и самостоятельно он выбирает и вносит в свою модель мира то, что считает нужным, полезным и гармоничным.

Если модель мира среднего человека по аналогии с архитектурой обычно колеблется в интервале от строительного вагончика до престижного кирпичного жилого дома улучшенной планировки, то модели мира Спокойных можно сравнить с величественными и поражающими взгляд соборами, один взгляд на которые вызывает состояние гармонии и умиротворения. Стройные колонны, многоцветные витражи, причудливая мозаика пола и кажущиеся ожившими фрески – это ставшие составной частью модели мира прекрасные воспоминания о незабываемых моментах счастья и благодарности судьбе, перешедшие в жизнеутверждающие и оптимистические убеждения и установки.

Шоу-даос не плачет от того, что счастье ушло, он счастлив тем, что оно было, понимая, что в мире нет ничего постоянного и поэтому бессмысленно искать постоянства, понимая, что мир меняется и люди меняются вместе с ним, и поэтому бессмысленно ожидать от человека фиксированного и предсказуемого поведения. Спокойный знает, что если счастье было, оно снова придет, возможно в другой форме, но эта форма тоже будет по-своему прекрасна. Он не пытается контролировать мир и людей, он наслаждается ими.

Естественно, что ни один человек не застрахован от тяжелых потрясений, и, например, потеря любимого человека даже у последователя Шоу-дао естественно вызывает боль и печаль, но упражнения по управлению чувствами помогают погасить отрицательные эмоции, перейдя от них к спокойствию, а оттуда – к новому ощущению счастья.

Раскачка эмоционального маятника является совершенно естественной для представителей человеческого рода – после эйфории и безудержного восторга наступает подавленность и депрессия, поскольку сильный энергетический выброс, сопровождающий эмоциональное перевозбуждение истощает энергию организма, и пока энергетический баланс не восстановится, человек будет испытывать эмоциональный спад.

Секрет Бессмертных заключается в специальной энергетической и эмоциональной тренировке, позволяющей испытывать мощнейшие положительные эмоции без растраты энергии с периодическим возвращением для накопления сил ни ровное плато спокойствия, но без раскачивания маятника, без падения в пропасть депрессии и печали.

Поскольку работа с сексуальной энергией и общение с партнерами противоположного пола являются базовыми для управления энергией и эмоциями, сашино общение с самыми разными женщинами было необходимой составной частью обучения и тренировки.

Справедливости ради стоит упомянуть, что практически всегда связь Саши с женщинами разрывали сами женщины. Он относился к ним с истинной симпатией и, следуя шоу-даосской традиции, старался никогда не причинять вреда человеку, к которому он хорошо относится.

Причины разрыва, если он происходил не в силу неизбежных обстоятельств, обычно были самыми стереотипными: пережив восторги взаимной любви, женщины попадали в ловушку жажды контроля, и немедленно начинали пытаться втиснуть Сашу в рамки своих представлений об идеале мужчины: они желали не разлучаться с ним ни на миг, или выйти замуж, или иметь детей, им не нравились Сашины тренировки, он зарабатывал слишком мало денег, чтобы содержать семью и т. д.

Жажда контроля убивала наслаждение от общения, и женщины переходили к типичным односторонним играм с ссорами и примирениями, маленькими дамскими трюками и ловушками, подобными тем, которые телезрители наблюдают в латиноамериканских сериалах, и одной из которых часто было предложение расстаться, поскольку так продолжаться не может. Вместо того, чтобы начать рвать на себе волосы по поводу предполагаемой разлуки, Саша с невинным видом соглашался, что так будет лучше, поскольку предпочитал сохранить прекрасные воспоминания о времени, проведенном вместе и уйти до того, как любовь перерастет в полную свою противоположность.

В некоторых случаях разрыв происходил по Сашиной инициативе, когда его очередная возлюбленная выходила замуж, в то же время не желая прерывать с ним связь.

Причиной наших долгих и прекрасных отношений с Сашей было то, что у меня всегда хватало здравого смысла, чтобы понимать, что чем больше контролируешь человека, тем сильнее он рвется на свободу, и я получала удовольствие от общения так же, как и он, не пытаясь превратить его в свою собственность.

Помню один забавный и показательный диалог с его любовницей.

– Он мой! – патетически воскликнула она, сверкая жгучими черными очами, – Я заберу его у тебя!

– Ради бога, забирай, – сказала я.

Саша очень веселился по этому поводу и сказал, что даже если она его заберет, то вряд ли сможет донести домой. Учитывая, что в то время он весил 120 килограммов, я была совершенно спокойна за свою семейную жизнь.

От страстных сашиных красоток я отличалась еще и патологическим отсутствием ревности. Поскольку здравый смысл у меня обычно доминировал над необузданными эмоциями, я логично полагала, что если мужчина тебя любит, то ревновать его глупо, а если он захочет тебя бросить, так нечего о нем жалеть, и ревновать его просто бессмысленно.

Первый год замужества оставил у меня совершенно восхитительные воспоминания. По ряду причин, одной из которых были сашины не в меру темпераментные любовницы, мы поженились тайно, и даже сашина мать узнала об этом только через полгода. Произошло это следующим образом.

Она, в который раз, лицемерно грызла сыночка за то, что он все никак не женится, а ведь в его возрасте уже давно пора обзавестись семьей и родить детей, чтобы вырастить их достойными членами общества.

Саша, всегда любивший театральные жесты, для вида полчасика отмалчивался, а потом заявил, что он на все готов ради матери, и, чтобы сделать ее счастливой, он уже женился.

Александра Авенировна, естественно, не поверила, и, чтобы убедить ее, пришлось предъявить ей паспорт,

Эффект превзошел даже знаменитую немую сцену, когда, несколько лет назад первого апреля Саша обрадовал мать, сказав, что сегодня она стала бабушкой. Новоявленная бабушка весело смеялась до тех самых пор, пока не убедилась в том, что это – чистая правда. Тогда-то немая сцена плавно перешла в ураган.

Взглянув на печать в паспорте, Александра Авенировна схватилась за сердце, но негибкая воля и истинно коммунистическая стойкость помогли ей перенести и этот удар.

– Сынок! Что же ты наделал? – в голос причитала она. – Да ты только посмотри на нее! Она же тощая и хилая, небось еще и больная! Разве такая сможет родить тебе нормальных детей?

Мы сняли две комнаты в небольшом домике с садом в уютном овраге недалеко от Неаполя Скифского, на котором Саша столько раз тренировался с Учителем, и я погрузилась в совершенно новый мир приключений и страстей, по сравнению с которыми страдания героев сериала "Богатые тоже плачут" напоминали унылый воскресный обед пожилых шведов.

О нашем местонахождении было известно только нескольким ближайшим друзьям. Причиной такой конспирации было то, что обычно страсть у наших женщин идет рука об руку с мстительностью, и типично советской разновидностью мести было написание доносов в разные инстанции и создание проблем на работе.

Именно тогда я на опыте убедилась, что сашины рассказы об обучении у Ли были отнюдь не простыми словами. Саша никогда не любил демонстрировать свои экстрасенсорные способности просто для того, чтобы что-то кому-то доказать, но в случае необходимости они проявлялись сами, спонтанно и непредсказуемо.

Симферополь – маленький город, и, естественно, что там можно встретить знакомого на каждом углу. Не знаю, как ему это удавалось, но самых опасных своих любовниц Саша ухитрился чувствовать на расстоянии.

Однажды мы ехали в машине одного из наших друзей. Вдруг Саша резким движением лег на сиденье, вжимаясь в него изо всей силы.

– Что с тобой? – удивилась я.

– Там за поворотом, на остановке, будет стоять Лена, – сказал он.

К моему удивлению, она действительно оказалась там. Много раз, когда мы гуляли по городу, он вдруг неожиданно хватал меня и затаскивал за угол, в подъезд или в подворотню.

– Сейчас здесь появится такая-то, – говорил он.

И действительно, вскоре на улице появлялась именно та женщина, имя которой он называл.

Помимо, так сказать, действующих вулканов, Симферополь был наполнен вулканами потухшими. Во время прогулок по городу мы иногда по нескольку раз в день встречались с бывшими возлюбленными Саши. Поскольку о нашей женитьбе им не было известно, я скромно держалась в стороне, пока они беседовали, и меня восхищал как отличный сашин вкус, поскольку дамы его сердца обычно были красивыми, ухоженными и со вкусом одетыми, так и прекрасные отношения, которые он ухитрился с ними сохранить.

Действующие вулканы продолжали извергать облака пепла и потоки огненной лавы. Поскольку в провинциальном городке новости разносятся молниеносно, друзья нам приносили все новые и новые подробности о действиях противника.

Тут были и идеи уничтожения соперницы, и долгие часы дневных и ночных бдений у дома сашиной матери в надежде его отыскать, и безуспешные попытки получения информации у общих знакомых.

Одна очень красивая и темпераментная дама даже сделала попытку соблазнить морально неустойчивого сашиного друга и, судя по его уклончивым комментариям, ей-таки это удалось.

Друг держался до последнего, как зеленый берет на допросе у вьетконговских партизан, и, сообщив лишь информацию о том, что Саша теперь женат и женат на мне, он выстоял. и, несмотря ни на что, не выдал тайну нашего местонахождения.

Все происходящее доставляло нам и нашим друзьям немало восхитительных и радостных минут. В нашей комнате не было мебели. Пол был застелен ковром, а спали мы на матрасе, также лежащем прямо на полу. Наше уютное существование мы называли "половой жизнью", и оно оказалось необычайно удобным, потому что можно было перемещаться по жилищу ползком, даже не тратя силы на то, чтобы встать. Чтобы выпить чаю, достаточно было переползти с кровати на ковер, а, утомившись от чаепития, можно было снова отползти на кровать. Распивая на узорчатом ковре чай с булочками, печеньем и пирожными, мы обсуждали с друзьями новые повороты любовных сюжетов бурной сашиной жизни.

Когда с течением времени основные страсти улеглись, вновь задымились, правда не совсем одновременно, три дремавших вулкана, и дамы, скрежеща зубами, поведали Саше, что они сделают с его женой, если узнают, кто она и когда-нибудь ее встретят. Самым мягким вариантом было облить меня с ног до головы серной кислотой. К счастью, встретиться нам так и не довелось.

Все эти любовные страсти вызывали у меня одновременно восхищение и недоумение. Восхищение от того, что, оказывается, есть на Руси настоящие женщины, способные запросто заткнуть за пояс диких и страстных цыганок, темпераментных аргентинок и необузданных мулаток, а недоумение объяснялось тем, что подобные стереотипы поведения совершенно отсутствовали в моей модели мира.

Я, например, никогда бы не смогла облить незнакомого человека кислотой от чрезмерной любви, мне было бы лень часами выслеживать неверного друга у дома его матери и преследовать человека, который явно меня избегает, просто потому, что для меня это выглядело бы бессмысленно. Но жизнь тем и прекрасна, что, сталкиваясь с чуждыми моделями мира и стараясь понимать логику и действия их носителей, ты становишься опытнее и мудрее. Честно говоря, я гордилась тем, что вышла замуж за человека, разжигавшего пламя страсти в стольких женских сердцах.

Как раз, когда я писала это введение, произошло событие, которое заставило меня добавить к нему строки, изложенные ниже.

Как то я обсуждала с иллюстрирующим мои детские книги художником, нашим близким другом, какого типа литература может быть интересна нынешнему поколению школьников. Андрей пессимистично заметил, ссылаясь на своего собственного сына и его приятелей, что нынешние дети, достигнув десятилетнего возраста, вообще почти прекращают читать детские книги, полностью переключившись на журнал «Кул». Поскольку я, в своем невежестве, не имела ни малейшего представления об этом журнале, я спросила, о чем там пишут, и Андрей пояснил, что к основному сексу, отвечая на вопросы детишек типа: "Мне тринадцать лет, и я уже пять лет не испытываю оргазма. Пожалуйста, посоветуйте, что мне делать".

Журнал, столь удачно приобщающий будущие поколения к преимуществам сексуальной революции, меня заинтересовал, и я стала опрашивать своих знакомых, имеющих детей среднего и старшего школьного возраста, что же читают их отпрыски.

Ответ был стандартным – журнал «Кул». Дополнительной информацией оказалось, что этот журнал с успехом заменил молодежи давно устаревшую Библию, и причиной невыразимых душевных терзаний дочери моей знакомой было то, что в ее подборке номеров журнала некоторые отсутствовали, в то время, как более удачливые подруги оказались счастливыми обладательницами полного комплекта этого уважаемого издания. Мать страдальцы одолжила мне на несколько дней два номера журнала, и, надо сказать, с ее стороны это было героическим поступком, поскольку, представляя, какой будет реакция ее дочери на пропажу "священного писания", она бледнела и заклинала меня обязательно вернуть журналы в срок, ибо в противном случае последствия могут быть непредсказуемыми.

Журналы произвели на меня глубокое впечатление, и, даже, в некотором смысле успокоили меня. Если раньше у меня были опасения, что кто-то может неверно понять "Обучение женщиной", сделав ошибочный вывод, что даосы возводят в добродетель большое количество сексуальных партнеров и чрезмерное развитие чувственности в ущерб эмоциональному контакту с партнером и элементарной человечности, то теперь я поняла, что мне уже нечего бояться. После журнала «Кул» даже самые нелепые трактовки даосизма уже ничего не смогли бы испортить.

Чтобы объяснить, что я имею в виду, достаточно процитировать несколько детских писем в ре-

дакцию, набранных под броскими заголовками:

ХОТИМ ПЕРЕСПАТЬ С ОДНИМ!

Пишут тебе три подруги. Нас очень волнует один вопрос: мы хотим переспать с одним парнем, все троим и. одновременно. Он подает знаки внимания нам троим, все мы с ним целовались, по ночам нас преследуют эротические сны. Как ему это предложить?

У МЕНЯ СЛИШКОМ БОЛЬШОЙ КЛИТОР!

Меня очень смущает размер моего клитора! Он сильно торчит наружу. Может, это как-то связано с тем, что я много мастурбирую? Моя подруга, говорит, что это может быть какое-то заболевание. Больше всего мне не хочется, чтобы клитор увидел мой друг. Сейчас я больше не занимаюсь мастурбацией. Может, так мой клитор уменьшится?

ОН, НАВЕРНОЕ, НЕ УДОВЛЕТВОРЕН!

Когда мои родители на работе, мой друг часто после школы бывает у меня. Он учится со мной в одном классе – мы. делаем вместе домашнюю работу, слушаем музыку, болтаем. Иногда занимаемся петтингом. Но. несмотря на это, он все равно каждый день занимается онанизмом. А после петтинга у него еще полчаса не проходит эрекция. Может это потому, что у него слишком большой член?

Я ПРОКОЛОЛА СЕБЕ ГРУДЬ!

Этой зимой я проколола себе грудь. Первые несколько дней было немного больно, но теперь я ношу колечки на сосках каждый день. Моему парню очень нравится, а когда он с ними играет, это доставляет мне огромное удовольствие. Недавно же я услышала, что с проколотыми сосками я не смогу грудью кормить своего ребенка. Это правда? Ведь я обязательно хочу в будущем иметь детей!

ВО ВРЕМЯ СЕКСА ЕМУ НУЖНО В ТУАЛЕТ!

У меня есть любимый парень. Мы уже несколько раз занимались с ним любовью, но здесь есть одна проблема. Каждый раз перед наступлением оргазма он вдруг бежит в туалет мочиться. И говорит, что ничего не может с собой поделать. Скажите, а что же будет, если он однажды дойдет до оргазма, не сходя в туалет? И можно ли здесь что-нибудь исправить?

На красочных цветных иллюстрациях восьми-десятилетние мальчики демонстрируют радости секса с превышающими их в два раза по размеру уже вполне сформировавшимися более старшими подругами. Справедливости ради надо отметить, что секс-партнеры старшего школьного возраста тоже встречаются, и, чтобы не вызывать слишком явных ассоциаций с детской порнографией, мальчики и девочки всегда одеты в узенькие плавки.

Не забывая, что трудная жизнь подростков состоит не только из проблем плоти, и в ней иногда встречается такая нелепая и отвратительная вещь, как, например, школьные экзамены, журнал помогает с легкостью разрешить и эту проблему.

Что же нужно сделать, чтобы успешно сдать экзамены? Все очень просто. Для этого вы всего лишь должны подобрать к черной мини-юбке строгий серый укороченный пиджак (за 150 долларов), бархатную кофту с коротким рукавом – и считай, что «пятерка» у тебя в кармане.

Времена меняются, а вместе с ними меняются и модели мира новых поколений. Это не хорошо и не плохо – это естественно. Сколько моделей мира. философий и мировоззрений кануло в Лету за долгую историю существования человечества! Тем большую радость вызывает у меня тот факт, что знания Спокойных прошли сквозь тысячелетия, испытали себя на прочность среди чуждых им народов и цивилизаций, и, несмотря ни на что, сохранились до наших дней и продолжают вызывать устойчивый интерес и приносить пользу многим людям. Надеюсь, что так будет продолжаться и впредь!

На этом введение, и без того слишком затянутое, пожалуй пора закончить. Вас ждет "Обучение женщиной".

Глава 1

В ноябре 1994 года я отправился в служебную командировку в Таиланд, и это путешествие послужило толчком к тому, чтобы раскрыть некоторые техники "спящей собаки" – управления сексуальной энергией группе моих учеников. До этого в течении нескольких лет я давал им многие подготовительные медитативные, дыхательные и психофизические упражнения, однако

продемонстрировать им настоящий ци-гун с глубокими измененными состояниями сознания, с бурными и неконтролируемыми проявлениями энергетики организма я до поры до времени не решался.

В первую очередь причиной этого были с воспоминания о достаточно неприятных моментах, связанных с некоторыми не в меру добросовестными сотрудниками Комитета Государственной Безопасности Крымской Области, в ту славную пору, когда даосизм считался чуждой идеологией, а разговоры о сексе – признаком буржуазного разложения.

Второй причиной было то, что я сам уже давно не практиковал техники "спящей собаки". К сожалению, бытовые проблемы, связанные с переездом из Симферополя в Москву, покупкой дома и необходимостью зарабатывать деньги, начиная все с нуля на новом месте, почти не оставляли времени для серьезных занятий.

Третьим препятствием стало отсутствие подготовленных учениц. Упражнения "спящей собаки" обычно требуют одновременного или разновременного контакта с несколькими женщинами, достаточно подготовленными, чтобы входить в измененные состояния сознания и уметь активизировать свою сексуальную энергию и управлять ею. Даже нахождение с такой ученицей в одной комнате без непосредственного контакта тел настраивает, выравнивает и поднимает энергетику обоих, хотя у мужчины в большей степени.

Моей задачей в Таиланде, как, впрочем и в других странах, которые я посещал по приглашению зарубежной фирмы, было изучение опасностей пребывания туриста за рубежом в каждой конкретной стране и разработка рекомендаций по сведению к минимуму возможного риска и обеспечению максимальной безопасности клиентов этой фирмы. Поскольку изучать сложности бурной туристической жизни проще всего на собственном опыте, я, так сказать, пожертвовал собой ради дела и окунулся в наполненную событиями жизнь.

Я катался на полудиком слоне, погонщик которого прекрасно изучил искусство компромисса – примерно в половине случаев слон делал то, что хотелось ему самому, время от времени снисходя-таки к выполнению пожеланий восседающего у него на шее небольшого смуглого тайца.

Слон подходил к деревьям, чтобы почесаться о них или закусить облюбованной веточкой, с резвостью и изяществом балерины прыгал в овражки двухметровой глубины и так же непринужденно выскакивал наружу. Мне в такие моменты оставалось только отчаянно цепляться за борта хлипкой прямоугольной корзины, в которой мы сидели, и я впервые оценил, что чувствует моряк, попав на утлом суденышке в десятибальный шторм.

Иногда, решив освежиться, слон обламывал с деревьев огромные ветки толщиной с молодую березку и принимался обмахиваться ими, болтая хоботом во все стороны. Нам приходилось буквально вжиматься в корзину, чтобы не оказаться сметенными с его спины.

По-видимому, европейцы вызывали у так до конца и не покоренного исполина джунглей устойчивое отвращение, поскольку время от времени слон производил громкий хлюпающий звук, как гайморитник со стажем, втягивающий соплю, а затем поднимал хобот вверх и, изогнув его изящной дугой, совершал обратное действие, прицельно плюясь нам в лица липким желтоватым содержимым своего не в меру подвижного носа.

В корзине мы были вдвоем – я и Юрий, мой коллега по командировке. Я в меру своих сил старался уклоняться, хотя и не всегда успешно, Юрий же, не имевший практических навыков в боевых искусствах и уделявший все свое внимание тому, чтобы не вывалиться из корзины, оказывался менее удачливым, и жидкость каждый раз залепляла его очки, полностью лишая способности видеть.

Вполголоса комментируя свое отношение к местной фауне, Юрий одной рукой продолжал цепляться за бортик, а другой снимал и протирал очки. Слон же в это время отыскивал новую двухметровую ямку, чтобы порадовать нас очередным прыжком. Убедившись, что очки вновь находятся на своем месте, мерзкое животное в очередной раз изгибало хобот и издавало хлюпающий звук...

Наконец; прыжки, плевки и немые (по крайней мере со стороны слона), но бурные разборки с погонщиком изрядно надоели нашему четвероногому транспортному средству, и слон решил освежиться, разумно выбрав для этого грязный взбаламученный водоем, кишасший крокодилами. Когда он, войдя в воду по грудь, задумался, стоит ли ему прилечь или даже поваляться на спине, я, несмотря на многолетнюю тренировку контроля над эмоциями, почувствовал состояние, близкое к панике. Чего-чего, а плыть к берегу, локтями и коленями расталкивая пусть небольших, но назойливых крокодилов мне хотелось меньше всего на свете.

Погонщик что-то громко заверещал, отчаянно нахаживая слона палкой между глаз. Раньше он подавал команды, засовывая палку с крюком на конце в лопухообразные слоновьи уши, но тут надо было спасать положение. Опустившись на колени, вредное животное задумалось, потом возвело к небу маленькие свирепые глазки, и наконец медленно, с явной неохотой поднялось на ноги, бросив

на разевающих пасти рептилий полный сожаления прощальный взгляд. Неторопливо переставляя ноги с налипшим на них илом, слон выбрался на берег, и мы все вздохнули с облегчением.

На всякий случай хочу оговориться, что катание на нормальных парковых слонах отличается от моего волнующего опыта, как поездка на лимузине от Лос-Анджелеса до Сан-Франциско от скачке на «газике» на перегоне Ханты-Мансийск-Магадан.

Парковые слоны двигаются исключительно по ровным дорожкам, не вступают в конфликты с погонщиками и не имеют дурной привычки оплевывать пассажиров. При виде нацеленного на себя фотоаппарата они даже по собственной инициативе позируют, изящно изгибая хобот "чайником".

Другим захватывающим приключением был двухдневный пеший переход через джунгли, правда при участии проводников и слонов, на сей раз вместо пассажиров перевозивших наши вещи и палатки для ночлега. Джунгли действительно оказались совершенно дикими, со всем буйным многоцветьем тропической природы, бабочками, змеями, диковинными ящерицами и насекомыми.

Нам посчастливилось даже увидеть двух тигров совсем недалеко от нашей группы, но звери были или слишком сытыми, или не имели ни малейшего желания связываться со слонами и сопровождающей их компанией. Должен признать, что смотреть на вольного и дикого тигра в джунглях и в зоопарке за широким рвом, заполненным водой, это, как говорят одесситы, две большие разницы. Немного позже, когда испуг прошел, у меня появилось сильное подозрение, что в кустах рядом с тиграми скрывалась пара тайцев, погоняющих их хворостиной, потому что точь в точь такая же полосатая и когтистая парочка была изображена на рекламном плакате "Слоновой деревни" – фирмы, организовавшей эту экскурсию.

До поездки в Таиланд мне в основном доводилось путешествовать только по Европе, с небольшим кратковременным заездом в Африку, и, возможно поэтому, с того самого момента, как я ступил на трап самолета, и меня окутали волны горячего и влажного воздуха, пропитанного совершенно новыми, непривычными запахами, я почувствовал, что влюбляюсь в эту страну.

Был конец ноября, в Москве уже давно лежал снег, а здесь царствовала жара, причем жара не такая, как бывает в России даже в очень жаркие летние дни. В ней не чувствовалось какого-то холодного стержня, свойственного средней полосе, когда, даже наслаждаясь теплом, ты не можешь отделаться от чувства, что это ненадолго, что скоро снова придется кутаться в теплые куртки и шарфы.

Когда первые восторги улеглись, и я адаптировался к жаре, у меня возникло смутное навязчивое чувство, что это и есть мой мир, что я был рожден для того, чтобы жить в этом влажном и теплом климате. Возможно, во мне зыграли атавистические воспоминания о беззаботной пасторальной жизни наших предков-обезьян (увы, я не придерживаюсь версии инопланетного происхождения человека) в жарких тропических джунглях.

Таиландская жара сочеталась с дыханием океана, с дыханием джунглей, с взметнувшими ввысь снопы сочной зелени кронами пальм, с гармоничной и естественной красотой местных жителей, с яркими, как крылья бабочки, нарядами стройных бронзовокожих красавиц.

Из Бангкока мы отправились в Потайю и поселились в небольшом уютном бунгало, где кроватью служило небольшое возвышение самого пола, застеленное удобным упругим матрасом.

На Потайю опустилась бархатная южная ночь, рассыпав ворохи огромных сияющих звезд. В этой ночи царила ленивая тропическая нега, ее наполняли запахи цветов, резкие вскрики птиц и пение цикад. Тайская ночь – время прогулок, развлечений и приключений.

Завтракали мы в небольшом ресторанчике, принадлежащем отелю и расположенном прямо на берегу океана. Рядом со столиками стоял огромный прямоугольный аквариум. Я называл его "Дружба народов", ибо его обитатели были подобраны мудрыми тайцами с таким расчетом, чтобы ни один из них при всем желании не мог съесть соседа. Там были и небольшие акулы, и причудливые неизвестные мне рыбы, и крупные странные членистоногие, напоминавшие мне трилобитов. Несколько раз в день у аквариума появлялся служащий ресторана, чтобы пополнить его изголодавшееся население сверкающим серебристым водопадом живой рыбы, предназначенной на съедение.

Аквариум буквально вскипал. Доселе лениво шевелившие плавниками представители содружества с восторженной радостью набрасывались на братьев своих меньших, изо всех сил стараясь заглотить больше соседа. В этот моменту миниатюрного поля боя собирались туристы самых разных национальностей и цветов кожи, с интересом наблюдая и комментируя буйное канибальское пиршество.

Больше всего в Таиланде было немцев. Немцев в Таиланде не любили. Они были жадными, торгуясь до последнего бата, они откровенно презирали тайцев и раздражали официантов, придираясь к качеству пищи и заставляя, по большей части из прихоти, менять не понравившиеся им блюда.

Всем известно, что правила не бывают без исключений, и вскоре я познакомился с очарова-

тельным немцем, живущим в соседнем бунгало. Бывший сотрудник дорожной полиции, ныне пенсионер, неизлечимо больной раком, он перебрался из Германии в Таиланд, чтобы встретить свою смерть в восхитительном тропическом раю счастья и наслаждений. Хотя Курту оставалось жить не так уж много, я редко встречал более веселого и оптимистичного человека. Все любили его. Каждую ночь он приводил в свое бунгало новых девочек, проживая эту ночь так, словно она была для него последней.

Я, доброжелательный по своей природе, сразу же находил с тайцами общий язык. На обращенную к ним улыбку они реагировали, как веселые, открытые к общению дети, и наших познаний в английском языке в сочетании с интернациональным языком жестов вполне хватало для полного взаимопонимания.

Один забавный случай произошел на охраняемой стоянке в центре Потайи, где мы оставляли свой арендованный джип. Каждый раз, появляясь в гараже, я обменивался улыбками и приветствиями со службой безопасности в лице двух невысоких поджарых тайцев в форме цвета хаки и с пистолетами в поясной кобуре.

Длительное бездействие, видимо, утомило охранников, и они решили слегка разнообразить свое унылое существование. Когда наш джип в очередной раз въехал в гараж, один из них вытащил пистолет из кобуры, и, сделав грозное лицо, постучал в лобовое стекло и жестами велел мне выйти из машины.

Я повиновался. Продолжая пребывать в образе крутого полицейского, таец заставил меня, повернувшись лицом к джипу, положить руки на капот, раздвинуть ноги, и, обыскав меня на предмет наличия оружия, он приставил пистолет к моему затылку.

Он так и не понял, что произошло, в мгновение ока оказавшись лицом на капоте машины с рукой, завернутой за спину. Пистолет был уже у меня, и на этот раз я приставил его к затылку охранника.

Его товарищ просто взвыл от восторга. Забыв о связывающих их узах дружбы, он начал энергично наносить в воздух удары кулаками, локтями и ногами, попутно объясняя мне, что именно таким образом я должен окончательно добить его неудачливого приятеля.

Я не был столь кровожадным, поэтому, отпустив незадачливого полицейского, я с улыбкой вернул ему пистолет, и мы расстались очень довольные друг другом.

Другой забавный случай произошел на коралловом острове. Я присоединился к экскурсии, как обычно, по большей части состоящей из немцев, итальянцев и французов.

Катер доставил нас на плоский неприглядный берег, заросший чахлыми кустиками. Уродливый деревянный навес на столбах под палящим полуденным солнцем оказался единственной оживляющей пейзаж достопримечательностью.

Под навесом расположилась крикливая толпа торговцев местными сувенирами, начиная от ракушек и кончая предметами мебели. Разморенные жарой туристы разместились в шезлонгах, где их ни на минуту не оставляли в покое продавцы драгоценных камней.

Чтобы доказать подлинность и качество своего товара, они клали на землю маленькую металлическую наковальню, в центре ее устанавливали драгоценный камень, а затем со всей дури лупили по нему тяжелым молотом или булыжником.

– Деньги давай, давай деньги! – подобно героям Ильфа и Петрова, надсадно кричали они.

Торговля шла вяло. Туристам было лень связываться с контрабандой.

Я покатался на скутере. Когда я как следует набрал скорость, из воды, к моему изумлению и восхищению, взметнулась стая летучих рыб, и они, словно соревнуясь, помчались со мной наперегонки. В этот момент время как будто остановилось. Меня захлестнуло близкое к оргазмическому чувство восторга, которое Ли называл "Взрывом божественного ветра". Учитель говорил, что мощному оргазмическому переживанию обычно предшествует специфическое экстатическое состояние, сравнимое с сатори, но воспринимаемое совершенно по-другому. При этом не только волны энергии поднимаются снизу вверх, но и кажется, что на тебя проливается божественный душ ощущений счастья, чувственности, радости, и весь этот коктейль связан с уникальным переживанием "внутреннего облака", которое в разной степени интенсивности сопутствует даосу всю его жизнь. Но высшая точка экстаза достигается лишь в редкие мгновения, остающиеся в памяти на всю жизнь и связанные с переживаниями максимальной силы.

В данном случае сама атмосфера причудливой смеси средневековья и современности, девственный океан, вид острова и сказочных парусных судов и абсолютная ирреальность происходящего послужили толчком к "Взрыву божественного ветра". Меня не смущало то, что я ехал на современном скутере, и даже оглушительный рев его моторов не нарушал этой гармоничной идиллии. Гонка с

летучими рыбами так захватила меня, что я засмеялся во весь голос, и слезы радости и восторга увлажнили мое лицо.

Затем я решил полетать на парашуте. Это оказалось совсем не легкой задачей. Сбруя от парашюта была слишком маленькой и не застегивалась на мне. Озадаченному тайцу пришлось потратить некоторое время, отыскивая ремни побольше.

Наконец меня прицепили к катеру, и тут снова случилось неувязка. Мой вес был слишком велик для скорости разбега, и прежде, чем взмыть в воздух, я погрузился глубоко под воду. Однако ветер наполнил купол парашюта, и я, чихая и отплеываясь, вынырнул из воды и взмыл ввысь, на сей раз сверху любуясь извилистыми очертаниями острова и россыпью яхт и катеров, казавшихся клетками на поверхности сверкающего голубого супа.

Самым веселым оказалось приземление. Обычно несколько тайцев, завидев очередного опускающегося воздухоплавателя, наперегонки бросались к нему, подхватывая на руки и не давая ему грохнуться на землю. Для приземления нужно было потянуть на себя стропу с завязанной на ней красной лентой, затем отпустить ее, и парашют начинал снижаться. Условный рефлекс заставил пяти или шесть тайцев ринуться мне наперехват, протягивая вперед руки, но внимательно разглядев стремительно приближающуюся к ним тушу, по весу превышающую каждого из них минимум в два раза, они с пронзительными криками бросились враспынную. К счастью, у меня был достаточный опыт прыжков, и я эффектно приземлился на обе ноги, застыв, как вкопанный. Тайцы, очевидно ожидавшие, что этот грузный европеец сейчас как следует покувыркается по песку, разразились восхищенными возгласами и громкими аплодисментами.

Я принял их восхищение, как должное, и, как всегда, принялся оживленно болтать и обмениваться улыбками с сидящим на берегу местным населением.

Несколько минут спустя один из тайцев возмущенно воскликнул:

– Что же такой хороший человек делает на этой стороне острова!

Меня пригласили на мото-баркас, мотор взревел, и вскоре передо мной открылась ожившая реклама Баунти – райское наслаждение. Я, как замороженный, любовался величественными силуэтами пальм на чистом белоснежном песке, яркими цветами и буйством джунглей, гармонично вписывающимися в пейзаж прелестными небольшими хижинами. Как не походило все это на унылую пустыню, выделенную для обычных европейских туристов!

Когда меня привезли обратно, на берегу появилась новая группа торговцев драгоценностями. Я разговорился с одним из них, и вскоре он уже предлагал мне сотрудничать с ним в контрабанде рубинов.

– Ты только перевези камни в Москву, а там тебя встретят! – с жаром убеждал меня он.

Я вежливо поблагодарил и отказался.

Благодаря красотам Таиланда мне еще несколько раз удавалось вызывать у себя состояния, по силе близкие к долинному оргазму. Мне навсегда запомнилось созерцание красот в парке миллионлетних камней, где огромные причудливой формы скалы в обрамлении пышной цветущей неопишуемой красоты цветами растительности заставляли меня каждый раз останавливаться и замирать от восторга при виде очередного неповторимого пейзажа.

Ощущение непрекращающегося праздника и состояние детской радости не улетучивались ни на миг. Я с огромным удовольствием рассматривал животных, клетки с которыми располагались прямо в парке, посещал аттракционы со змеями и крокодилами, запоминая профессиональные трюки дрессировщиков, искусно использовавших природные склонности рептилий для достижения своих целей. Они буквально гипнотизировали крокодилов, применяя при этом несколько простейших приемов, одинаково хорошо действующих и на крокодилов, и на людей.

Например, таец, крича по-английски «стоп», заставлял рептилию замирать на месте, или, закружив голову крокодилу и удерживая его за хвост, он вращал бедное животное вокруг своей оси, доводя его до такого состояния, что дальше можно было делать с ним все, что угодно. Вооруженные лишь бамбуковыми палочками тайцы смело бродили по мутноватой воде крокодилового пруда, в данном случае являющегося сценой, при необходимости лишь отодвигая в сторону морды наиболее наглых животных.

Мне даже удалось познакомиться с тайским мастером цигун. Я случайно встретил его в одном из парков, рядом с крупным отелем. Таец выполнял необычный ритуал, в котором явно прослеживались медитативные техники управления энергией. Эта встреча послужила началом общения, оказавшегося полезным для нас обоих. Хорошие связи завязались и с мастерами народной медицины, практикующими настоящий тайский массаж и лечение травами в одной из "тропических парилок" Таиланда.

"Тропическая парилка" устроена таким образом, что испарения, идущие из подогреваемого чана, прогоняются через каменные кабинки, в которых находятся парящиеся. Из-за обилия влаги возникает очень приятное состояние, при котором, несмотря на высокую температуру, легко и хорошо дышится, а аромат трав приводит блаженно-расслабленное состояние.

Но ни для кого не секрет, что большинство туристов посещают Таиланд не ради его красот, а с совершенно определенной целью, и цель эта – секс.

Здесь можно найти женщин на любой вкус и достаток. В Таиланде все происходит так просто и естественно, что даже приезжающие туда по делам вполне добропорядочные отцы семейств, если в них еще не полностью угасло мужское начало, не могут противостоять искушению и на время забывают о добродетели.

Хотя официально проституции в Таиланде не существует, большая часть находящегося в подходящем возрасте женского населения зарабатывает на жизнь этой почетной древнейшей профессией. Одной из причин, толкающей их на это, является крайняя нищета, и проституция представляет зачастую единственную альтернативу голоду и изнурительной работе на рисовых полях.

Секс для тайландцев так же естественен, как и еда. Девушки заигрывают с туристами на улицах, подсаживаются к ним в питейных заведениях, и уже совсем откровенно предлагают себя в самых разнообразных массажных салонах. Многочисленные эротические шоу и вызывающе одетые грациозные и соблазнительные красотки еще больше подливают масла в огонь, лишая туристов последних остатков здравого смысла.

В отеле я познакомился с некоторыми европейцами разных национальностей, которые на каждую ночь выбирали себе одну, а чаще нескольких девушек. При этом они не гнушались даже простых уличных проституток, и у меня создавалось впечатление, что мысль о возможности заражения СПИДом или другими венерическими заболеваниями даже не приходит им в голову.

Сильно развитый инстинкт самосохранения некоторое время удерживал меня от случайных связей, но так случилось, что и моя линия обороны в конце концов дала трещину. Однажды я решил составить компанию Юрию и сходить в одно из заведений бодимассажа. При этом меня действительно интересовала в первую очередь техника тайского массажа. Я вспоминал великолепный массаж телом, который мне делала Лин, другие любопытные техники массажа, которые когда-то мне демонстрировали некоторые из моих давних любовниц. Особенно мне запомнилась одна очень красивая и темпераментная армянка. Так или иначе, но я решился, и вскоре мы с Юрием остановились у дверей под яркой неоновой вывеской "Бодимассаж".

Когда мы переступили через порог, мне показалось, что все это – сон, или сцена из странного фильма. Путь нам перегораживала разукрашенная веселыми красками стена. Идущий влево узкий проход заканчивался тупиком, в котором красовался светящийся аквариум с рыбками.

Мы пошли направо, и, обогнув стену, оказались в просторной комнате, где тоже был аквариум, но этот аквариум был огромным, и вместо рыбок в нем демонстрировали свои прелести десятки женщин. Они сидели на скамейках, ярусами возвышающимися одна над другой, и были отделены от зала большими стеклянными витринами. У меня мелькнула мысль, какими удивительно яркими были эти девушки. Их было так много, что я не мог различить, красивые они или нет, сколько им приблизительно лет. В памяти сохранилось лишь впечатление об их удивительной яркости,

Мужчины-покупатели располагались за столиками, заказывая себе напитки и иногда (это я понял уже потом) часами разглядывая предлагаемый им товар и выбирая, так сказать, десерт.

Зрелище оказалось столь неожиданным и, с непривычки шокирующим, что мы, не сговариваясь, повернулись на 180° и выскочили на улицу.

Весь день Юрий уговаривал меня вскусь прелестей тайского сервиса. В конце концов я согласился его сопровождать, и через некоторое время мы вновь очутились у витрин большого аквариума.

Тут же к нам подскочили два менеджера и на ломаном английском, подкрепляя его выразительными жестами, начали объяснять, как прекрасно мы можем провести здесь время.

Мой менеджер засунул указательный палец глубоко в рот, и, сделав несколько аппетитных всасывающих движений, с оглушительным чмоканьем вытащил его. На случай, если я чего-то не понял, он вновь повторил ту же самую процедуру, а затем вставил тот же палец в кольцо из большого и указательного пальцев другой руки, и, сладострастно жмурясь и постанывая, подвигал им взад-вперед. Даже если бы я не знал ни одного слова по-английски, было нетрудно догадаться, о чем идет речь.

Заказав по соку, мы воззрились на выставленный в витринах цветник. Даже само это противостояние или, вернее, противостояние, оказалось слишком непривычным для русского человека, никогда не сталкивавшегося с подобным видом проституции. Десятки женских глаз вели с нами молчаливые диалоги, умоляя, чтобы выбрали именно их, и это вызывало неловкость и раздвоенность

чувств.

Удивившись неожиданному для меня самого эмоциональному замешательству, я отбросил смущение, и, с помощью короткого выдоха восстановив спокойствие, принялся внимательно рассматривать сидящих передо мной дам, отвечая на их немые призывы улыбкой, кивком головы или жестом рук.

Я несколько раз осмотрел всех женщин в аквариуме, но ничто не шелохнулось в моей душе. Меня наполняло лишь спокойствие, к которому примешивалось легкое отвращение. Мне не хотелось покупать этот живой товар. Я предложил товарищу выбрать какую-нибудь из девушек и отправиться с ней в комнату в глубине заведения, но он боялся идти туда один. Сказывался естественный страх европейца перед воспетым в стольких детективных романах азиатским коварством. Я был своеобразной страховкой того, что он вернется назад.

Некоторое время мы поспорили, и я уже настроился на минимум полуторачасовое ожидание, как вдруг в зал вошли две девушки, по-видимому только что отстоявшие смену в "горячем цеху". Обе они были замечательно красивы, и формы их тел оказались именно такими, какими бы мне хотелось видеть их у любимой женщины. Их лица тоже были прекрасны, но одну, по моему мнению, несколько портило подражание европейским женщинам. Она изменила естественный цвет волос на рыже-каштановый. Другая же не стала уродовать свои волосы, и они были длинными, блестящими и черными, как смоль. Встретившись с ней глазами, я почувствовал, что буквально утонул в них.

Пока девушки усаживались на свои места в аквариуме, я понял, что бодимассаж предназначен мне судьбой.

Люди, рассуждающие о том, возможна или нет любовь с первого взгляда, кажутся мне просто несчастными, потому что им ни разу в жизни не довелось испытать это чувство. Многие из них являются, если так можно выразиться, эмоционально фригидными в силу слегка депрессивного, пессимистического склада характера. Они инстинктивно боятся сильных чувств и больших эмоциональных потрясений, потому что из-за слабости нервной системы или каких-то комплексов не способны вынести их напор, подсознательно опасаясь, что, вознесшись на небеса, они немедленно низвергнутся на землю. Они живут, загнав себя в самими собою придуманные безопасные рамки, избегая самой жизни и так никогда и не узнав, что такое любовь, счастье и страсть.

Я, как даос, понимал, что именно из подобных прекрасных ощущений, из подобных мгновений, секунд, минут и часов и состоит ткань нашей жизни. Именно такие события и дают ей наполненность, полноценность и интенсивность, и я, мгновенно отбросив доводы осторожного рассудка, бросился в водоворот нового приключения.

Прежнего менеджера уже успела сменить довольно красивая женщина, в повадках которой чувствовался мягкий лоск маскирующейся развращенности. Источая липкую любезность, она провела меня через дверь в глубине зала и оставила одного в небольшом помещении.

Несколько секунд спустя появилась моя избранница. На ней было облегающее черное платье с большим декольте. Вырез на спине оказался гораздо глубже, чем спереди, обнажая стройную мускулистую спину бронзовой статуи.

– Здравствуй. Как тебя зовут? – спросил я.

– Нойи, – услышал я в ответ.

– Ты прекрасна, Нойи, – сказал я. С милой улыбкой на лице девушка грациозно присела в реверансе и вежливо ответила:

– Спасибо.

Потом она взяла меня за руку. Я коснулся ее обнаженного локтя, и мне показалось, что тысячи игл возбуждающе-щекочущим покалыванием прошли по моему телу. Ее кожа была такой же неправдоподобно нежной и гладкой, как у Лин.

Существует много гипотез того, как возникает влюбленность. Одна из них заключается в том, что в подсознании каждого человека хранится образ идеального возлюбленного, черты которого формируются с раннего детства, иногда повторяя качества реальных, когда-то встреченных людей, в том числе родителей, а иногда являясь плодом воображения и фантазии.

Считается, что любовь с первого взгляда – это мгновенное перенесение воображаемого образа идеального партнера на случайно встреченного человека, спровоцированное неосознанными ассоциациями его облика, голоса, жестов или поведения с чертами, присущими идеальному воображаемому образу.

Нойи напомнила мне Лин, прекрасную кореянку, с которой судьба разлучила меня много лет назад, и воспоминания о которой во многом сформировали тот образ идеальной возлюбленной, который я сейчас бессознательно спроецировал на очаровательную тайку.

Корейнка, открывшая мне тайны даосской любви, была и оставалась самой сильной любовью моей жизни. Наша вынужденная разлука, несмотря на всю мою подготовку, оставила в моей душе глубокую, хотя и быстро затянувшуюся рану. Но шрам от этой раны, как и волнующие воспоминания о Лин, остались навсегда, во многом определив мое отношение к женщинам.

Признавая, что европейские женщины тоже иногда бывают очень красивы, я все-таки испытывал гораздо большее влечение к смуглым, грациозным и чувственным азиаткам, возможно потому, что их черные, как смоль, волосы и бронзовая кожа напоминали мне о потерянной навсегда возлюбленной.

Нойи тоже была в чем-то похожа на Лин, и, хотя ее красота была совсем другой, ее сильное гибкое тело пробуждало во мне неописуемые чувства моей юности.

Многолетний опыт общения с мужчинами позволял ей читать их, как открытую книгу, и, встретившись с Нойей глазами, я понял, что ей прекрасно известно о том, что творилось в моей душе. Более того, я почувствовал, что она отвечает мне взаимностью. Возможно это был профессионализм, но, скорее всего, как показало наше последующее общение, ее реакция была спонтанным эмоциональным откликом на мои чувства.

Нойи повела меня по коридору. Она шла медленно, и в ее осанке была особая торжественность и достоинство, вызывающее ассоциации с особами королевской крови.

Перекинувшись парой слов с кастеляншей, менявшей белье в одном из приоткрытых номеров, она спросила, какую комнату мы можем занять. Нас направили в кабинет под номером 11. Я с интересом окинул взглядом просторную комнату, убранство которой было продумано до мелочей.

Потом, уже в Москве, я описал эту комнату в стихотворении, "Утомленная проститутка".

*Утомленная проститутка,
Черный омут раскосых глаз.
Я не стану тебя тревожить.
Выпись, милая, хоть сейчас.*

*На плече у меня головка
Изумительной красоты.
Нежно жметя, ко мне плутовка.
С телом женщины из мечты.*

*Час оплачен. Секунды строятся
В изумительные ряды.
Птица счастья за хвост уж поймана.
Наслаждение позади.*

*Над Потайей сгустились сумерки,
Превратившись на время в ночь.
Отдыхает, удобно устроившись,
Азиатская чья-то дочь.*

*Свет приглушен, «кондишн» выключен,
И динамик на время стих,
Миг, за миг до декабрьской полночи,
По-ноябрьски тревожно затих.*

*Красноватая обстановка.
Все, мужчины, здесь только для вас.
Матик ватный с простынкой наброшенной,
Рядом с ванной надут, матрас.*

*"Королевская" проститутка,
Неожиданная любовь.
От сомнений и чувств замирает
На мгновение в сердце кровь.*

Русский я, а она – вьетнамка,

*Убежавшая от нищеты.
Может, все еще образуется?
Может, будешь счастлива ты?*

*Может, как-нибудь заработаю,
Чтобы видеться раз в году.
Может, что-нибудь и получится,
Одолеешь свою ты беду.*

*Полосатое платье сброшено
С ярким номером на груди.
Спи, любимая моя Нойи.
Тише, времечко, подожди!*

*Ну постой же хотя бы минуту,
Расставание отдали.
Облачками мысли, витают,
Пропадая где-то вдали.*

*Все! Еще пять минуток, в зале.
Взгляды, сотни завистливых глаз...
До дверей они нас провожают
В третий, в самый последний раз,*

*Ты идешь величаво и плавно,
Я лишь следую за тобой.
Сохраню я, Ватсана Нойи,
В своей памяти, образ твой.*

Комната совмещала в себе все – прихожую, ванную комнату, спальню. Рядом с дверью располагалась вешалка с небольшой лавочкой под ней. Большая двухместная ванна с резиновыми подголовниками была вмурована в пол, и окружающее ее пространство опускалось на ступеньку ниже уровня пола комнаты. Рядом с ванной лежал предназначенный для массажа телом удивительно гладкий белый матрас. Играла легкая приятная музыка.

Заметив, что я не тороплюсь раздеваться и не выгляжу завсегдатаем подобных заведений, Нойи предложила мне сесть. Она подошла ко мне, грациозно присела и аккуратно сняла ботинок с моей ноги. Я почувствовал себя неловко, и мое смущение еще более возросло, когда она начала стягивать носок.

Я придержал ее руку и запротестовал, по-английски и жестами объясняя, что я сам могу проделать эту нехитрую операцию.

Я знал, что в традиционной тайской культуре стопы символически считаются чем-то грязным, и человек, снимающий с вас обувь, или выказывает высокую степень уважения, или демонстрирует этим свою рабскую покорность, полностью отказываясь тем самым от лидерства в отношениях. Это происходило и сейчас.

Нойи оставила мой носок в покое. Она поднялась на ноги и спросила:

– Ты в первый раз?

– Да, – ответил я.

Потом, как-то совершенно естественно, мы стали рассказывать друг другу о себе. Я, чтобы избежать расспросов о моей семейной жизни, солгал, что моя жена погибла в автокатастрофе. Не знаю, обманывала ли меня Нойи, но ее рассказ казался правдивым.

Она была беженкой из Вьетнама. Проституция оказалась единственным способом заработать в этой стране, и она давала неплохой доход, позволяющий содержать семью и раненного американца-ми брата, ставшего инвалидом.

За разговором мы как-то незаметно разделись и погрузились в душистую пенистую ванну. Нойи, словно совершая нужный ритуал, мыла мое тело, и я с сожалением подумал, что в Москве сложно найти ванну такого размера. В мою стандартную ванну помещалась лишь половина меня – или верхняя или нижняя, так что принимать ее мне всегда приходилось по частям.

– Эта работа тяжела для тебя? – спросил я.

Нойи пожала плечами.

– Я не думаю об этом, – ответила она. – К сожалению, мне не приходится выбирать.

Я наслаждался близостью ее прекрасного тела, прикосновениями ее рук, ног, груди. Про себя я отметил заботу о безопасности девушек и клиентов. В ванну добавлялись несколько видов антисептиков, матрас для массажа тоже каждый раз обеззараживался.

Тем временем Нойи мне рассказала, что работать приходится почти без выходных, по восемнадцать часов в день, и девушки спят прямо здесь, в доме, не имея права выходить без разрешения хозяина. Она рассчитывала, что лет через пять сможет накопить достаточную сумму, чтобы открыть свое собственное дело, и тогда она сможет оставить работу и выйти замуж.

Ее спокойный будничный рассказ, в котором не чувствовалось ни жалости к себе, ни обиды на судьбу, наполнил мою душу щемящей тоской. Передо мной была не проститутка, а человек, достойный сочувствия и уважения за то, с каким мужеством и стойкостью она борется за существование, принимая на свои плечи ответственность за родителей и больного брата.

Последними Нойя стала мыть мои половые органы. При этом она применила интересный прием. По-особому скрестив колени, она поместила их у меня между ног, как бы натянув на них мой таз. Нойи мыла их долго и тщательно, мимоходом делая мне комплименты.

Прежде чем промыть мне анальное отверстие, она легким касанием обозначила свое намерение и спросила:

– Проблем нет?

Обрабатывая половой член, она вежливо интересовалась, можно ли ей оттягивать кожу, и другими подобными вещами.

Манеры Нойи были удивительно приятными, в ней чувствовался не только большой опыт, но и живой ум. Было очевидно, что она хорошо образована и получила прекрасное воспитание, и это заставляло меня еще больше сожалеть о том, что жизнь вынудила ее стать невольницей публичного дома.

Наконец, пришла пора перейти к бодимассажу, и, щедро смазав мое тело особым мыльным раствором с примесью неизбежного антисептика, Нойи уложила меня на матрас. Его поверхность была волнистой, и эти волны были сделаны с таким расчетом, чтобы половые органы мужчины, когда он ложится на живот, проваливались в одно из углублений. Гладкие упругие волны дополнительно массируют мое тело, и само соприкосновение с матрасом воспринималось, как контакт с еще одной женщиной.

Я вздрогнул, почувствовав, как прекрасное тело Нойи заскользило снизу вверх по моим ногам и спине. Она двигалась с ловкостью морского утря, грудью, животом и бедрами массируя каждый участок моего тела. Один прием, несколько раз повторившись, сменялся другим без остановки и без сбоев ритма того, что казалось экзотическим танцем тела.

Перевернув меня на спину, Нойи промассировала меня спереди, а затем, ухватив за ноги под коленями, рыбка скользнула под меня ногами вперед. Я почувствовал бугорок ее лобка, поросшего жесткими черными волосами, упругость ее грудей, и это ощущение было совершенно особенным и чудесным. С неожиданной силой, все еще удерживая меня за колени, Нойи мощными быстрыми движениями стала протягивать мое тело над своим и возвращать его обратно.

Затем она повернулась на бок и высвободила одну ногу, просунув ее между моих ног так, что наши промежности соприкасались. Волнообразными движениями таза и бедер она принялась массировать мою промежность и половые органы, и это довело меня до почти невыносимого экстаза.

Когда массаж закончился, казалось, что все мое тело превратилось в эрегированный фаллос, жаждущий соприкоснуться с женским началом в лице прекрасной массажистки.

Потом я убедился, что далеко не все подобные заведения могут предложить бодимассаж такого уровня. Из интереса я сходил еще в одно, но чувствовалось, что класс его был ниже, и фальшивость, сквозящая в поведении проститутки вызывала скорее отвращение, так что я отказался от подобных экспериментов.

Потом мы стояли под душем, смывая массажный раствор. Я отважился поцеловать девушку в щеку, хотя знал, что поцелуи в таких заведениях запрещены из-за возможности передачи инфекции. На миг я уловил ее дыхание, похожее на аромат тропических цветов. Нойи замерла особым образом, и эта ее реакция была удивительно эротичной, и в то же время она давала мне понять, что больше так поступать не следует.

Еще несколько минут Нойи нежно и тщательно вытирала меня полотенцем, затем, с улыбкой, в которой смешались кокетливая игривость, загадочность и обещание чего-то нового и не менее прекрасного, она взяла меня за руку, и мы переместились на квадратное ложе любви, располагающееся,

как и в моем бунгало, на возвышении пола.

Девушка чисто символически скользнула пару раз губами по моему члену, глубоко забрав его в рот, чего, в общем-то и не требовалось, потому что он и без того торчал, как осиновый кол из груди вампира. Оседлав меня, она впустила его в себя, и вскоре нас обоих захлестнул бурный оргазм,

Глава 2

Возвращаясь в бунгало по сверкающим разноцветными огнями улицам ночной Потайи и прислушиваясь к отзвукам медленно угасающих чувственных потоков, все еще наполняющих блаженными и сладостными ощущениями мое тело, я вспоминал одно из наших давних свиданий с Лин...

С подачи Учителя у меня выработалась привычка, еще не открывая глаз, внутренним чувством обшаривать комнату вокруг себя или то место, где я спал. Затем я проверял верность своих ощущений, чуть-чуть приоткрывая глаза, и, не выдавая, что я проснулся, уже наполовину осматривал, наполовину ощущал окружающее пространство, продолжая поддерживать ритм равномерного сонного дыхания.

Это упражнение было составной частью обучения пути воина. Оно было необходимо человеку, следующему по тропе войны, совершенствующему навыки осторожности и специфического мышления бойца, живущего под постоянной угрозой со стороны внешнего мира.

Так было и в этот день. Я спал во времянке, на большой сделанной из досок постели. «Ощупывая» шестым чувством окружающее пространство, я одновременно, не открывая глаз, выполнял упражнение "свидание с телом", прислушиваясь к проходящим через него оргазмическим потокам. Вдруг я ощутил в своей левой руке пустоту, и понял, что рядом нет моей Лин.

Я всегда чувствовал ее присутствие рядом со мной, несмотря на то, что, закончив упражнения, мы, прежде чем погрузиться в сон, расползались на противоположные стороны огромной дощатой постели, занимавшей половину времянки.

Мне больше нравилось спать обнявшись, но, увы, это было невозможно. После выполнения упражнений "спящей собаки", или после обычного полового сношения сексуальная энергия еще в течение некоторого времени продолжала перемещаться по организму, распределяясь особым образом и насыщая собой внутренние органы, мышцы и кости.

До завершения процесса перераспределения оба партнера испытывали потребность в телесном контакте, и требовалось лишь время от времени менять положения тел для лучшего притока энергии к тем или иным зонам. Однако чрезмерно продолжительный контакт с телом партнера после завершения гармоничного распределения сексуальной энергии мог нарушить создавшуюся гармонию и энергетический баланс организма, поэтому спать мы должны были на приличном расстоянии друг от друга.

Присутствие Лин, даже на расстоянии, всегда воспринималось мною, как своеобразное тепло в руке, плече, боку и ноге, обращенных к ней.

Эту ночь мы провели за достаточно утомительными упражнениями по привлечению ци с помощью техники "Красной собаки" предназначенной для активного перераспределения энергии и включающей в себя напряжение отдельных мышц и пальцовки. Обнявшись с партнершей, мы напрягались особым образом, привлекая энергию к больным или ослабленным зонам, а при отсутствии таковых с наслаждением распределяя ее по всему телу. Существовало несколько способов совмещения этих упражнений с точечным массажем и с техниками парного ментального управления энергией через создание серии мыслеобразов. Любопытным следствием подобных занятий было то, что связь, возникавшая между партнерами, становилась настолько тесной, что даже появилась своеобразная телепатическая связь, и мы часто ловили себя на том, что предугадывали желания или мысли другого.

Мощность переживаний при этом была настолько велика, что без определенной подготовки ее было почти невозможно выдержать, и упражнения "Красной собаки" были утомительны не столько физической, сколько психической нагрузкой.

Фактически в этих упражнениях мне приходилось преодолевать барьер ограничения чувственности, развивая способность выдерживать все более сильные ощущения. Ци начинало перераспределяться еще более активно, но при этом растрчивались огромные запасы тепловой и защитной энергии, и организм остро нуждался в отдыхе для ее восстановления.

От "Красной собаки" мы перешли к "Спящей собаке" и некоторое время спали обнявшись, чтобы успокоить перемещавшиеся оргазмические потоки и дать возможность энергии перераспределиться и усвоиться мышцами и внутренними органами. Как следствие предыдущих упражнений то

один, то другой участок тела самопроизвольно возбуждался и остро требовал контакта с телом партнера, и тогда мы инстинктивно меняли позы таким образом, чтобы максимально насытить жаждущие зоны. Когда возбуждение спало, Лин, как это и было положено по даосскому ритуалу, откатилась на свое место, оставив меня одного.

Остаток ночи и утро я проспал, как убитый. Открыв глаза, я на всякий случай дополнительно убедился, что корейки действительно не было в комнате. Одеваться не хотелось. Снаружи не доносилось ни звука.

Я, используя технику, показанную мне Учителем во время наших бдений на Партизанском водохранилище, "устремился слухом наружу", пытаюсь различить хоть малейшие признаки человеческой деятельности во дворе.

Не было даже ветра. Стоял один из полных ленивой неги жарких солнечных дней, придающих неповторимое очарование крымскому лету. В такой день было особенно приятно лежать голышом под тонким покрывалом, когда создается впечатление, что тело срастается с окружающим миром, и мелкие детали происходящего кажутся удивительно важными и наполненными глубоким смыслом. Взгляд останавливается на мухе, кружащей в столбике света, обоняние задерживается на запахах, тело ощущает шершавость покрывала, мягкость подушки, витающую в комнате лень и негу.

Я стал перебирать запахи, идущие от постели, от стен, проникающие через открытую форточку. Их было множество. Запахи лета, быта, жилища. Я разделял и сортировал их. Потом ко мне пришло новое чувство.

Я понял, что Лин приближается, задолго до того, как скрипнула калитка, и в узеньком проходе между домами зазвучали шаги моей возлюбленной.

Дверь скрипнула и отворилась. Корейка появилась на пороге с пакетом в руках, и мой желудок мгновенно отозвался острым чувством голода на исходящий от него аппетитный запах. Среагировал однако не только мой желудок. Не знаю, какое чувство можно считать более сильным – голод или страсть, наверно это зависит от ситуации, но в тот момент первобытные природные инстинкты, проснувшиеся при виде соблазнительных изгибов тела Лин на какой-то момент заглушили чувство голода.

По моему виду девушка безошибочно поняла, что я хочу и ее и есть одновременно. Во мне проснулось нечто собачье, по крайней мере мне так показалось. Я был слишком переполнен желаниями, чтобы говорить, и ухитрился мимикой и жестами продемонстрировать возлюбленной сложности моей внутренней борьбы.

Лин улыбнулась и опустила пакет с едой на пол. Ее приближение пробудило новую волну чувств. Прижавшись ко мне, корейка обожгла меня поцелуем и молча стала сбрасывать с себя одежду. Возбуждение накатило на меня мощной волной, дыхание перехватило, но Лин жестом дала понять, что время для любви еще не наступило, и что сейчас будут упражнения,

Я подумал, что с завтраком придется подождать, но, вспоминая о еде, я имел в виду не только то, что мы поглощаем для удовлетворения обычного чувства голода. В предыдущей книге я уже упоминал о теории пищи, к которой даосы приносят, помимо традиционной еды еще и воздух, насыщающий наши легкие, и переживания и впечатления, насыщающие нашу психику.

Общение с Лин было самым божественным видом пищи, и я понял, что сейчас меня ожидает редкостное и изысканное блюдо.

Корейка встала на четвереньки рядом со мной и несколькими легкими направляющими касаниями придала моему телу позу, соответствующую требованиям упражнения. Движениями глаз и мимикой лица она дала мне понять, что я должен повторять ее движения.

С наслаждением наблюдая за ее действиями, я принялся их копировать. Лин выполняла серию движений по пробуждению ростка инь. В движении ее удивительно гибкое тело казалось еще более прекрасным, тем более, что она изгибалась подобно тому, как это делают женщины во время полового акта или оргазма, и это возбуждало меня еще больше, вызывая бурные неконтролируемые потоки сексуальной энергии, бьющие от копчика вверх к голове.

Упражнение предваряла разминка внутренностей мускульными сокращениями и втягиваниями живота, напоминающими наули¹. Мы стояли на четвереньках и, выдыхая воздух, последовательно напрягали разные участки мышц.

Живот вибрировал и ходил волнами во всех направлениях. К моей зависти, в исполнении Лин упражнение выглядело гораздо изящнее. Мне, несмотря на интенсивные тренировки, так и не уда-

¹ Упражнение из хатха-йоги

лось избавиться от брюшка, но это в данном случае было не важно.

Кореянка изменила характер движений. Теперь она то выгибала спину, как кошка, то резко и неожиданно прогибала ее вниз. Ритм постепенно увеличивался, движения учащались, меня направления и углы прогибов. Я понял, что оказались задействованными внутренние круги фигуры восьми триграмм. К общему круговороту подключились вращательные движения рук и плеч.

Если я упускал какой-то момент, отвлекшись созерцанием ее прекрасного тела, Лин требовала повторного напряжения нужной зоны, с терпеливой настойчивостью касаясь мышцы, которую я должен был напрячь или расслабить. Быстрым сжатием руки она давала мне понять, что данный участок требует напряжения, а медленное с усилием проглаживание говорило о том, что тут следует расслабиться.

Закончив упражнение, мы оба спонтанно выполнили жест «Даруй», оглаживая друг друга с головы по плечам до кончиков пальцев рук, потом руки возвращались вверх, к плечам, через грудь соскальзывали на живот и бедра, а затем двигались вдоль полусогнутых ног до самых кончиков пальцев.

Где-то у перекрестья наших ног руки переходили на тело партнера, и оставшийся участок голени и стоп моей возлюбленной я старался проглаживать как можно медленнее, словно боясь расстаться с ощущением бархатистой кожи Лин. Прихватив на мгновение пальцы ее ног, я сжал их с нежной, трепетной эманацией, и тут же ощутил ее руки на моих ступнях и такой же ответный посыл.

Мы переплели наши ноги и начали выполнять упражнение "рыбацкая лодка". Пальцы рук заняли свое место сбоку на уровне сосков, в интимной зоне тела, напрямую связанной с сексуальными переживаниями.

Мы посылали в тела друг друга энергетические волны, создающие впечатление устойчивых потоков, движущихся через нас. Это взаимное действие помогало нам еще полнее обмениваться наполняющими нас блаженными оргазмическими переживаниями.

Я погрузился в пучину расслабляюще-усталой истомы. Меня охватило чувство отрешенности и нереальности происходящего.

Сделав еще два выдоха, Лин толкнула меня, и я упал на спину, оставив ноги в скрещенном положении. В то время я с легкостью садился в позу лотоса, и я заплел ступни, выполнив ее в лежащем положении.

Водопад тяжелых и гладких, черных, как смоль, волос обрушился на меня, щекоча мою грудь и медленно сползая к коленям. Именно после Лин я полюбил ласки волосами. Потом меня так ласкали еще многие женщины, но в данном случае это действие носило не только сексуальный, но и медитативный характер. Волосы кореянки подвели меня к состоянию долинного оргазма, глубочайшего экстаза, пронизывающего все мое тело. Я должен был сосредотачиваться на малейших ощущениях, воспринимая, буквально, каждый касающийся моей кожи волосок, и разделив эти ощущения, сосредоточением многократно усиливать их.

Несколько лет спустя я написал стихотворение:

*Холодный шелк твоих волос
В который раз меня ласкает.
И холодок весенних грез
По коже мерно пробегает.*

*Восторг души, готов кричать,
Но прервано мое дыханье.
А ты – опять, опять, опять,
Лишь ласки мерное страданье...*

*Мы совершенствуем, любовь
До грани высшего искусства.
И будоражат нашу кровь
Божественные наши чувства.*

*За все хорошее прости.
К нему так быстро привыкают.
А нас на жизненном пути
Не только нежат и ласкают.*

*Но терпим, мы сейчас вдвоем.
Му́ж наслажденья сладкий праздник,
Мы счастливы, что мы живем.
Нас радует апрель-проказник,*

*Восторг души, готов кричать,
Но прервано мое дыханье.
А ты – опять, опять, опять,
Лишь ласки мерное страданье...*

В этом стихотворении я, конечно же, вспоминал Лин, хотя навечно оно было встречей с другой женщиной.

Однажды Ли, объясняя мне техники нити жизни, о которых я уже упоминал на страницах предыдущей книги, подчеркнул важность создания сгустка воспоминаний и ощущений с помощью написания стихотворений, которые для их создателя несут квинтэссенцию пережитого, и сами по себе являются пусковым механизмом медитативных переживаний с использованием воспоминания.

– Тебя не должны волновать литературные достоинства стихотворения, – сказал Учитель. – Ты не собираешься посылать его на конкурс молодых поэтов. Главное – чтобы для тебя оно звучало, как прекрасная музыка. То же самое происходит и с внутренним ритмом. Иногда какая-нибудь песня, исполняемая от души, отдается жутким скрежетом в ушах посторонних, но для поющего она – сама гармония. Помнишь анекдот про акына, который играл на одной струне?

– Я не знаю этот анекдот, – сказал я. – Расскажи.

– Европейский музыкант спросил у акына, – начал рассказывать Ли. – Почему вы играете только на одной струне и все время извлекаете один и тот же звук? Неужели все многообразие музыки не трогает вашего сердца?

– Э-э-э, – ответил акын. – Это вы все ищите и ищите звук, милый сердцу, – и он шутливым движением изобразил повадки скрипача. – А я-то уже давно нашел милый сердцу звук, – добавил он, снова трогая струну.

Спровоцированные волосами, по телу пробежали покалывающие и щекочушие волны аутодвижений. Спонтанно я принялся помогать им, откликаясь уже намеренными движениями тела. Из зон на боках оргазмические потоки заскользили вверх и вниз, проникая в руки и ноги.

Неожиданно для себя я перешел к упражнению ящерицы, боковому извивающемуся движению, позволяющему активизировать прохождение энергии по телу. Иногда извивающиеся движения заменялись на односторонние, своеобразные резкие подергивания вбок, от которых мышцы начинало сводить.

Лин продолжала щекотать меня волосами. Я старался расслабиться и внутренним взором следить и за напряжениями мышц, и за ощущениями, которые вызывали волосы.

Теперь к этой гамме переживаний прибавилось еще и тепло тела корейки. Мне очень хотелось распрямить ноги и начать ласкать ее внутренней поверхностью бедер, но это не удалось. Предвосхитив мое намерение, Лин положила руку на замок ног в лотосе и скользнула губами к моему половому органу

Нет, она не стала ласкать мой член. Все ее внимание обратилось к месту королевского седла, к точке хуэй-инь. Ее язык, меняя ритмы и силу нажатия, быстро обрабатывал всю поверхность, вызывая несравненно большее блаженство, чем обычные, пусть даже восхитительные ласки "игры на свирели", что на языке китайской поэтики означает поцелуи и обласкивание пениса языком.

Я понял, что нам вновь предстоят упражнения, относящиеся к технике "королевского седла".

Засунув руку глубоко под матрас, Лин вынула полиэтиленовый пакетик, из которого достала очень мягкую и приятную наощупь ткань, пропитанную каким-то составом.

Оттянув появившимся невесть откуда шнурком мои яички и член немного вверх, она обвязала этот шнурок вокруг талии таким образом, чтобы мужские достоинства не мешали выполнению следующего упражнения.

Разомкнув замок ног, Лин заставила меня принять позу, удобную для прохождения ткани между моих ног и ягодиц. Ритм ее скольжения был удивительно приятным. Уже и без того перевозбужденная зона хуэй-инь вибрировала, посылая во все стороны все более сильные и резкие импульсы.

Одновременно корейка ласкала меня своим телом.

Я почувствовал слабость и онемение в ногах, но, тем не менее, пытался направить в них часть оргазмических потоков.

Через некоторое время я ощутил себя стоящим на полу гидом с лежаком и понял, что пережил небольшой провал в сознании. Подобные провалы были достаточно распространенным явлением при работе с сексуальной энергией. Иногда экстатические ощущения становятся настолько сильны, что организм, как бы обороняясь от них, отключает сознание особым образом, при котором исполнитель упражнения, подобно лунатику, может передвигаться и даже выполнять последовательные действия, кажущиеся со стороны вполне осмысленными, не осознавая, между тем, происходящего.

Не выдержав напора все еще сотрясающих мое тело оргазмических потоков, я снова на мгновение отключился и упал на кровать.

Энергетические вихри постепенно успокаивались. Прислушиваясь к отзвукам уходящих ощущений, я приоткрыл глаза и увидел Лин, танцующую надо мной.

Она стояла, широко расставив ноги, и, придерживая смоченную маслянистым составом ткань так, чтобы она проходила между ногами, выполняла движения "королевского седла", немного похожие на те, что демонстрируют танцовщицы в стрип-клубах. В ее движениях не было ничего от фальшивой похоти стриптизерш, в них чувствовалась квинтэссенция высшего человеческого вожделения.

Только одно созерцание этих откровенных движений прекрасного и соблазнительного женского тела вызвали новую мощную волну переживаний, окатившую меня с головы до ног. В дальнем уголке мозга забила мысль:

– Боже, какое счастье, что мне довелось это пережить!

Этот опыт стал еще одним кирпичиком, положенным в основание души, характера, воли даоса, еще одной ярчайшей составляющей моей нити жизни. Я был счастлив.

Утомленная Лин наклонилась ко мне, протирая мое тело тряпкой с остатками маслянистого состава. Потом ее тело прильнуло к моему и заскользило вверх и вниз. Меня захлестнула третья оргазмическая волна.

Лин переворачивала меня, придавала моему телу различные позы. Наши ноги и руки сплетались самым затейливым образом и вновь расплетались. Обласканный с ног до головы и наполненный блаженством, я незаметно погрузился в сон.

Это воспоминание проснулось и ожило в Таиланде, когда Нойи стала массировать меня. В тот момент Нойи и Лин слились в моем восприятии. Нойи, представительница той же расы, хотя и совсем непохожая на Лин, была почти так же прекрасна. Я находился на грани экстаза, хотя в данном случае слово «экстаз», пожалуй, не совсем уместно. Ощущения, которые я переживал, напоминали, скорее, нечто высшее, то что постигается человеком за гранью философских или словесных описаний. Это была квинтэссенция счастья, даруемого нам природой, вечное естественное стремление к которому и является той самой ловушкой, которую природа расставила человеку, чтобы стимулировать его размножение, западней, которую даосы сумели обойти, и из которой, если можно так к выразиться, они научились доставать сыр, не захлопывая за собой дверцу и не защемляя лапы.

Глава 3

Вторая встреча с Нойей оказалась даже более волнующей, чем первая. Между нами установилась какая-то незримая связь, эмоциональный контакт, столь редкий в отношениях ночной бабочки и клиента.

– Наверно, это наша последняя встреча, – печально сказал я. – К сожалению, это заведение – слишком дорогое для меня, и я не уверен, что смогу оплатить еще одно посещение.

Нойи пристально посмотрела мне в глаза.

– Ты должен увидеть меня еще один раз, – твердо сказала она. – Чтобы проститься. Если у тебя нет денег – не беспокойся. Я сама оплачу наше свидание.

В этот момент я понял, что чувства, связавшие нас, не были просто иллюзией, спровоцированной воспоминаниями о моих отношениях с Лин.

– Не беспокойся, – сказал я. – Я сам найду деньги.

Салон бодимассажа оказался местом, где невозможно что-либо утаить. Когда мы вышли в зал с аквариумом, глаза девушек за стеклянными витринами уставились на нас. В них отражались самые разные чувства, но больше всего в них присутствовала неприкрытая зависть.

Мы немного поговорили и уже направились к выходу, как дорогу нам буквально грудью, как Матросов амбразуру, перекрыла проститутка.

В ее взгляде, брошенном на Нойи, сверкала какая-то болезненная злоба. Мне, неоднократно сталкивавшемуся с самыми разными проявлениями человеческих жажд, пришло в голову, как редко можно встретить аромат столь первобытного, почти звериного соперничества.

Проститутка положила руку мне на грудь,

– Пойдем со мной! Я отдам себя бесплатно! – гордо вскинув голову, предложила она.

Нойи торжествующе ухмыльнулась в лицо сопернице, когда я, спокойно поблагодарив ее за столь лестное предложение, отказался.

Возможно, из-за моего гигантского, по тайландским меркам роста, белой кожи и типично европейской внешности, неожиданно для себя, я пользовался необычайной популярностью среди тайских женщин. Когда я шел по улице, многие молодые красавицы провожали меня восхищенными взглядами в которых читалось столь естественное для этого уголка юго-восточной Азии сексуальное желание.

Оказалось, что я производил впечатление не только на таек. Однажды когда я вошел в ресторан, там ужинала группа японских туристов. Женщины, как по команде, поворачивали головы, провожая меня глазами, так что я буквально чувствовал кожей их горящие взоры. Поскольку у себя на родине мне обычно не удавалось одним своим появлением разжигать огонь в дамских сердцах, я вздохнул, сожалея, что мне не суждено провести остаток жизни среди представительниц желтой расы.

В гостинице, где мы жили, девушки из обслуживающего персонала тоже одаривали меня нежными призывными улыбками, и я был приятно удивлен, обнаружив, что кому-то из них даже пришла в голову идея воспользоваться любовной магией, чтобы заполучить в свои сети такого крупного и интересного белого господина.

Однажды я, собираясь заняться упражнениями "черной и красной собаки", для удобства отодвинул с возвышения матрас и из-под него выпал женский платок, обмотанный прядью длинных черных волос. Поскольку, выполняя упражнения, я регулярно сдвигал матрас, было ясно, что приворотный талисман подложили совсем недавно.

Подозрение пало на одну молодую и очень симпатичную служащую, взгляды которой, бросаемые на меня, столь явно выражали страсть, что это не укрылось даже от Юрия, который, принадлежа к гораздо более низкой весовой категории, не пользовался у прекрасной половины населения Таиланда особым успехом и откровенно завидовал мне.

Несколько дней спустя та самая девушка, вспыхивая и опуская глаза от смущения, попросила меня встретиться с ней около магазина на углу улицы недалеко от отеля, поскольку служащим запрещалось в отеле общаться с постояльцами. Ее звали Нетайя.

Нетайя приехала на красном мотобайке – миниатюрном мотороллере и предложила мне сесть сзади. Примащиваясь за ней, я вспоминал мультфильм "Ну, погоди!", чувствуя себя волком, укравшим детский велосипед.

Мотобай тяжело осел под моим весом. Мои колени задралась чуть ли не до груди, но девушку это ничуть не беспокоило. Когда я обхватил ее за талию, она бодро крутанула ручку газа и, к моему ужасу, с мужественной целеустремленностью камикадзе погнала мотобай против хода движения.

Я напряженно пытался сообразить, зачем она демонстрирует мне эти каскадерские трюки, и понял, что единственным способом разогнать перегруженную маломощную машину было направить ее вниз, под уклон. Я с облегчением вздохнул, радуясь, что не сижу рядом с потенциальной самоубийцей, и тут Нетайя лихо развернулась, и мы влились в поток транспорта, на сей раз идущий в одном с нами направлении.

Мотобай затормозил у красочной витрины ресторана тайской кухни, и мы вошли внутрь. Меня поразила невероятная ловкость официантов, не расхаживающих степенно по залу, как это принято в европейских заведениях, а неизменно перемещающихся бегом по извилистой трассе с препятствиями между тесно стоящими столиками. Подносы они держали над головой на вытянутой руке, и, как бы ни уклонялось и ни двигалось тело официанта, подносы величественно плыли над залом в строго горизонтальном положении.

На сцене, к удовольствию публики, грациозные девушки в ярких, но мало что скрывающих одеждах, с длинными, сантиметров в пятнадцать накладными золотыми ногтями, демонстрировали национальные танцы.

Покинув ресторан, я вновь примостился на заднем сидении. Мотобай осел чуть-чуть больше, но в этот раз случай нам благоприятствовал, и для того, чтобы разогнаться, Нетайе не пришлось нарушать правила дорожного движения.

Она остановилась около небольшого домика, и, открыв ключом дверь, провела меня в комнату.

– Я сняла эту комнату для тебя, для нас с тобой, – сказала Нетайя.

– Она очень красивая, – вежливо ответил я.

– Так же, как и ты.

Девушка внимательно посмотрела на меня, видимо, ожидая решительных действий, и медленно расстегнула блузку на груди.

– Я должна сказать тебе кое-что.

– Так говори.

– Ты должен знать, что я девственница, – торжественно произнесла она. – Я еще не принадлежала ни одному мужчине. Ты будешь первым.

– Послушай, а ты уверена в том, что ты делаешь? – спросил я. – Ты очень красива, и наверняка за тобой ухаживают многие тайские парни. Зачем тебе нужен незнакомец, который через несколько дней уедет и которого ты больше никогда не увидишь?

– У меня есть жених, – спокойно пожала плечами Нетайя. Я говорила ему о том, что собираюсь сделать, и он ничего не имеет против. Он понимает меня.

– Что, интересно, он понимает? – поинтересовался я, удивленный тонкостями тайских взаимоотношений.

– То, что я хочу от тебя ребенка, – пояснила Нетайя. – Он никогда не сможет дать мне ребенка, такого, как я смогу родить от тебя. Если ты не возражаешь, потом я познакомлю тебя с моей семьей и с женихом. Они очень милые люди.

После этих слов я просто был вынужден согласиться. Нетайя действительно оказалась девственницей, но по ее чувственности, знаниям и умению любить мужчину, она, как, практически, и любая другая тайка, превосходила подавляющее большинство европейских женщин, давно забывших о том, что такое девственность и много лет проживших в браке.

Зачатие ребенка она превратила в исключительно красивый и завораживающий ритуал, в который входило и изящное убранство комнаты, и букеты цветов, и зажженные свечи, и аромат благовоний, и умщение тела благоухающими маслами.

В ней не было никакой неловкости, неопытности или показной застенчивости, свойственной женщинам северных широт. Нетайя знала, чего она ждала и чего хотела, и это делало ее поведение совершенно естественным и раскрепощенным.

Впоследствии она действительно представила меня своей семье и жениху. Жених оказался симпатичным молодым тайцем, и он очень вежливо и совершенно искренне поблагодарил меня за то, что я согласился, чтобы в жилах его ребенка текла моя кровь.

Удивительно, но это история во многом напомнила мне события, происшедшие во время моей службы в армии. Моя часть располагалась недалеко от Одессы, и я в свободное время часто гулял по этому чудесному городу, естественно, не упуская возможности познакомиться с симпатичными девушками.

Так начался мой мимолетный, но приятный роман с Люсей, который продолжался около месяца. Потом Люся, к моему удивлению, попросила меня встретиться с ее женихом. Я согласился. Жених выглядел на редкость солидным и торжественным. Они оба очень серьезно попросили у меня разрешения оставить у себя ребенка, отцом которого был я. Я даже не знал, что Люся беременна, и, конечно, со столь же серьезным видом дал свое полное согласие на воспитание моего ребенка и благословил их союз.

Что меня удивило, так это выражение искреннего уважения с их стороны, которое так редко склонны проявлять люди в подобных ситуациях. С другой стороны, я никогда не обманывал Люсю, давая ей лживые обещания и клянясь в любви на всю жизнь. Видимо, это был тот редкий случай, когда реальный взгляд на вещи, близкий к даосскому мироощущению, помог этой симпатичной паре с достоинством выйти из ситуации, не растративая понапрасну эмоции и силы на взаимные обвинения и упреки. С тех пор я больше ничего не слышал о них, но искренне надеюсь, что они счастливы друг с другом.

Третья, последняя встреча с Нойей взвинтила наши эмоции до такого состояния, что от избытка чувств мы почти не могли говорить. Да и о чем было разговаривать? Жизнь складывалась так, что нам не суждено было быть вместе. Полтора оплаченных мною часа показались нам долей секунды...

Мне запомнился лишь наш последний, забавный диалог. Я встал под душ, по привычке включив горячую воду. Обернувшись, я увидел округлившееся от изумления глаза Нойи.

– Ты дымишься! – сказала она, указывая на клубы пара, идущие от воды и моего тела. – Ты почти горишь. От тебя идет пар.

К тому времени я уже знал, что измученные постоянной жарой тайцы ищут прохладу так же,

как северные народы ловят первые теплые лучи весеннего солнца. Ни одному тайцу не могло прийти в голову, что человек в здравом рассудке способен мыться горячей водой.

– Русские любят тепло, – улыбнулся я.

В виде исключения администрация заведения разрешила нам провести вместе в зале с выставленными в витринах девушками не положенные по регламенту пять минут, а целых полтора часа. Это был царский подарок.

Мы молча сидели рядом. Нойи ласкала мою руку. Взяв меня за кисть, она переминала ее пальцами, и я настолько остро чувствовал ее касания, эмоции, переполняющие ее душу, что эта незамысловатая ласка казалась мне более прекрасной, чем самое изысканное сексуальное удовольствие. Мне почудилось, что я снова вернулся в прошлое, и теперь я опять прощался не только с Нойей, но и с Лин.

Я вспомнил слова, сказанные мне однажды Учителем:

– Твои отношения с Лин, женской ипостасью Дао, закалили тебя. Твоя разлука с ней была одним из самых важных уроков в твоей жизни. Ты понял, что даос никогда не становится рабом любви, и в то же время он умеет ценить ее, как высшую форму общения человеческих существ, как несравненный подарок жизни. В твоих отношениях с Лин переходы от острого наслаждения к такому же острому отчаянию, необходимость постоянно сдерживать и контролировать свои чувства и спонтанные всплески сексуальной энергии сделали тебя сильным и уравновешенным. Ты научился ценить настоящее и накапливать в своей памяти прекрасные моменты жизни, в то же время не желая останавливать эти мгновения навсегда, не стремясь к застывшей стабильности существования. Ты научился ценить каждый миг, но не зависеть от этого мига, не делать на него свою последнюю ставку, и это умение – одно из высших достижений воинов жизни.

И теперь, чувствуя на своей руке нежные пальцы Нойи, я старался запомнить каждую черточку ее лица, ее тела, упругость ее кожи, округлость ее колен, загадочные ароматы востока, мягким облаком окутывающие ее. Я знал, что этот миг никогда больше не повторится, но никому бы не удалось отнять его у меня.

Отведенные нам полтора часа истекли. Женщина-менеджер подошла к нашему столику и напомнила, что для Нойи настало время занять свое место в витрине. Мы молча встали. Чувства, захлестнувшие нас, были так велики, что я боялся разрушить словами эту безмолвную, но неразрывную связь, соединившую нас.

Мы подошли к выходу. Я подумал, как удивительно складываются судьбы. Я должен был выйти в эту дверь. Нойи же выходить за нее было запрещено. Я коснулся губами щеки девушки, и дверь захлопнулось. Волшебный миг исчез, растворившись в бархатной тайской ночи. Я завернул за угол, удержавшись от искушения обернуться. Нойи ушла из моей жизни навсегда, но жизнь продолжалась...

Глава 4

Вечерело. Небо над Неаполем Скифским потемнело, и на нем появились первые блески звезд. Учитель считал, что мне нужно подшлифовать технику "вееров и гребней", и мы в медленном спарринге отрабатывали приемы "Крабы поедают добычу", "Дикие кошки", "Собака кусает петуха, копые ищет цель" и "Обезьяна нагружает лодку плодами".

В этот день я совершал особенно много промахов, и не потому, что техника движений у меня действительно так уж хромала, а совсем по другой причине. Два дня назад мы с Лин стали любовниками, и, наконец, прекрасная кореянка стала не только моей наставницей, но и возлюбленной.

Я влюбился по самые уши, и даже выше. Мне и раньше случалось испытывать пылкие романтические чувства, но то, что сделала со мной Лин, было не под силу ни одной обычной европейской женщине. Я изо всех сил пытался сосредоточиться на тренировке, но изгнать Лин из моих мыслей в данном случае могла бы только пуля, а прибегать к столь крайним мерам я не хотел.

Мысль о женитьбе всегда была глубоко отвратительна моей свободолюбивой душе. Возможно, это было связано с тем, что семейная жизнь моих родителей напоминала непрекращающуюся схватку отчаявшихся, но не покоренных садомазохистов, твердо решивших довести свой поединок до победного конца. В их постоянном соперничестве, переносившимся и на меня, не было победителя и проигравшего. Они оба были глубоко несчастными людьми, не умеющими и, более того, не желающими выйти из травмирующей ситуации. Это совершенно непонятное нежелание избавиться от мучений в наиболее яркой форме проявилось в тот момент, когда отец отказался от предоставляемой лично ему сельхозинститутом однокомнатной квартиры. Если учесть, что мы все жили в одной ком-

нате, разделенной затем стенами на три части, без горячей воды и отопления и с туалетом, прятаясь в коридоре за матерчатой шторкой, такое решение отца можно было объяснить только тем, что он не хотел доставлять матери излишнее удовольствие.

Благодаря унаследованной от рода Медведевых сильной и устойчивой нервной системе, я научился воспринимать родительские ссоры со стоическим спокойствием. Я старался не принимать ничью сторону и дипломатично отсиживался в уголке, пока в воздухе носились оскорбительные реплики и предметы кухонной утвари. Горький опыт моих собственных родителей, а также родственников моих друзей по школе убедительно доказывал, что счастливые браки встречаются так редко, что не стоит рисковать, добровольно всовывая голову в петлю.

Известно, что любовь начисто лишает человека разума, и теперь, позабыв о своих мудрых решениях, я мечтал о том, как мы с Лин поженимся, и у нас появится ребенок, которого мы с первых дней будем воспитывать в лучших традициях воинов жизни.

Защищаясь от атаки Учителя движением "отражающий гребень-меч", я попытался провести удушающий захват таким образом, чтобы привести его к форме "пасть белой собаки", но Ли, совершив обманное движение, перехватил мою руку с болевым воздействием на кисть, и через мгновение я уже лежал на земле, морщась от боли.

– Да, познание женской ипостаси Дао явно не пошло тебе на пользу, – укоризненно произнес Учитель.

Я не осмелился возражать, смущенной улыбкой признавая его правоту,

– Пойдем пройдемся, – предложил Ли. – Похоже, сегодня от тебя толку не добьешься.

Обрадованный, я поднялся на ноги, в тайне надеясь, что Учитель заговорит со мной о Лин. Мне до безумия хотелось узнать его мнение о том, стоит ли нам пожениться, но учитывая непредсказуемый характер Ли, мне бы и в голову не пришло заговорить об этом самому.

– Ли, а как последователь Спокойных должен строить свои отношения с женщинами? – задал я нейтральный вопрос, надеясь потихоньку подвести Учителя к интересующей меня теме.

– Даос должен иметь много женщин! – заявил Ли, подмигивая мне и многозначительно усмехаясь.

Я в данный момент придерживался иного мнения. Мне хотелось, чтобы Лин была единственной женщиной в моей жизни, конечно, при условии, что мы не расстанемся, как говорится, до конца наших дней.

– Почему? – брякнул я, охваченный нехорошим предчувствием крушения своих радужных надежд.

Учитель бросил на меня взгляд, предназначавшийся безнадежному идиоту.

– В твоём «почему» содержатся сразу два вопроса, – вновь усмехнулся он. – "Почему должен?" и "почему много?". Надеюсь, ты выслушаешь меня внимательно, поскольку оба мы, и ты, заметь, гораздо больше, чем я, заинтересованы в том, чтобы во время выполнения упражнений твой ум был погружен именно в тренировку, а не витал в перистых облаках романтических мечтаний.

Я покраснел.

Учитель укоризненно покачал головой.

– Ты не о том думаешь, дружок. Совсем не о том, – сказал он. – Цель обладания многими людьми противоположного пола заложена в самой природе мужчины. В этом его суть и предназначение. Как бы мы к этому ни относились, но именно такова уловка природы, заставляющая вид сохраняться.

Чем больше генетических вариантов пройдет через кузницу природы, чем больше всевозможных сочетаний появится на земле, тем выше способность вида приспособиться к изменяющимся условиям жизни. Именно поэтому мужчина должен иметь, обладать, познавать, контактировать со многими женщинами.

– Должен – это звучит как-то слишком обязывающе, – заметил я. – Так и под статью попасть можно.

– Многие и попадают, – сказал Ли. – Но не беспокойся, к даосам это не относится. Даос – не обычный мужчина. Можно сказать, что даос – это человек, одержимый идеей гармонии и в то же время не являющийся рабом этой идеи. Поэтому он не имеет внутреннего права обладать человеком без его согласия. Говоря, что даос должен познать много женщин, я выражаюсь не совсем точно, потому что слово «должен» тут не подходит. Даос не совершает насилия над самим собой, как не совершает его и над другими.

Процесс взаимоотношений с женщинами – это часть его жизни, и этот процесс естественен, как сама жизнь. Любовь женщины дарует ему силы и до некоторой степени саму способность жить, по-

тому что правильное общение с женщиной обогащает энергию мужчины и продлевает его существование.

Это – часть его пищи, его воздуха, его жизни. Это способ жить. Даос должен быть близок со многими женщинами и не только в течение своей продолжительной, а, иногда, и бессмертной жизни, но и в каждый отдельный более или менее значительный период своего существования. Даос черпает силы из окружающего его мира любви.

Женщина дао – это тот же даос, но еще более гармоничный, еще более утонченный, еще более трепетный, еще более совершенный, а потому и более уязвимый, подверженный ударам окружающего его жестокого мира.

– Учитель, – заметил я. – Сейчас ты говоришь прямо как поэт. У тебя в глазах даже появилось что-то, похожее на романтические воспоминания.

– Ты лучше на себя посмотри, – с ленивым миролюбием огрызнулся Ли. – Одна ночь с женщиной дао – и на что ты стал похож! А знаешь ли ты, сколько их было у меня?

– Сколько? – с живым интересом откликнулся я.

– А вот это как раз тебя не касается! – резко меняя тон на более жесткий, отрезал Учитель. – И прекрати болтать, иначе я скажу Лин, что ваши встречи оказывают на тебя дурное воздействие.

Я прикусил язык. Потерять корейянку, тем более по собственной глупости, мне хотелось меньше всего на свете.

– Спасибо, что позволил мне продолжить, – проворчал Ли. – Женщины, и в особенности женщины дао во многом более мудры, спонтанны и живучи, чем мужчины. Женский организм, более важный для продолжения человеческого рода, чем мужской, природа наделила большей устойчивостью и сопротивляемостью к трудностям и непредсказуемым переменам, подстерегающим их на жизненном пути. Женщину охраняет сама природа, и инстинктивное желание охранить и уберечь ее заложено также в природе мужчины.

Последователь Спокойных не борется с природой. Он следует ей, конечно, уклоняясь с протеренной инстинктами колеи, но он никогда не идет против природы и не борется с ней, как поступают, например, аскеты, умерщвляющие плоть и объявляющие контакты с женщиной смертельным грехом.

Даос всегда хранит в своем сердце несколько по-настоящему близких ему женщин дао, женщин, представляющих собой пять граней жизни, пять первоэлементов.

Так, существуют женщины земли, женщины воды, женщины огня, женщины воздуха и женщины дерева. Их соответствие элементам не является жестким, можно говорить только о главной тенденции. Так, женщина земли в соответствующих обстоятельствах, может проявлять свойства огня или воды. Только женщина дао, прошедшая всю необходимую подготовку, становится чистым воплощением женщины-дерева, и ее самовыражение в качестве других элементов всегда проявляется намеренно и осознанно.

Научившись различать тип женщины, ты будешь знать, как нужно строить ваши взаимоотношения на основе гармонии и взаимопонимания. То, что прекрасно подходит для женщины огня, может вызвать отвращение у женщины воды, а методы, срабатывающие с женщиной земли, способны принести тебя к краху в отношениях с женщиной воздуха.

Только женщина дерева в силах понять и принять самые противоречивые формы взаимоотношений, потому что дерево – это знак универсальной гармонии, возникшей из пропорционального сочетания остальных четырех первоэлементов воды, огня, воздуха и земли.

Для обучения женщиной даос должен пройти через общение со всеми первоэлементами, выбирая для этого женщин, являющихся яркими представительницами каждого типа. не искаженных внутренними конфликтами и противоречиями.

Женщина земли – это женщина порождающая, щедрая, как сама земля. Она обладает всеми признаками женщины-матери и может быть в чем-то похожа на мать даоса. Она подходит ему своим телом, своей энергетической сущностью, своим темпераментом, своим внутренним поиском добра и истины.

Даос-дерево срастается с женщиной земли в одно целое. Даже если их связь в конце концов обрывается, она все равно остается в нити жизни даоса, укрепляя его счастливыми воспоминаниями и помогая ему жить, усиливая его энергетику медитативной инициацией потоков оргазмических ощущений, порожденных воспоминаниями о многократном обладании женщиной земли.

Вода орошает землю и питает дерево. Падая с неба, она сначала касается кроны дерева, стекая затем по стволу к корням, капая с листьев и орошая землю, и уже потом, проникнув в глубь земли, через множество мелких корешков она впитывается деревом, увлажняя его на этот раз изнутри. Эта связь воды, дерева и земли отражается и на отношениях даоса-дерева с женщинами воды и земли.

Общение с женщиной воды помогает даосу-дереву лучше впитывать соки земли, и в то же время женщина воды делает женщину земли, даже без ее понимания и согласия, и даже вне контакта с ней, гораздо более восприимчивой к корням дерева, к корням, пронзающим плоть женщины земли и вбирающим из нее соки, но оставляющим ей взамен сами основы дерева, его корни, его семя, его мысли, его душу, его плоть.

Женщина воды – это вторая великая инь. Текущая, изменчивая, неуловимая, мощная стихия инь, она обладает всеми качествами, кроме одного – она не может быть базой, она не может быть постоянной спутницей даоса-дерева. Мужчина-дерево счастлив с ней, но в женщине земли он нуждается гораздо больше, хотя одной земли тоже недостаточно для его существования. Земля дает спокойствие, уверенность и устойчивость, но в ней отсутствует волнующее разнообразие воды, позволяющее вскрыть потаенные тайнички земли, даруя ей долгожданный всплеск эмоций, гормонов и энергии, и множество других вещей.

Истинная женщина воды не привязывается к мужчине-дереву, она лишь иногда проплывает мимо него в образе тучи, орошая его капельками дождя, а иногда пробегает мимо его корней в виде ручейка или речки.

Огонь – это символ солнца, и женщина огня при прямом контакте испепеляет, но если уметь правильно пользоваться ею, не становясь доступным ее стремительному напору, дерево пробуждает в себе новые силы, подобно тому, как листья обращают в энергию солнечный свет.

Общение с женщиной огня насыщает организм мужчины великой энергией солнца. Мужской ян может испепелить ян другого мужчины, но ян женщины лишь подогревает ян мужчины, облегчая ему поглощение инь. Огонь женщины, дополняя его и объединяясь с ним, как бы помогает яну мужчины противодействовать разрушительным чертам инь, присутствующим в мощных стихиях воды и земли.

Женщина воздуха трепетна и нежна, как эфир. Она словно растворена вокруг. Она не навязчива, и, вместе с тем, будучи незаметной для окружающих, она объединяет собой всех, кто контактирует с ней.

Женщина воздуха питает собою все и вся. Будучи связанной с мужчиной-деревом, она позволяет ему преодолеть все трудности, возникающие при общении с остальными стихиями, но, будучи перевозбуждена, стихия воздуха может нанести дереву вред, обломав его ветви, а то и вырвав с корнем из чрева матери-земли.

Каждая стихия, воды, воздуха, огня и земли, заключая в себе неоценимые блага, может нанести непоправимый вред дереву, но мудрость Спокойных помогает даосу приобретать, не теряя.

Идеал женщины – женщина-дерево – совершенная спутница жизни, это вторая половина яблока, возможная любовь на века, но чаще всего – это мудрый и добрый друг. Даже не будучи связанной с мужчиной-деревом сексуальной и эмоциональной зависимостью, она все равно остается его другом, единомышленником, соединением и воплощением всех стихий.

Лин – твоя женщина-дерево, но она же может стать для тебя любой стихией...

Доминирующие стихии проявляются у человека в зависимости от обстоятельств, от настроения, от того, с кем он в данный момент общается. Женщина, демонстрирующая одному мужчине свойства земли, с другим может оказаться испепеляющим огнем, а для третьего она станет долгожданной водой, пролившейся с неба после долгой засухи.

Женщина-дерево исключительно редка, по крайней мере устойчивый тип женщины дерева. В какой-то момент любая женщина, принадлежащая к одной из четырех стихий, может приобрести свойства женщины-дерева. Но счастлив тот мужчина, кто имел возможность наслаждаться женщиной-деревом долгие годы.

В данном случае я говорю не о схеме звезды – разрушительно-созидательной связи пяти первоэлементов, а о их взаимодействии в виде креста, в центре которого находится дерево, а расположенные по сторонам элементы, работают, так сказать, на центр. При таком расположении эта связь питает мужчину-дерево, находящегося в центре. Подобные кресты могут взаимодействовать между собой, и женщина-дерево, также стоящая в центре своего креста может оказаться землей для одного мужчины, передавая ему нужные качества, и в то же время может питать свое дерево от мужчины, являющегося для нее водой, но вместе с тем, образующего центр своего собственного креста.

К таким, простым и достаточно понятным схемам, сводили древние китайцы сложнейшие и запутаннейшие хитросплетения человеческих отношений и взаимодействий. Они представляли мир заполненным сеточками межличностных отношений, постоянно меняющих свой знак и полярность.

То, что было прочным сегодня, ослабевает или разрушается завтра, рождаются новые связи, притягиваются и отталкиваются новые стихии, меняя затем свою природу...

– Знаешь, мне почему-то на мгновение показалось, что я нахожусь на уроке физики, – сказал я. – Эти взаимодействующие кресты с меняющимися полярностями, то соединяющиеся, то разделяющиеся, чем-то смутно напоминают молекулы и атомы, свободные электроны, и прочие элементы ядерной физики.

– Ты совершенно прав, – сказал Ли. – Если углубиться в эту тему, то можно найти множество удивительных аналогий и совпадений, и это еще раз доказывает мудрость древних китайцев, нашедших универсальное, хотя и слишком упрощенное объяснение всем явлениям, происходящим в природе. Но ядерная физика не интересует даоса. Он живет в реальном мире, а не в мире абстрактных идей и понятий, и для него гораздо более важно и поучительно то, что происходит каждый день, каждое мгновение в его собственном мире, в мире человеческих взаимоотношений, в мире отношений мужчины и женщины.

Современный человек чувствует себя листком, оторвавшимся от универсального древа желаний. Он не понимает себя, не понимает, чего конкретно он хочет, и даже думая, что понимает это, не находит способа эти желания удовлетворить. Больше всего такая неудовлетворенность наблюдается в отношениях мужчины и женщины. Обычно мужчина не имеет ясного представления, что же такое женщина, какая она бывает и какой ее можно сделать, как ее выбирать и как с ней взаимодействовать, и поэтому взаимоотношения мужчин и женщин обычно заключают в себе гораздо больше деструктивного начала, чем созидательного.

Обучаясь общению с женщиной, даос так организует свой мир, что созидательная часть общения с партнером всегда превалирует над деструктивной, и даосский подход к искусству любви и человеческим взаимоотношениям дает плоды гораздо более спелые, сладкие и сочные, чем запутанные и травмирующие связи подавляющего большинства людей.

К сожалению, простое и естественное оказывается для современного человека сложным и почти недостижимым, хотя обычно самые сокровенные ответы и главные истины лежат на поверхности, но, устремляя взоры к космическим далям, человечество не обращает внимание на то, что находится у него прямо перед носом.

Люди, познавшие истину, становятся даосами, даже если они предпочитают называть себя иначе, потому что даосизм это не система верований или идей, а в первую очередь – внутренняя гармония, гармония, связанная с осознанием глубинного смысла символики дерева, как особой формы существования, гармония, основывающаяся на пропорциональном соединении четырех стихий с постепенным возвращением из семени человека-дерева.

Я уже рассказывал тебе, как именно дерево стало краеугольным камнем учения Шоу-дао, но я хочу напомнить об этом снова. В этот раз ты должен отнестись к моим словам не как к красивой древней легенде, а как к катализатору особенного настроения, необходимого для медитативного осознания твоей собственной нити жизни.

Судьба распорядилась так, что ты тоже стал крошечной расцветающей веточкой в раскидистой кроне дерева воинов жизни. Так твоя нить жизни пересеклась с нитями жизни людей, живших много тысячелетий назад, людей леса. По сути, они теперь тоже в некоторой степени твои предки, потому что родство по клану для Спокойных сильнее кровного родства.

Представь себе племена диких лесных людей. Дерево – их бог, жестокий бог, требующий новых и новых жертв, смерти и крови. Это – универсальная идеология. Никто не может поставить ее под сомнение.

И вот среди этого сообщества людей появляются еретики. Они утверждают, что дерево не пьет кровь, что дерево не нуждается в крови. Для дерева важны лишь земля, вода, воздух и солнце.

Более того, они утверждают, что люди, приносящие жертвы, уничтожают свой собственный народ. Не боги, живущие в деревьях, насылают на людей леса страшные болезни, – нет, в этом виноваты горы гниющих трупов, приносимых в жертву и сваленных под священными деревьями.

"Болезнь – не кара духов, – говорили они. – Болезни надо лечить."

Жрецы должны были наказать еретиков. Началась война.

Отступники решили покинуть леса. Уходя, они унесли с собой ветви священных деревьев. Ветви их деревьев не нуждались в крови, они даровали жизнь. Ушедшие учились выживать, сражаться и лечить. Они учились опыту других народов и делились своим.

Покидая прежнее место жительства, они оставляли там своих единомышленников – ветви клана, которые указывали путь желающим последовать за ушедшими.

Впереди клана двигались разведчики, укоренявшиеся на новых местах и подготавливавшие почву для прибытия основного отряда. Эта дорога, растянувшаяся на века, называлась «поток», и члены клана – "ветви потока", "ветви дерева" в бурлящем потоке жизни, плыли вперед, прибываясь к

новым берегам. Это был долгий и трудный путь.

Тогда же возник культ Хранителей Знания. Это были особые люди потока, знания и могущество которых превращали их в скалу. В районе, из которого клан уходил, следуя течению реки жизни, оставались Хранители Знания – "скалы на пути потока". Они принимали на себя заботу о следующих за "Ветвями дерева" друзьях и противостояли ударам преследующих клан врагов. Люди клана знали, как отыскивать Хранителей Знания, являющихся "скалами на пути потока", даже не будучи знакомыми с ними. Хранитель Знания всегда отличался от своего окружения некоторыми особенными чертами своей жизни.

Но были и другие Хранители Знания. Их называли "Песок на берегу". Они растворялись среди чуждых им народов, как затерявшиеся среди других песчинки. Они развивали традиции "Ветвей дерева" без доступа к ним новичков, без влияния на них как идущих следом, так и живущих здесь.

"Идущими впереди" называли Хранителей Знания, опережающих основное продвижение ветвей клана. Эти люди отыскивали сподвижников и подготавливали их к принятию новой философии, нового мировоззрения, нового уклада жизни. Благодаря им люди клана, прибывая на новое место жительства уже имели поддержку в лице новообращенных.

"Живущие в потоке" – это Хранители Знания, которые не вели активной деятельности, совершенствуя и дополняя те области знания, которые испытывали в этом необходимость, Символ дерева присутствовал и в классификации людей клана. К корням дерева относились Посвященные и Хранители Знания, сохраняющие святая святых – философское осознание дерева жизни.

Стволом дерева был костяк клана, помогающий выживанию "Ветвей дерева", состоящий из рядовых членов – воинов, купцов, врачей. Косвенным образом к нему относились сочувствующие и поддерживающие клан элементы местного населения, люди, тянущиеся к учению клана, пусть даже преследуя при этом свои собственные цели.

Ветви располагались на стволе так же, как и у живого дерева, по мере вырастания. Так, к верхним ветвям относились дети, к средним – родители, а к нижним – люди старшего возраста.

Наверно, ни в одном из людских сообществ женщина не занимала столь высокого положения и социального статуса, как в клане "Ветвей дерева". Для Спокойных женщина была священна, она была существом, дарующим жизнь, дающим плоды, как и само дерево жизни.

Обожествление женщины не снимало, однако с нее забот и проблем, выпадавших на долю клана. Все члены клана были равны, и женщины становились воинами, лекарями и философами наравне с мужчинами, и то, что они рожали детей, не препятствовало их деятельности. Материнство продолжалось лишь около года, в период кормления грудью. Затем, как я уже тебе рассказывал, ребенок передавался из «руки» в «руку», состоящую из пяти человек (включая ребенка), среди которых он проходил очередной этап получения надлежащих знаний и воспитания.

Проблема современного общества заключается в том, что оно всерьез не задумывается о различии между воспитанием и выращиванием. Большинство родителей именно выращивают ребенка, полагая, что воспитывают его, но в действительности они лишь механически копируют действия своих родителей, впоследствии предъявляя претензии к школе и учителям за то, что те не смогли правильно обучить и воспитать ребенка. Но школа прямо не заинтересована в воспитании. Учителя в основном желают лишь получать зарплату, сохраняя, по мере возможности, свою нервную систему, расшатанную от общения с ежедневно терзающими их монстрами...

Ли замолчал. Мне показалось, что в его взгляде мелькнуло сожаление.

Я вспомнил свой школьный опыт. Действительно, о воспитании тут было трудно говорить, если, конечно, не считать воспитанием традиционные монологи учителей о необходимости быть честным и трудолюбивым, как истинный пионер – всем ребятам пример, или, немного позже – как настоящий комсомолец. Пожалуй, это все-таки было не воспитание, а не очень удачная попытка промывки мозгов.

Я представил себя сыном клана. Что было бы со мной, если бы меня отняли от матери, как только я перестал сосать грудь? Каким бы я стал?

Я очень любил свою мать, и знал, что она искренне отдавала мне всю свою любовь, но я уже в семи-восьмилетнем возрасте чувствовал, насколько внушаемые ею мне истины далеки от реальной жизни, и как расходятся слова и поведение родителей. Их знания и убеждения не помогали им даже элементарно ладить друг с другом...

Мысленно попросив прощения у матери, я твердо решил, что если бы мог выбирать, я предпочел бы родиться в клане...

Потом мои мысли перенесли к людям дерева. Сознание сужалось, и я автоматически входил в медитацию осознания нити жизни. Представление о том, что я – сын клана словно унесло меня на

тысячелетия назад. Смутные обрывки неясных видений мелькали у меня перед глазами, неопределенные, но очень яркие переживания мимолетно захватывали меня, уступая место другим, столь же мимолетным и неопределенным.

Мелькнула мысль, скорее даже не мысль, а осознание того, что чувствуют люди, вспоминая свои прошлые жизни. В отличие от них, я различал вымысел и реальность. Упражнения нити жизни, особенно связанные с медитацией на людях и прошлых событиях, причастных тем или иным образом к ее формированию, иногда погружали меня в состояния транса с удивительно яркими видениями, в которых я, замещая кого-то, становился главным действующим лицом.

В такие моменты мне казалось, что все это действительно когда-то произошло со мной, что мое тело и я сам вспоминаем нечто, в самом деле имевшее место когда-то давным-давно, когда я еще не родился.

Меня больше не удивляло, что люди, подсознательно испытывающие сильный страх смерти, с легкостью принимают на веру теорию реинкарнации, особенно в том случае, если их жизнь сложилась так, что она не удовлетворяет их. Имея чуть-чуть воображения и, достигая при помощи медитации измененных состояний сознания, они сталкиваются с реализацией своих тайных фантазий и желаний, с полной достоверностью «вспоминая» и с восхищением переживая свои воплощения в царей и знаменитых полководцев, мушкетеров и танцовщиц, великих художников и поэтов.

Нить жизни уносила меня все дальше и дальше. Картины становились более яркими и отчетливыми. Я видел горы гниющих трупов людей и животных под величественными кронами священных деревьев. Я видел людей, одетых в шкуры, с луками и копьями в руках. Они спорили о чем-то на непонятном мне языке, но смысл их разговора был мне ясен.

Нити жизни противников жертвоприношений засияли передо мной сплетениями золотого жгута, и я последовал за ними, поднимаясь вверх и проносясь через время и пространство. С высоты птичьего полета я наблюдал, как группа людей с зелеными ветвями в руках вышла из леса на бескрайние просторы степей. Я поднимался все выше и выше, и кинофильм Великого Исхода прокручивался передо мной...

Люди клана рождались и умирали. Они трудились и сражались. Они упорно двигались вперед по Великому Потoku Жизни, и вместе с этим движением росли их знания, их сила, их учение. Их нити жизни уходили в бесконечность, и далеко впереди, на горизонте, я различил, как их нити жизни соприкоснулись с моей, передавая ей опыт поколений. Не важно, где и когда я появился на свет. Не важно то, что я родился вне клана. Я все равно был одним из них...

Глава 5

Капли дождя, упавшие на лицо, вернули меня к действительности. Дождик был легкий, теплый, грибной, не требующий зонта. Мы шли по набережной закованного в бетон Салгира. Захваченный медитацией, я даже не заметил, как мы вошли в парк. Дождь напомнил мне о стихиях, о воде, падающей с неба и орошающей крону дерева, чтобы потом быть поглощенной землей. Вслед за этим вернулись воспоминания о Лин, снова вызвавшие к жизни мой внутренний конфликт. Даже если даос должен иметь много женщин, я этого не хотел. Мне было достаточно одной, и в то же время в глубине души я понимал, что Учитель прав, и для меня уже не существует иного выбора, кроме как следовать по пути воинов жизни. Если моя модель мира мешает этому, я изменю ее.

Приняв это решение, я вздохнул со смешанным чувством грусти и облегчения. На губах Ли блуждала саркастическая усмешка.

– Похоже, мне придется переквалифицироваться в турецкого султана и срочно завести гарем, – сказал я. – Чего только не сделаешь ради учения.

– Рад, что ты готов на такие жертвы, – похлопал меня по плечу Учитель. – Не беспокойся, это тебе понравится. Чего у даосов не отнять, так это умения получать удовольствие.

– Может быть, ты мне дашь какие-нибудь практические рекомендации? – предложил я. Ли изобразил удивление.

– Интересно какие? – спросил он.

– Конкретные, – пояснил я. – Например, есть ли какая-нибудь специальная даосская стратегия охмурения женщин, по каким признакам различать стихии, к которым они относятся, сколько примерно женщин я должен иметь и каким образом строить свои отношения с ними?

Учитель укоризненно покачал головой.

– Ты неисправим, – сказал он. – Ты говоришь так, словно собираешься взять на себя сокобязательства и перевыполнять пятилетний план по взаимодействию со стихиями и построению дерева в

кратчайшие сроки.

– Может, я не совсем правильно сформулировал свой вопрос, – попытался оправдаться я, – но, согласись, фраза "даос должен иметь много женщин" – слишком общая. С тем же успехом можно сказать: "сексуальный маньяк должен иметь много женщин". При таких сжатых формулировках разница между даосом и сексуальным маньяком как-то не просматривается.

– Пожалуйста, избавь меня от аналогий, – оборвал меня Ли. – Если бы ты не мог отличить даоса от сексуального маньяка, мы бы с тобой сейчас не разговаривали.

– Извини, – сказал я. – Конечно, я понимаю, что ты имеешь в виду, но мне бы хотелось услышать от тебя несколько конкретных советов. Может быть, ты все-таки ответишь на мой вопрос?

– Ты имеешь в виду специальную даосскую стратегию охмурения женщин?

– И это тоже.

Ли пожал плечами.

– Тебе она прекрасно известна, Ты уже не раз выполнял упражнения по управлению людьми, входу в контакт с ними и выходу из контакта. Вопреки русской народной поговорке "курица – не птица, баба – не человек", даосы все-таки относят женщину к человеческому роду, и установление контакта с женщиной относится к технике управления людьми. Как ты помнишь, эта техника имеет много составляющих.

Одна из них – это воздействие на людей через создание специфического аромата плода. Если ты помнишь, ты уже испытывал аромат своего плода на женщинах, и с немалым успехом.

Я улыбнулся, вспомнив упражнение, о котором говорил Учитель. Ли учил меня передавать идущим навстречу мне по улице женщинам исходящий от меня посыл теплых чувств, используя медитативные упражнения для создания внутреннего настроения счастья и тихой радости. Женщины, откликаясь на обращенное к ним излучение внутренней улыбки, отзывались кто удивлением, кто радостью и восторгом, а одна девушка даже остановилась, заглянув мне в глаза, словно хотела заговорить.

– Странно, я почему-то не подумал об этом, – улыбаясь приятным воспоминаниям, сказал я. – Видимо, мысли о сексе ассоциируются с чем-то не совсем обычным, и мне казалось, что для подобного общения с женщинами нужны какие-то специальные методы знакомства.

– Даже сейчас ты до конца не избавился от предрассудков, – сказал Учитель. – В твоей старой модели мира убеждение об обособленности и даже в некотором роде запретности секса укоренилось так глубоко, что даже становясь даосом и во многом расширив свою модель мира, ты так до конца и не смог избавиться от этого стереотипного представления.

– Наверное ты прав, согласился я. Для меня действительно не представляет проблемы знакомиться с девушками и производить на них хорошее впечатление, но, видимо, мое воспитание удерживает меня от попытки слишком быстро вступать с ними в сексуальную связь. Именно поэтому я спросил тебя о том, как соблазнять женщин. Уверен, что здесь должна быть какая-то особая тактика помимо умения завязывать знакомства.

– Эта тактика в первую очередь зависит от типа женщины, – сказал Учитель, – но прежде всего ты должен преодолеть природную стеснительность и сломать внутренний барьер, мешающий тебе переходить к сексуально окрашенным действиям. Тут дело не только в воспитании, хотя оно, конечно, играет свою роль. Подсознательно ты считаешь, что из-за излишней полноты твое тело недостаточно привлекательно, и ты привык завоевывать женщин не своим телом, не своими сексуальными достоинствами, а душевными качествами – умом, доброжелательностью и так далее, а для этого требуется время.

Теперь тебе предстоит расширить свою модель мира, включив в нее образ красивого, опытного, сексуального и страстного мужчины. Наверняка, ты не раз сталкивался с подобными моделями мира и знаешь, каким является исходящий от них аромат.

– У меня действительно есть один такой приятель, – припомнил я. – Меня всегда удивляло, что это женщины находят в нем. Физически он не особенно привлекателен, но у него просто невероятное количество любовниц. Создается впечатление, что женщины слетаются на него, как мухи на мед.

– Ты когда-нибудь наблюдал за тем, как он соблазняет женщину? – спросил Ли.

– Честно говоря, да, – ответил я. – Меня это интересовало с чисто научной точки зрения.

– Ну и что же ты заметил?

– При виде новой женщины он просто преображается. Что-то неуловимо меняется в его лице, жестах и движении. Он вроде бы и не говорит ничего особенного, привычные банальные комплименты, но в этих комплиментах скрыт какой-то особый подтекст, какой-то намек, обещание, направленное именно к этой женщине так, словно она – единственная и неповторимая. Вокруг него как будто

создается возбуждающая атмосфера сексуальности, тайны и обещания чего-то прекрасного и загадочного. Не удивительно, что ему удастся добиться всего, чего он хочет.

– А ты понимаешь, каким именно образом он создает этот аромат сексуальности?

– Я не уверен, что понимаю это. Скорее, я сумел почувствовать то, как он это делает, наблюдая за ним и настраиваясь на его ощущения. Когда я пытался копировать его, мне казалось, что я дополняю внутреннюю улыбку возбуждением в половых органах, которое распространяю по всему телу, насыщая его сексуальной энергией и излучая ее в окружающее пространство.

Затем я сосредотачивал все свое внимание на женщине, отыскивая в ней особо привлекательные черты и сужением сознания добивался того, что эти черты начинали казаться мне божественными и уникальными, а женщина – самой прекрасной на земле. Для себя я назвал эту технику "намеренным провоцированием влюбленности".

– Ты очень наблюдателен, – усмехнулся Ли. – Интуитивно ты понял и сумел симитировать стереотип поведения, данный от природы специфическому типу мужчин и женщин. Этот тип – охотники за сексом, охотники на половых партнеров. Оружием в их охоте является особый язык тела, безмолвно извещающий окружающих об их намерениях и на подсознательном уровне неотразимо притягивающий людей с потребностями или жаждой сексуальных контактов, а также тех, кто ищет партнера для брака или длительных отношений.

– Значит, если выучить этот язык тела, можно будет стать столь же удачливым охотником? – спросил я.

– Нет никакой необходимости учить язык тела, – сказал Учитель. – В некоторых случаях это может оказаться даже вредным, потому что, концентрируясь на деталях, ты не сможешь контролировать и полностью имитировать всю картину в целом.

Какой смысл для тебя думать о том, что твои зрачки должны быть расширены, губы – чуть-чуть приоткрыты и изогнуты особым образом, что твоя поза должна косвенным образом намекать на твои мужские достоинства? Деталей, влияющих на общую картину, так много, что ты просто не сможешь искусственным образом проследить за тем, чтобы все они были выдержаны в нужном стиле, а противоречие между деталями тут же на подсознательном уровне отмечается партнером, вызывая у него отношение настороженности или недоверия.

Только медитацией на создании нужного аромата, должным внутренним настроением ты заставишь свое тело посылать именно те сигналы, которые нужны тебе.

По той же причине механическое изучение техники секса часто не дает удовлетворения, потому что контроль за деталями убивает спонтанность и наслаждение. Техника секса находится внутри тебя, а не во внешних позах и деталях, но, доведенная до совершенства, она уже перестает быть техникой и становится частью тебя, твоим неотъемлемым свойством.

Прежде всего, чтобы избавиться от стеснительности и неуверенности в себе, ты должен ввести в свою модель мира осознание того, что если ты нравишься Лин – королеве среди себе подобных, то найдется немало других женщин, которые будут без ума от тебя.

Однако, когда ты убедишься в этом на практике, не слишком обольщайся на свой счет. Матушка-природа обманула женщину, заставляя ее любить существа более низкого порядка, и мужчине, чтобы нравиться женщинам, достаточно быть чуть красивее орангутанга.

Считай, что с этого момента ты выполняешь новое задание. Тебе предстоит отыскать шесть женщин, которые вместе с тобой составят "Божественное семь". Эти женщины должны быть настолько раскрепощены в сексуальном плане, что для них не станет препятствием выполнение групповых сексуальных упражнений под твоим началом.

Я опешил. Идея группового секса до сих пор не посещала меня даже во сне, и задача отыскать в моей пуритано-социалистической среде шесть дам, склонных к групповухе, представлялась мне более, чем нереальной.

Заметив выражение ужаса на моем лице. Учитель расхохотался.

– Видел бы ты себя, – сказал он, покровительственно похлопав меня по плечу. – Закрой рот и успокойся. "Божественное семь" – это программа-максимум. Для начала ты выполнишь более простое задание – построение «пирамиды» из партнеров.

– Какой пирамиды? – без особого энтузиазма спросил я.

– Это тебе объяснит Лин, – усмехнулся Ли. – Тебе лучше услышать это от нее. А я расскажу тебе немного подробнее о типах женщин.

Прежде всего стихия женщины проявляется в ее физиологии, и уже затем – в характере. Не забывай, что, как я уже говорил, чистые типы стихий в природе почти не встречаются, поэтому тебе придется определять только ведущую стихию в природе женщины, не забывая однако, что даже ве-

душая стихия может меняться со временем и в зависимости от обстоятельств.

Прежде всего стихия женщины проявляется в ее физиологии, и уже затем – в характере. Не забывай, что, как я уже говорил, чистые типы стихий в природе почти не встречаются, поэтому тебе придется определять только ведущую стихию в природе женщины, не забывая однако, что даже ведущая стихия может меняться со временем и в зависимости от обстоятельств.

Женщины земли в первую очередь отличаются хорошо развитыми вторичными половыми признаками. Про таких говорят: "тело белое, грудь широкая". У них великолепно развитые бедра и крепкий костяк. Их характер может быть самым разным и во многом зависит от твоего собственного поведения. Обычно такие женщины прочно стоят на земле и знают, чего они хотят. Если ты будешь соответствовать ее ожиданиям, женщина земли будет преданной и надежной, но довольно ревливой.

Ее основной недостаток – склонность к собственничеству. Она будет постоянно претендовать на твое время, на твою жизнь, а такую роскошь воин жизни не может себе позволить. Поэтому, чтобы не разрушить свою связь с землей, даос должен быть с подобной женщиной особо дипломатичным и терпеливым. Женщина земли не падка на сексуальность в чистом виде. Ее нужно привлекать своими душевными качествами, своими знаниями, уделять ей особое внимание, совершать ради нее подвиги.

Женщина огня как правило имеет более стройное и гибкое тело, более подвижную психику. Среди европейских женщин женщины огня обычно более смуглые и кажутся "жонкими".

Если женщина земли отличается глубоким, увлекающимся умом, то ум женщины огня быстр и текуч, как и ее стремительно меняющиеся эмоции.

Раздражение у женщины земли накапливается постепенно, в глубине. Оно может храниться там много дней, прежде чем вырвется наружу в виде мощного землетрясения. Женщина огня не умеет сдерживать свои порывы. Если ей что-то не нравится, она взрывается почти мгновенно и неконтролируемо, опалая все вокруг своим огненным темпераментом.

Женщина воздуха обычно хрупка и воздушна. Она может быть бледной и астеничной, но ее сексуальные переживания обычно гораздо более глубоки, чем у других типов, вплоть до того, что она может потерять сознание или впасть в истерику, приближаясь к оргазму. Менее всего выражен оргазм у женщины земли – она как бы хранит в глубине свои эмоции и переживания, а сексуальная кульминация женщины огня обычно проявляется взрывоподобно, как и ее эмоции,

Женщина воздуха легко расстраивается. Она очень эмоциональна, и ее легко обидеть. Ее защита от внешнего мира слабее, чем у других типов, и она в значительной степени лишена способности сопротивляться, отвечать на агрессию агрессией.

Женщина воды – высокая, стройная, сильная, с развитыми мышцами, но кожа ее обычно бледнее, чем у женщины огня.

Женщина воды не сразу возбуждается. Она может быть холодна, капризна и изменчива, но когда мужчина научится управлять этой стихией, она дает ему массу приятных переживаний, хотя и забирает много энергии. Обычно женщина воды стоит мужчине нервов и больших денег.

Женщины огня и воздуха, особенно воздуха – гораздо более бескорыстны. Воздух же больше дает, чем отбирает.

Женщина-дерево – это прежде всего ум. Она полностью понимает даоса, принимая его мировоззрение и умея подстраиваться к его личности без ущемления своих интересов. Даже если ей трудно что-то принять в мужчине, это могут быть лишь какие-то его привычки, но ни в коем случае не мироосознание. Тут они полностью совпадают.

Помимо деления женщин по стихиям существует еще одна классификация – по типам возбудимости, по способу реагировать на ситуации и партнеров противоположного пола. Она называется "семь жемчужин".

Так, бывают женщины сексуального, эмоционального, интеллектуального, сексуально-эмоционального, эмоционально-интеллектуального, сексуально-интеллектуального и сексуально-эмоционально-интеллектуального типа.

Каждый тип определяется специфическим набором потребностей и жажд. Если эти ведущие жажды трудно обнаружить с первого взгляда, то ароматы семи базовых типов различаются без труда.

Сексуальная женщина — это женщина тела, больше повинующаяся инстинктивным требованиям организма, чем разуму или эмоциям. Часто она не может подавить в себе зов природы, даже осознавая, что делает что-то не так. Например, такая женщина способна лечь в постель с больным мужчиной, прекрасно понимая, что она рискует заразиться и в результате даже умереть, но не в силах противиться сексуальному влечению.

Эмоциональная женщина — это женщина сердца. Ее действия в основном обусловлены ее эмоциональными реакциями. Изучив ее характер, такой женщиной очень легко управлять. Для этого нужно лишь подобрать ключи, включающие соответствующие эмоции.

Для того, чтобы добиться ее расположения, достаточно лишь продемонстрировать сопереживание ее чувствам. Женщина сердца может поддаться внезапному порыву страсти после тронувшей ее душу музыки или песни, расстроившего ее чувства кинофильма, стихов или страстного признания в любви. Влекомая неконтролируемым эмоциональным порывом она способна лечь в постель даже с неприятным ей в физическом плане мужчиной.

Женщина интеллектуального типа — это женщина головы. Склонная, как правило, к обдумыванию всего происходящего, она часто попадает в ловушку собственных рассуждений. Так, например, после длительных интеллектуальных изысканий она может «додуматься» до каких-нибудь кажущихся ей откровениями «истин» типа «увы, все мужчины — второго сорта, ибо они не могут сравниться со мной в остроте ума, поэтому не стоит и связываться с ними» или «не имеет смысла любить этого человека, потому что, когда мы расстанемся, это заставит меня страдать».

Женщины головы могут с легкостью выйти замуж за старика, чтобы завладеть его состоянием или прокладывать себе дорогу к успеху, отдаваясь мужчинам, от которых зависит ее карьера. Их расчетливый ум гасит эмоциональные порывы и потребности плоти, так как цель, намеченная их рассудком всегда будет превалировать над чувствами.

Женщина сексуально-эмоционального типа встречается в двух вариантах — женщина тела и женщина сердца и тела, в зависимости от того, какая сфера является доминирующей — сексуальная или эмоциональная.

Женщина сердца и тела может быть склонна к извращенной половой жизни, так как эмоции подхлестывают ее сексуальность. Такая женщина нуждается в огненных чувствах. Она требует к себе повышенного внимания, намеренно провоцируя у окружающих эмоциональные всплески, когда испытывает недостаток сильных чувств. Женщина сердца и тела способна устраивать скандалы только для того, чтобы завести свою сексуальную сферу.

Женщина тела и сердца, наоборот, живет воспоминаниями и переживаниями уже состоявшихся любовных встреч, спонтанно и неосознанно выполняя упражнение нити жизни. Вновь переживая прекрасные или ужасные моменты, она, как правило, окрашивает прошлое в более яркие цвета, питая эмоции через сексуальность.

Женщины эмоционально-интеллектуального типа разделяются на женщин головы и сердца и на женщин сердца и головы.

Женщины сердца и головы быстро поддаются чувству, но спустя короткое время начинают его контролировать, по крайней мере, пытаются это делать. Часто это приводит к противоречивости поведения и доставляет страдания как самой женщине, так и ее партнеру. Женщины этого типа — хорошие актрисы. Им нравится управлять окружающими, выставляя свои чувства напоказ и используя их для достижения каких-либо целей, причем обычно они проделывают это на бессознательном уровне.

Женщина головы и сердца тонко чувствует окружающий мир. Она ищет партнера, который бы удовлетворял как ее интеллектуальные, так и эмоциональные запросы. Она способна на сопереживание и в то же время не склонна чересчур поддаваться эмоциональным порывам. Подобное сочетание интеллекта и эмоциональности является удачным для работы с людьми, в социальной сфере, для психологов и учителей.

Женщина сексуально-интеллектуального типа – это женщина тела и головы или женщина головы и тела.

Женщина тела и головы обладает большим творческим потенциалом. Ей удастся использовать избыточную сексуальную энергию для создания произведений искусства, будь то музыка, живопись или скульптура. Часто к этому типу относятся поэты, которым всплески сексуальной энергии даруют вдохновение и создают базу для творчества.

Женщина головы и тела любит рассуждать и может стать ученым, с головой уходящим в науку. В ее случае мыслительный процесс дает толчок жаждам тела. Она может испытать волну оргазмических ощущений от красиво сформулированной идеи или новой увлекательной теории.

Даже в сексе такая женщина будет отыскивать применение своего интеллекта, разнообразя его новыми приятными изобретениями, например, украшая тело партнера цветами или разрисовывая его, возбуждаясь не столько от мужчины, сколько от результатов своей деятельности.

Подобная женщина может стать жертвой чувства в результате интеллектуальной беседы, когда умственное превосходство мужчины заводит ее, даже при наличии физического отвращения.

Женщины сексуально-эмоционально-интеллектуального типа делятся уже на шесть классов. Это женщины тела, сердца и головы, женщины тела, головы и сердца, женщины сердца, тела и головы, женщины сердца, головы и тела, женщины головы, сердца и тела и, наконец, женщины головы, тела и сердца.

Женщина тела, сердца и головы – это человек с неугасимой внутренней потребностью в общении, в том числе и очень интимном. Это общение должно давать не только сексуальное удовлетворение, но и обеспечивать пищу чувствам и уму. Ум такой женщины постоянно контролирует и оценивает складывающуюся картину взаимоотношений, усложняя ее и совершенствуя.

Женщина тела, сердца и головы – одна из самых очаровательных любовниц, сексуальное общение с которой никогда не покажется тебе однообразным и скучным.

Женщина тела, головы и сердца переживает сексуальное влечение как бы изнутри, в странных умственных построениях, извращая его. Она может обратить сексуальную энергию в самые сложные формы извращений, замещая реальное общение своеобразными фетишами полового чувства.

Впрочем, она способна направить свою энергию и на созидательную деятельность, типа конструирования чего-либо, или садоводства, или создания новых форм в искусстве, но и на эту деятельность, так же как и на окружающий мир, она будет переносить свою сексуальность, получая эмоциональную поддержку от предметов, ставших объектом сублимации ее сексуальной энергии. Этот тип склонен к коллекционированию, разнообразным хобби, являющимися плодом погашенной и преобразованной разумом сексуальности.

Женщина головы, тела и сердца разумна и рассудочна. Она умеет контролировать свои эмоции и проявления своего тела. При правильном развитии такая женщина способна достичь высочайших высот в любви, но, если события складываются не столь благоприятно, она во имя каких-либо кажущихся ей рациональными целей может превратиться в черствое и бездушное существо, подавляющее все свои естественные порывы.

Женщина головы, сердца и тела извлекает большинство своих эмоций из рассуждений и работы мысли. Секс для нее находится далеко не на первом месте. Она вступает в половые связи как бы мимоходом, лишь удовлетворяя ненужную и досадную потребность, подобно тому, как ученый, занятый решением сложной задачи, машинально берет и съедает бутерброд, откликаясь на требования желудка, но не прекращая в этот момент своих размышлений.

Женщина такого типа обычно отвлечена для мужчины, потому что, не будучи заинтересованной в его интеллекте, она воспринимает партнера лишь как средство удовлетворения своих половых инстинктов. Часто сексуальное влечение у них вообще бывает подавлено в силу ханжеских или морализующих рассуждений, погружения в науку или в творчество. Также для нее характерно извращенное подавление эмоциональной и половой сфер.

Женщина сердца, головы и тела – это тип личности, у которого мыслительный процесс

обслуживает эмоциональный настрой, то есть ум работает на эмоции, не контролируя их. Если такая женщина возненавидит кого-то, то она будет получать сексуальное удовлетворение от хорошо продуманной и удачно осуществленной мести.

Поллюбить она может в первую очередь за счет яркой эмоциональной окраски общения, и тогда ее сексуальная жизнь будет особым образом организована и упорядочена с помощью разума, являясь как бы логическим продолжением эмоционального влечения.

Женщина сердца, тела и головы вся подчинена эмоциям, возбуждающим ее сексуальность. Она легко склоняется к извращениям, в которых мыслительный процесс может быть либо подчинен эмоциональному сексу, либо он служит для его контроля и подавления.

Женщина сердца, тела и головы, тем не менее, способна организовать работу своего ума таким образом, чтобы любыми способами добиться удовлетворения своей страсти, рожденной на мощной эмоциональной волне, не обязательно связанной с любовью. Она может добиваться мужчины со всей пылкостью и страстностью только потому, что он оскорбил ее невниманием или отказался от свидания с ней. Спровоцированный отказом мощный эмоциональный всплеск оскорбленного самолюбия в свою очередь порождает не менее мощную волну сексуального желания, для удовлетворения которого уже используется голова.

Естественно, что классификации пяти первоэлементов и "семи жемчужин" в равной степени относятся как к женщинам, так и к мужчинам, и, научившись применять их на практике, ты сможешь подобрать ключи к каждому типу, зная, как нужно действовать – через сексуальную сферу, через эмоции или через интеллект, и имея представление, каким поведением какой стихии нужно отзываться на скрытые потребности женщин земли, воздуха, огня или воды.

– По-твоему, это так просто? – скептически заметил я, под конец его рассказа уже порядочно отупевший от перемешавшихся у меня в голове женских типов. Для начала неплохо было бы все это запомнить.

– Не нужно запоминать, – резко сказал Учитель. – Ты должен понимать, осознавать и чувствовать. Иначе ты рискуешь оказаться в ловушке интеллектуального типа – погрязнуть в схемах и рассуждениях, не связанных правильными эмоциональными откликами с реальной жизнью. К тому же не забывай – человека нельзя просто впихнуть в застывшую схему. Его тип может меняться в зависимости от обстоятельств чуть ли не на прямо противоположный. Тут можно провести аналогию с многоугольником равновесия. Человек способен перемещаться в любом направлении от центра тяжести, от точки равновесия, но поведение среднего человека обычно таково, что он предпочитает какое-то одно направление или зону, и которой он находится чаще всего.

Изучая себя, возвращаясь к своим прошлым поступкам в медитациях воспоминания и нити жизни, ты сможешь понять, в каких зонах и направлениях имеет обыкновение колебаться твой собственный тип личности. Поскольку диапазон твоих перемещений по типам личности в процессе возвращения человека-дерева значительно более широк, чем у обычного европейца, ты на своем собственном примере приобретешь достаточно глубокое понимание этой классификации. Если же ты начнешь наблюдать за поведением своих знакомых с этой точки зрения, то со временем тебе не нужно будет даже вспоминать, как называется тот или иной тип – ты научишься автоматически чувствовать структуру личности человека, с которым ты общаешься в данный конкретный момент, и сможешь интуитивно подбирать ключи, открывающие доступ к его сексуальной, эмоциональной и интеллектуальной сущностям.

– А как стыкуются классификации пяти первоэлементов и "семи жемчужин"? – спросил я. – Можно ли, например, сказать, что человек, у которого в равной степени развиты тело, сердце и голова, является человеком-деревом?

– Не путай божий дар с яичницей, – скривился Ли. – Человек-дерево – это результат гармонического взаимодействия четырех стихий, и это не имеет никакого отношения к его сексуальной сфере, эмоциям и интеллекту. Эти схемы не накладываются друг на друга, но они стыкуются в разных измерениях.

– Как это? – поинтересовался я.

– Каждую из этих схем условно можно считать линейной, потому что компоненты этой схемы возможно расположить по возрастающей или убывающей, то есть сказать, что у этого человека вода преобладает над огнем и воздухом, или что у него эмоциональная сфера выражена более явно, чем интеллектуальная.

Если представить, что линейная связь одной классификации представлена на одной оси коор-

динат, хотя на самом деле даже один тип классификации является многомерным, а линейная связь другой классификации отражена на другой оси. мы получаем уже комбинированную двухмерную систему типов. Даосизм создал множество всяческих классификаций, которые могут соединяться и комбинироваться друг с другом самыми причудливыми способами. Они могут соединяться и в многомерные системы координат, и крестообразно, и столбиком, и лабиринтом, и спиралью. Спокойные были мастерами подобного рода построений.

– Пожалуй, на сегодня хватит классификаций, – запротестовал я. – Мне для начала нужно разобраться с тем, что ты уже рассказал. Если для обучения женщиной приходится вникать в такие тонкости, я не удивляюсь, что мужчинам и женщинам так сложно прийти к взаимопониманию.

– Не преувеличивай, – сказал Учитель. – Прийти к взаимопониманию совсем не так затруднительно, как тебе кажется. Пока теория будет медленно укладываться в твой мозг, положишься на интуицию и займись практикой. Ты же даос. С этой минуты ты начнешь знакомиться на улице с женщинами с вполне определенной целью – вступать с ними в сексуальные связи, причем достигать этой цели ты должен в кратчайшие сроки. Не нужно изобретать какие-то особые приемы. Просто будь самим собой. Ты уже знаешь более чем достаточно для выполнения такого простого задания. Чем менее ты будешь сосредоточен на цели, чем менее ты будешь напряжен, тем больший успех тебя ожидает. Ты еще удивишься своим способностям рокового соблазнителя.

– Хотелось бы верить, – скептически произнес я.

Мы расстались около часа ночи, и я на ходу вскочил в последний троллейбус, совершенно пустой, идущий к центральному универмагу. Я думал о задании, которое дал мне Учитель, и снова прокручивал в уме рассказанные им классификации, придумывая подходы к женщинам разных типов.

Троллейбус затормозил на остановке, дверцы открылись, и в него впорхнула девушка лет двадцати пяти. с очаровательными округлыми формами и смугловатой кожей. Ее пышущее здоровьем тело и густые черные волосы напоминали о щедрых на подобных красавиц землях южной части Украины.

Ее появление сработало, как катализатор всего, что я узнал за этот день. Я ощутил, как мое тело автоматически выполнило упражнение внутренней улыбки в сочетании с волнами оргазмических ощущений, поднимающихся от половых органов вверх и затопляющих меня состоянием счастья и первой юношеской влюбленности и восторга.

Я самым естественным образом повернулся к ней, и слова вырвались сами. без всякого предварительного обдумывания.

– Боже мой! Какая вы очаровательная! – воскликнул я. – Как бы мне хотелось с вами познакомиться!

На миг наши взгляды скрестились, и между нами проскочило что-то неуловимое, искра, которая воспламенила ее так же, как она воспламеняла меня.

– Так давайте познакомимся, – улыбнулась девушка, усаживаясь рядом.

Уже через минуту у меня в кармане лежал ее телефон, записанный губной помадой на троллейбусном талончике.

Две остановки спустя мы вместе вышли из троллейбуса, направляясь к ней домой. С трудом подавив угрызения совести оттого, что я не предупредил маму, что не вернусь домой этой ночью, я остался ночевать у моей новой подруги. Эта ночь, которой ознаменовалось выполнение очередного задания Учителя, запомнилась мне навсегда.

Ли был бы доволен мной.

Глава 6

В течение нескольких дней после разговора с Учителем я был способен думать только о классификациях. Всех своих друзей и знакомых я рассматривал лишь с этой точки зрения. В моей собственной модели поведения явно начала превалировать интеллектуальная составляющая. Мой мозг с жаром включился в работу и продолжал ее осуществлять уже без подталкивания с моей стороны. Казалось, что моя голова пылает, я ходил словно одурманенный действием наркотика. По мере того, как я все глубже проникал в тонкости понимания структуры человеческой психики, эта эйфория осознания заводила мою эмоциональную и сексуальную сферы.

Теперь я на своем собственном опыте понял, что означает ловить кайф от интеллектуальных построений. Мое сосредоточение на поставленной задаче, помноженное на усиленную мотивацию и наслаждение от познания новой грани человеческой природы, породило жажду интеллектуализации, и я наблюдал, как интенсивное нарастание жажды перекашивает баланс сил моего организма, нару-

шая гармонию его стихий.

Оказавшаяся уже слишком навязчивой постоянная работа мысли постепенно становилась мне неприятной. Я больше думал, чем чувствовал. Я начал терять свою эмоциональность, доброжелательность и симпатию в отношении к людям, даже природа и сама жизнь перестали вызывать у меня прежнее трепетное отношение удивления и радости, выработанное в медитациях вкуса жизни.

При очередной встрече с Ли я пожаловался ему на свое состояние.

– Это прекрасно, – сказал Учитель. – Состояние внутренней гармонии слишком избаловало тебя, приучив к излишнему внутреннему комфорту. Тебе полезно на короткий срок оказаться в шкуре обычного человека, в модели мира которого явно превалирует интеллектуальная сфера. Зная, что такое гармония, ты можешь видеть, как сильно обездоливают тебя перекосы в ту или иную сторону. Хотя если бы ты не был знаком с состоянием внутренней гармонии, эмоциональное и сексуальное наслаждение от умственной деятельности доставляли бы тебе изрядное удовольствие, и ты бы даже, возможно, стал причислять себя к элите человечества, гордясь своими способностями к рассуждениям и интеллектуальным изысканиям.

В подобную ловушку часто попадают психологи и психиатры. Привыкнув втискивать любые проявления человеческой психики в те или иные рамки схем и теорий, они уже не способны оценивать человека вне своих построений и теряют способность чувствовать и понимать собеседника, анализируя каждую его фразу вместо того, чтобы воспринимать ее на интуитивном уровне. Есть один забавный анекдот про психологов, иллюстрирующий эту их черту:

Встречаются два психолога.

– Здравствуйте. Как поживаете? – говорит один.

– Интересно, почему вы задаете этот вопрос? – с задумчивым видом спрашивает другой.

Ты уже достаточно поработал головой, чтобы сделать классификации пяти первоэлементов и "семи жемчужин" частью своего осознания.

Теперь ум должен отступить. Теперь тебе нужно лишь накапливать опыт и обострять интуицию.

– Я бы и рад перестать думать, – сказал я. – Но это – как навязчивый мотив популярной песенки, – прицепится к тебе и крутится у тебя в мозгу. Теперь, когда я смотрю на человека, я в первую очередь думаю, к какому типу я мог бы его отнести.

– Именно так возникают навязчивые идеи, – проворчал Учитель. – Чтобы избавиться от наваждения, нужно просто сосредоточиться на другом, например, выполнить любую из медитаций вкуса жизни. Ты можешь, например, сосредоточиться на образе воды или реки, и вспомнить, что означает принцип недеяния. Недеяние дает энергию и силы, в то время, как деятельность, особенно чересчур интенсивная интеллектуальная деятельность истощает. Одна минута правильно выполненного недеяния способна дать тебе больше, чем год усиленных размышлений...

Мы снова шли по набережной Салгира. Я посмотрел на его мутноватую воду, кажущуюся почти замершей в своем неторопливом течении между бетонных берегов, и это неторопливое спокойствие начало передаваться и мне. Мысли успокаивались. Мне больше не хотелось думать о схемах и классификациях.

– Давай присядем на лавку, – предложил Ли. Некоторое время мы молчали, глядя на реку.

– Способность вовремя переключаться – это исключительно важное умение, позволяющее обходить острые углы в жизни, не лишая себя запаса жизненных сил, – негромко сказал Учитель. – Принцип недеяния заключается не в том, чтобы ничего не делать, а в том, чтобы избегать совершения лишних усилий. Образ реки связан для даоса с образом времени и образом самой жизни. Река для даоса – символ вечно обновляющегося сейчас. Вода, промелькнув на короткий миг перед глазами, уходит в прошлое, но прошлого уже нет... Оно остается лишь в нашем опыте, в наших воспоминаниях. Посмотри на воду и отдайся неторопливому потоку ассоциаций, позволь воде унести тебя в прошлое...

Вода была связана у меня со множеством воспоминаний. Иногда прежде, чем заняться изучением техник любви, корейночка мыла меня в большом корыте. Это был огромный странный гибрид корыта и ванны без ножек с толстыми металлическими стенками. Корыто стояло в одной из пристроек, входя в которую нужно было открыть дверь и откинуть два полога из толстой материи. Потом, для удобства, мы перетаскивали его во временку. Воду брали во дворе из могучей железной трубы с краном. Под трубой располагался сток, по которому через систему ямок и каналов, вода поступала на

огород.

Чтобы наполнить корыто, требовалось много времени. Вода разогревалась на трех примусах, в другой пристройке, чтобы их шипение и запах не мешали нам наслаждаться общением во времянке. Мытье стало действием почти ритуальным, и оно доставляло мне и наслаждение и страдание. Страдал я обычно от того, что нагревалась вода слишком медленно, а вид возлюбленной мгновенно разжигал мою страсть, так что я почти полностью терял способность здраво мыслить. Ожидание казалось невыносимым, но выхода не было, и я сдерживал себя из последних сил.

Лин выстилала корыто изнутри мягкими и толстыми верблюжьими одеялами. Сверху, чтобы смягчить их грубость, она покрывала одеяла тонкой и легкой тканью. Под голову и руки она мне подсовывала валики из материи, так, чтобы тело испытывало максимальный комфорт. Иногда, для облегчения доступа к половым органам, она подкладывала мне под ягодицы маленькую надувную подушечку, и, устроенный с такими удобствами, я полностью расслаблялся.

Основным преимуществом этого монстра среди корыт было то, что я в полусидячем положении мог спокойно вытянуть ноги. При моем росте в обычной ванне это мне просто не удавалось. Процедура мытья была долгой и неторопливой, как течение спокойной реки. Каждый раз корейка ухитрялась внести в этот процесс что-то новое и необычное. В корыте я постигал тайные касания даосов, философскую подоплеку "спящей собаки", наслаждался управлением оргазмическими потоками, пробуждаемыми близостью моей возлюбленной и тонким общением, возникающим между нами, когда Лин намыливала и обмывала меня, растирала и массировала, натирала специальными составами, повышающими сексуальные способности и служащими пряной приправой к изысканной пище любви.

Я с нетерпением ждал момента, когда гибкое красивое тело корейки, закончившей все процедуры, легко перемахивало через край ванны и с негромким всплеском грациозно погружалось в воду рядом со мной. Каждый раз я наблюдал за этим зрелищем с трепетным благоговением, словно пытаюсь остановить, замедлить этот полет.

Иногда, заметив, что мое восхищение почти заставляет меня потерять контроль, Лин начинала говорить о каких-то серьезных вещах, вынуждая меня следить за разговором и снимая таким образом часть напряжения. Но никакие разговоры не могли отвлечь меня от глубокого сосредоточения на прекрасных мгновениях контакта двух любящих тел в благоухающей ароматическими маслами воде.

Наши беседы формировали во мне правильное в даосском понимании отношение к вопросам о любви, браке, взаимоотношениях мужчины и женщины.

Именно во время обоюдного омовения корейка рассказала мне о шестерке женщин, формирующих вместе со мной "божественное семь", и женской «пирамиде», которая называлась "камни, сложенные у дороги", и создание которой было мне необходимо для дальнейшего совершенствования.

— Учитель говорит, что даос должен иметь много женщин, — сказал я. — Возможно, он и прав, но мне это не нужно. Ты одна стоишь всех женщин мира.

Лин улыбнулась.

— Не преувеличивай, — сказала она. — Ты же не пробовал всех женщин мира.

— Я и не хочу пробовать.

— А ты уверен, что не хочешь?

Я понял, что корейке известно о моем троллейбусном романе.

— Тебе рассказал Учитель?

— Какое это имеет значение? Ты все сделал правильно.

— Я просто выполнял задание Ли. Корейка нежно провела тыльной стороной ладони по моей груди, опуская ее к половым органам и оглаживая их.

— Разве это было так плохо?

— Нет, это было совсем неплохо, но ведь это была не ты!

— В этом весь смысл, — сказала Лин. — Это была не я, но твои отношения с той девушкой тоже были прекрасны. Ты знаешь, что я тебя люблю, и именно потому, что я люблю тебя, я не могу позволить, чтобы ты растратил все свои чувства только на меня. Мужчина по природе своей обязан иметь много женщин. Он не состоит как мужчина и человек, если всю жизнь будет привязан только к одной партнерше.

— Не знаю, так ли это, но для меня это пока кажется дикостью, — возразил я. — Именно за счет общения с тобой я во многом состоялся как мужчина и человек, и если бы мы прожили вместе всю жизнь, я не чувствовал бы себя обделенным.

— Со временем ты убедишься, что я была права, — с отблеском грусти в глазах сказала корейка.

Действительно, время доказало ее правоту. Пережив боль вынужденной разлуки, я не потерял способности любить и наслаждаться общением с женщиной. Возможно, Лин была для меня лучшей подругой, но на моем пути встречались и другие, совершенно непохожие на нее партнерши, и многие из них тоже были удивительными и неповторимыми. Судьба подарила мне и прекрасные вспышки внезапной любви, и долгую и счастливую совместную жизнь в браке. Если бы я отказался от всего этого, храня верность воспоминаниям о главной любви моей жизни, я действительно лишил бы себя одной из самых прекрасных составляющих моего существования, став одиноким и неудовлетворенным человеком.

– Милый мой, родной, – сказала мне Лин. – Ты должен научиться жить и воспоминаниями и действительностью. Влечение к другой женщине лишь обостряет чувство к твоей возлюбленной, к самой любимой. Имея нескольких женщин, ты начинаешь воспринимать мир по-другому.

У тебя появляются новые точки отсчета, ты обостряешь те нити чувств, которые не были затронуты в процессе общения с твоей основной возлюбленной. Большинство людей по своей натуре собственники, и в первую очередь инстинкт собственничества свойственен женщинам.

Для женщины проще жить с одним мужчиной, отчасти потому, что так устроена ее физиология. Конечно, это верно не для всех женщин, но мужчина гораздо более полигамен. Женщине проще в течение какого-то промежутка времени выдерживать только одного мужчину.

Мир европейцев построен на идее собственности, и их убеждения – это убеждения собственников. Им хотелось бы иметь партнера-мужчину или женщину, – как вещь, принадлежащую им на вечные времена, но они забывают о том, что их партнеры – это свободные существа, и они тоже нуждаются в разнообразии.

Человеку естественно желать разнообразия во многих областях – в пище, в развлечениях, в общении с друзьями, ведь с одним интересно говорить о возвышенном, с другим можно пойти в поход или встретиться в тренировочном зале, с третьим можно заняться чем-нибудь еще...

То же самое относится и к женщинам. Каждая женщина помимо всего прочего – это отдельный мир, который ты открываешь для себя, который ты должен будешь научиться понимать, и к которому тебе придется приспособливаться. Этот мир насытит твою психику новым, еще неизвестным питанием и подарит твоему телу свежие волнующие переживания.

– То, что ты говоришь, хорошо для мира даосов, – сказал я. – Там подобный взгляд на жизнь естественен. Но я живу совершенно в другой среде, и здесь женщины придерживаются в точности противоположных взглядов на отношения с мужчинами. Мне не хотелось бы обманывать их, внушая им своим поведением ложные надежды, а затем, помимо своего желания, разрушать их иллюзии и мечты, и убивать в них веру в людей и в мужскую порядочность.

– Никто не заставляет тебя лгать, – возразила кореянка. – Тебе и не нужно лгать. Кроме того, ты ошибаешься, считая, что окружающим тебя женщинам так просто разбивать сердца и разрушать их надежды и мечты. Учитель говорил, что ты все еще слишком идеалистичен и даже слегка наивен. Похоже, ты в детстве читал слишком много книг, трактующих взаимоотношения мужчин и женщин в чересчур романтическом свете. Общение с женщинами быстро избавит тебя от иллюзий. Ты научишься жить в реальном мире и поймешь, что для множества прекрасных дам будет интересным лишь твое тело, а не твоя личность, и эти женщины отнюдь не являются наивными мечтательницами с непорочной душой, но общение с ними, если не питать на их счет особых надежд, доставит тебе много приятных минут и добавит жизненного опыта.

В то же время тебе нужно учитывать, в каком обществе ты живешь, и отдавать дань его законам, по возможности избегая конфликтов, одним из поводов для которых может оказаться ревность. Собственник всегда ревнив, и, поскольку собственника не переделаешь, в некоторых случаях тебе придется принимать меры предосторожности.

Ревность обязательно должна учитываться при создании «пирамиды». "Пирамида" обычно состоит из трех до пяти «камней». На вершине пирамиды располагается самая ревнивая женщина, которая не должна знать о существовании соперниц. Две менее ревнивые партнерши могут догадываться о том, что у них есть одна или две соперницы, а три женщины о основании пирамиды должны с пониманием относиться к тому, что они – далеко не единственные в твоей жизни, и воспринимать это, как должное.

Пройдя школу пирамиды, ты окончательно откажешься от собственнических взглядов на другого человека, и чувство ревности навсегда оставит тебя.

Оптимальное построение пирамиды – это пять женщин, представляющих все первоэлементы, включая женщину-дерево, – женщину предназначенную для всестороннего общения, ту, которая дает тебе возможность строить свои отношения с ней в лоне учения Спокойных.

– А в какой форме я должен строить свои отношения с женщинами пирамиды? – спросил я.

– Ты будешь нуждаться в «камнях» пирамиды почти каждый день. Твой организм испытывает сейчас слишком большую нагрузку, и ты отчаянно нуждаешься в краткосрочном, но эффективном каждодневном отдыхе. Этот полноценный отдых тебе лучше всего смогут обеспечить любящие женщины, и, используя при общении с ними техники "спящей собаки", тебе удастся легко восстанавливать силы.

– Это понятно, а для чего нужно так много женщин? Разве нельзя восстанавливать силы с одной-двумя? – спросил я.

– Во-первых, тебе необходимо входить в контакт с каждым из пяти первоэлементов, – объяснила Лин, – а во-вторых, при ускоренном совершенствовании в сексуальных техниках ци-гун нельзя находиться слишком продолжительное время с одной женщиной. Свежесть и новизна ощущений теряются уже после четырех часов сексуального контакта, и для того, чтобы ощущение новизны восстановилось, между встречами должно пройти не менее трех суток. Чтобы использовать «камни» с максимальной эффективностью, с каждой из женщин пирамиды ты должен встречаться только раз в неделю.

– Мне нужно только выполнять упражнения "спящей собаки", или я могу вступать с ними в нормальную половую связь? – спросил я.

– Не стоит с самого начала пугать твоих дам непонятным поведением, – улыбнулась корейка. – Веди себя так, чтобы выглядеть, как самый нормальный мужчина, и лишь когда ты наладишь со своими «камнями» прочные эмоциональные связи, то сможешь потихоньку начать показывать им даосские техники. Но не забывай, что в данный период обучения, с учетом твоего возраста, в течение недели семя может покидать твой организм не более трех раз в неделю, и два раза из них оно должно возвращаться обратно.

– Целых три раза? – удивился я. – Тогда почему мы с тобой можем иметь нормальный секс лишь один раз в месяц?

– Это совсем другое дело, – сказала Лин. – Мы с тобой общаемся в рамках учения, и наш секс разительно отличается от секса с обычной женщиной. За одну нашу встречу мы задействуем больше энергии, чем ты сможешь израсходовать за месяц общения с пирамидой.

– А как насчет "Божественного семь"? – спросил я. – Каких правил я должен придерживаться в этом случае?

– Пирамида – лишь подготовительная ступень к упражнениям семерки, – сказала корейка. – Когда ты полностью сформируешь и запустишь в действие "камни, сложенные у дороги", три эякуляции в неделю станут для тебя правилом лишь до того момента, как ты построишь "Божественное семь". Потом ты уже не будешь кончать с женщинами пирамиды, лишь удовлетворяя их и накапливая напряжение и энергию до тех пор, пока ты не разрядишься с шестью партнершами.

"Божественное семь" – исключительно важное построение, потому что оно способствует развитию той части огненного тела, которая способна совершенствоваться спонтанно, без специально направленных на это упражнений.

– Огненное тело? – переспросил я. – Что это такое? Учитель мне еще не говорил о нем.

– Было бы слишком долго и сложно рассказывать сейчас, что это такое, – сказала Лин. – Поэтому я ограничусь самым банальным объяснением, которое на время умиротворит твое любопытство и удержит тебя от ненужных вопросов. Огненное тело – это что-то вроде души. «Камни» пирамиды будут увеличивать твои силы для того, чтобы ты смог полностью выкладываться в упражнениях "Божественного семь".

Как ты сформируешь "Божественное семь" – это твое дело. Подробности техники, которую ты будешь выполнять, я расскажу тебе, когда ты отыщешь шесть женщин, готовых к совместному сексу. На создание пирамиды и "Божественного семь" тебе отводится месяц.

– Всего месяц? – не поверил я. – Тебе не кажется, что этого недостаточно?

– Для тебя это более, чем достаточно, – уверенно заявила Лин.

Я не разделял ее уверенности.

– Боюсь, ты меня переоцениваешь, – усомнился я.

– Да, и еще одно, – сказала корейка. – очень важно, чтобы ко всем женщинам пирамиды ты испытывал самую искреннюю любовь и они отвечали тебе взаимностью. Женщин "Божественного семь" ты любить не обязан. Здесь играет роль только взаимное физическое влечение. Ты должен стать лидером группы, которая будет выполнять нужные тебе техники и работать слаженно, как единый механизм.

Все же месячный срок казался мне слишком коротким для столь щекотливого дела, и я с голо-

вой ушел в выполнение задания, К счастью, в то время в Советском Союзе люди еще не знали, что такое СПИД, и даже сифилис считался редкостью. Подбирая себе женщин из достаточно культурных и обеспеченных слоев населения, я практически не рисковал своим здоровьем и смог отдалиться увлекательному процессу познания женщины без опасения заразиться. В промежутках между тренировками я начал знакомиться на улицах с понравившимися мне девушками и назначать им свидания. Не знаю, что тут сыграло главную роль – мое мужское обаяние или уроки, преподанные мне Учителем, но через неделю у меня уже была построена пирамида с пятью «камнями», и, хотя эти «камни» еще не полностью соответствовали пяти первоэлементам, я продолжал работать в нужном направлении, подыскивая более подходящих партнерш и начиная потихоньку показывать своим новым подружкам техники работы с сексуальной энергией.

Лин, с интересом слушая отчеты о достигнутых успехах, рекомендовала мне выполнение в пирамиде все новых и новых упражнений, которые доставляли несказанное удовольствие как мне, так и моим любовницам.

Одним из заданий была отработка приемов разноритмичного соития, укрепляющих энергетические каналы и связанные с ними внутренние органы. При этом моей главной задачей было в первую очередь укрепление и оздоровление партнерши, и лишь потом себя, поскольку в идеале напарницы даоса должны обладать хорошо развитой энергетикой и крепким здоровьем. В противном случае нарушения в работе каких-либо органов одного из партнеров сказываются при обмене энергией между мужчиной и женщиной, и даосу приходится затрачивать дополнительные усилия, чтобы нейтрализовать это неблагоприятное воздействие.

Если успех в построении пирамиды я мог полностью записать на свой счет, то с "Божественным семь" мне просто фантастически повезло. Не знаю, было ли это случайностью или объяснялось действием личной силы, да, впрочем, это и не важно. Главное – результат.

Однажды, около часа ночи я шел по улице, возвращаясь с тренировки. Свет фонарей выхватил из темноты две женские фигуры, движущиеся мне навстречу. Машинально я отметил, что обе они приятно сложены, и, судя по походке, должны быть молоды и энергичны.

Когда мы сблизились настолько, что смогли различать черты лица, я замер от изумления. Передо мной были Катя и Оля – две мои давнишние любовницы, которых я уже года два как потерял из виду. Я даже представления не имел о том, что они знакомы.

Девушки узнали меня и искренне обрадовались. После традиционных приветствий, объятий и поцелуев мы принялись рассказывать друг другу о том, что произошло с нами с тех пор, как мы виделись в последний раз. Я узнал, что Катя

надолго уезжала к родителям на Сахалин, а Оля уже успела выйти замуж и даже развестись.

Когда белые пятна в наших биографиях оказались полностью устранены, разговор как-то незаметно перешел на мужчин. Похоже, мужчины ухитрились здорово разочаровать подружек, и эпитеты, слетающие с их свежих алых губок, рисовали сильную половину человечества отнюдь не в радужном свете.

– Все мужики – свиньи, – декларировала Оля. – Свиньи и эгоистичные себялюбивые скоты.

– Это уж точно, – умудрено покачивая головой, ее поддержала Катя. – Можешь мне поверить, уж я-то на них достаточно насмотрелась.

– Целиком и полностью с вами согласен, – дипломатично поддакнул я. – Лично я всегда предпочитал женщин.

Сверкающие негодованием очи девушек смягчились, и в них мелькнул отблеск былой нежности.

– Ты один всегда был настоящим мужчиной, – темпераментно воскликнула Катя.

– По-правде говоря, ты был единственной радостью в моей жизни, – растаяла в сентиментальных воспоминаниях Оля.

– Вы обе – просто чудо! – совершенно искренне воскликнул я. – Даже не знаю, что же мне делать – вас двое, а я один! Как бы мне хотелось сейчас раздвоиться!

– Ну что, может быть поделим его? – шутливо предложила Оля, обращаясь к подруге. – Утром он будет твоим, а вечером – моим!

– Прекрасная идея! – с энтузиазмом согласился я.

Катя задумалась. По ее лукаво-смущенной улыбке было видно, что ей хочется что-то предложить, но она колеблется, прикидывая, стоит ли это делать. Наконец, она решилась.

– Зачем делить то, что может быть нашим уже сейчас, – сказала она. – Мы вместе снимаем квартиру. Она недалеко. Может быть, на эту ночь ты поделишь ее с нами?

– Я был бы счастлив сделать это, – улыбнулся я. Десять минут спустя я окидывал взглядом про-

сторную, но захлавленную однокомнатную квартиру в старом запущенном здании довоенной постройки.

В комнате стояли три кровати. Две из них были сдвинуты вместе, а на третьей, массивной, деревянной и источенной жучками, к моему удивлению, возвышалась высокая груда старых пуховых перин, казалось, ожидавших свою принцессу на горошине.

– Зачем здесь это странное сооружение? – поинтересовался я.

– Это табу! – таинственным и предостерегающим жестом подняла вверх указательный палец Оля.

– Табу? – переспросил я.

– Эта кровать принадлежит бабушке хозяйки квартиры, – объяснила девушка. – К ней запрещено прикасаться.

– И что же, вы к ней никогда не прикасаетесь?

– Сейчас увидишь! – рассмеялась Оля.

Подпрыгивая, как вредная девчонка, задумавшая устроить очередную пакость своим нудным и надоедливym предкам, она подскочила к бабушкиному достоянию и принялась сдергивать с него перины, устилая ими пол. Я насчитал шесть перин.

– Эти кровати слишком уж скрипят, – пояснила Катя, доставая из шкафа простыни и накрывая ими перины.

Когда пол превратился в уютное пуховое ложе, девушки со смехом и шутками принялись неторопливо и дразняще раздевать друг друга.

Пока мы шли к ним домой, подруги уже успели прозрачно намекнуть мне, что, разочаровавшись в грубых и эгоистичных мужчинах, они решили все свои проблемы в рамках нежной, уютной и понимающей женской любви. Поскольку я отнесся к такому подходу с полным одобрением, юные лесбиянки решили не сдерживать в моем присутствии своих порывов.

Наконец, последняя деталь одежды была небрежно кинута на бабушкину кровать, и Оля с Катей опустились на перины, целуя и лаская друг друга. В их ласках не было ничего развращенного или пошлого. Они казались двумя очаровательными игривыми зверьками, выбрасывающими излишек жизненных сил в веселой и в то же время чувственной и нежной взаимной забаве.

Возможно, от природы, а может быть в силу даосской традиции, я всегда воспринимал гомосексуализм с глубоким внутренним отвращением. Контакт двух мужчин, согласно воззрениям Спокойных был взаимодействием двух ян, двух огней. Как бумага, подожженная с двух сторон, сгорает дотла, обращаясь в пепел, так и здоровая энергетика мужчин при гомосексуальном контакте разрушается, уничтожаемая двойным огнем ян.

Два инь при лесбийских ласках, наоборот, сливались, подобно двум стаканам воды, укрепляя и усиливая друг друга.

Зрелище моих давних любовниц, обласкивающих друг друга, возбудило меня. Продолжая созерцать их взаимные ласки, я начал выполнять упражнение из "спящей собаки". Уводя энергию вверх от напрягшегося члена и, поворачивая ее по кругу срединных каналов, я распределял ее по всему телу, так, чтобы она пробудила к жизни каждую его клеточку, каждый нерв, каждый мускул.

Я старался оставаться неподвижным, чтобы не спугнуть двух подружек, но оргазмические ощущения уже вызвали спонтанные серии аутодвижений, заставляющих трепетать мускулы туловища, рук и лица.

Потоки моей изливающейся наружу сексуальной энергии заставили Катю и Олю отодвинуться друг от друга. Они смотрели в мою сторону, словно впитывая своими телами то ощущение, которое передавалось им от меня. Потом, медленно и не сговариваясь, они двинулись ко мне. По их напряженным лицам и изменившемуся дыханию я почувствовал, как, даже еще без телесного контакта, мой мужской ян вступил во взаимодействие с двумя женскими инь.

Девушки медленно и аккуратно снимали с меня одежду, потом их губы, руки и тела бесконечно долго ласкали мою плоть, до тех пор, пока я, вспоминая уроки Лин, не заставил их обеих забиться в глубоком множественном оргазме...

Я стал регулярно посещать квартиру с бабушкиной кроватью. Катя и Оля оказались великолепными ученицами, и даосские техники любви, которые я показывал, вызывали у них все больший восторг и энтузиазм.

Во время третьей встречи я намекнул, что было бы неплохо расширить круг нашего общения, поскольку многие сексуальные техники, которые мы еще не успели испробовать, рассчитаны на большее число партнерш, вплоть до шести, как раз по числу перин, уместающихся на полу.

Девушки отнеслись к этому с пониманием, и во время нашей следующей встречи я обнаружил

в квартире двух новых красоток – Лену и Наташу, подружек и единомышленниц Кати и Оли.

– Не стоит сразу пугать их твоими техниками, – прошептала мне на ухо Катя, отозвав меня для разговора на кухню. – Пусть сначала освоятся, а потом уж постепенно мы покажем им что и как.

Несмотря на Катины опасения, приобщение к таинствам даосской любви у новых членов будущей "Божественной семерки" прошло без всяких осложнений и к полному их удовольствию.

Чтобы не привлекать к нашим забавам излишнего внимания страдающих тяжелой формой хронического любопытства соседей, нам приходилось придерживаться строгой конспирации, достойной кружка подпольщиков-революционеров, работающих в тылу врага.

В квартиру мы заходили поодиночке, в разное время. Поскольку наши совместные свидания проходили обычно по утрам и занимали около двух часов, некоторые девушки приходили в любовное гнездышко заранее и оставались там ночевать.

Вскоре дала о себе знать и хозяйка квартиры, Валя. Она получила на работе месячный отпуск и заскочила поболтать к Оле, своей давней подружке. Разговор оказался плодотворным, и во время следующей встречи Оля с гордостью представила мне нового члена нашей группы. Валя легко и быстро влилась в коллектив и внесла свою лепту, отыскав последнюю, недостающую, шестую партнершу. Ею оказалась Света, ее соседка.

Так "Божественное семь" было сформировано, и я, следуя указаниям Лин, начал в ускоренном темпе настраивать энергетику женщин и подготавливать их к сложным групповым упражнениям.

Для этого мне пришлось, на время ограничив общение с женщинами пирамиды, встречаться с шестью моими партнершами два-три раза в неделю. Теперь при свиданиях с «камнями» я уже не мог позволить себе эякуляцию. В одновременном контакте с девушками "Божественного семь" избежать ее было просто невозможно. Обычно я забегал к женщинам пирамиды после тренировки, ужинал, принимал ванну, притаскивал очередную подругу, восстанавливая уставшие мускулы за счет взаимодействия наших энергий, и засыпал, готовясь к новому трудному и насыщенному дню.

Когда "Божественное семь" окончательно оформилось, мы перешли к встречам один раз в неделю. Я по очереди удовлетворял всех женщин, часто используя пальцевые техники, и затем кончал вместе с одной из них. каждую неделю меняя партнершу. Конечно, большую часть работы выполняли сами девушки, а я был, скорее, приправой в этом изысканном блюде любви. Один раз в месяц вся группа действовала в унисон, так, как это было положено согласно даосским канонам.

Лин оказалась права и в том, что одновременный контакт с шестью возлюбленными создавал ощущения и потоки совершенно отличные от тех, которые возникали при общении с одной партнершей, даже столь опытной и искушенной, как она сама.

Я воспринимал совершенно разные типы энергетических потоков от женщин разных стихий, от взаимодействующих стихий, от стихий дополняющих мою собственную энергию и заставляющих закипать "Божественный котел" дань-тяня, сплавляя в нем воедино все первоэлементы, все стихии, необходимые для формирования духа даоса, для формирования его огненного тела. К сожалению, техники, используемые для этого, слишком сложны, чтобы уделять им внимание в этой книге, и, возможно они будут упомянуты в продолжении книги "Сексуальные энергии спящей собаки".

В заключение мне хотелось бы напомнить, что все вышесказанное не следует воспринимать, как оду групповому сексу, лесбиянству или неразборчивым половым связям, и тем более не стоит, как, к сожалению, пытаются делать некоторые ученики, слепо подражать моим действиям.

Обучаясь у Ли, я вступил в рамки другой традиции, другой культуры, основанной на совершенно отличных от привычных нам мировоззрения и морали. Прежде, чем перейти к упражнениям "спящей собаки", я прошел долгий путь по подготовке ума, тела, психики и энергетики, и это определило положительные результаты моего опыта.

Даосский способ общения с женщиной принадлежит именно даосизму, и выдергивать какие-то элементы даосской культуры с тем, чтобы привнести их в сформировавшийся организм европейских традиций и воспитания было бы так же нелепо, как пересаживать в тело человека чужой орган, заведомо зная о несовместимости его тканей с тканями организма.

Как организм отторгнет чужеродную плоть, так и одна культура отторгнет насильственно привнесенную и несовместимую с нею часть другой. Это может привести не только к трениям с окружающим обществом, но и к серьезным внутренним конфликтам, нарушающим нормальную работу психики человека. Только предварительно перестроив свою психику в соответствии с мировоззрением даосизма, можно без опасения погружаться в его сложные, но удивительно интересные техники. Не забывайте об этом. Лучше быть уравновешенным и гармоничным европейцем, чем нелепой пародией на даоса. Берегите себя.

Глава 7

Мне запомнился жаркий летний день, когда мы с Учителем, закончив тренировку и слегка утомившись от серьезных рассуждений о высоких материях, лениво прогуливались по «Пушкарю» – центральной улице Симферополя, предаваясь блаженному ничегонеделанию.

Под ласкающими лучами летнего солнца женщины распускались, как цветы, облачаясь в немыслимо яркие и соблазнительные наряды. Их стройные загорелые ножки под почти ничего не прикрывающими юбочками и шортами притягивали взгляд помимо моей воли, и я, с удовольствием следуя учению "Вкуса плода с дерева жизни", наслаждался созерцанием этих смуглых достопримечательностей.

Мой довольный вид не ускользнул от ехидного взгляда Учителя, и он зацокал языком с видом дегустатора, оценивающего редкий сорт вина.

– Мне нравится эта улица, – одобрительно сказал он. – Здесь действительно есть на что посмотреть.

– Где же твоя невозмутимость воина жизни? – подколот его я. – Пристало ли последователю «Спокойных» терять целостность картины мира, отвлекаясь на созерцание женских прелестей?

Ли усмехнулся.

– Я бы потерял целостность картины мира, если бы отказался от их созерцания, – с важным видом заявил он. – Запомни, мой маленький брат, то, что я тебе скажу. Я открою тебе еще один маленький, но очень важный секрет Ищущих Истину.

Учитель сделал паузу и многозначительно поднял палец вверх. Хотя я понимал, что он шутит, но, как обычно, слово «секрет» отозвалось во мне напряженным ожиданием нового великого откровения. Кроме того, как я неоднократно убеждался, с Ли ни в чем нельзя было быть уверенным. Он с непредсказуемой легкостью перемещался от откровенного шутовства к крайней степени серьезности, и эта черта характера, никогда не позволявшая мне расслабиться или скучать, очаровала меня в нем с нашей первой встречи.

Лицо Учителя изменилось, став суровым и сосредоточенным. Он жестко посмотрел мне в глаза и сказал:

– Вот, что ты должен запомнить и понять. Поскольку он снова замолчал, я сосредоточенно кивнул головой, всем своим видом показывая, что я – весь внимание.

– Даосы любят женщин, – снова меняя тон на легкомысленно-шутливый, продолжил Ли. – Даосы любят женщин больших и маленьких, толстых и тонких, красивых и не очень, добрых и злючек, умниц и с придурью. Они любят их в роскошных опочивальнях и в убогих гостиничных номерах, в лесах и на сеновалах, на кукурузных полях и под прохладными церковными сводами. Даосы любят женщин всегда и везде. Единственное их отличие от обычных мужчин состоит в том, что они действительно умеют это делать, и любят в соответствии с искусством любви, а совокупляются с женщиной, имея представление о правильной технике секса. Ты меня понял?

– Всегда готов следовать заветам Шоу-Дао, – я вытянулся по стойке «смирно» и поднял руку в шутливом пионерском салюте.

– Аминь, – подытожил Ли.

Моя клятва не была пустыми словами, и, следуя традиции воинов жизни, я тоже любил самых разных женщин в самых разных местах.

Поддаваясь искушению снова воспроизвести в памяти приятные мгновения, проведенные с ними, на сей раз я сделаю это не только в медитации воспоминания, но и на страницах этой книги.

Я расскажу о некоторых женщинах, которых любил вне даосской традиции, не обучая их техникам "спящей собаки" и не занимаясь с ними специальными упражнениями.

В последние годы эти воспоминания приобрели, как многолетней выдержки дорогой коньяк, еще и дополнительный привкус – чудесный привкус ностальгии по эпохе шестидесятых-семидесятых годов, ушедшей навсегда и безвозвратно, живой пока лишь в памяти моих ровесников и людей старшего поколения. Жаль, что когда-нибудь она умрет вместе с последним ее свидетелем, уступив место бесконечным рекламным роликам "лучшей в мире продукции" и деловитой практичности новых поколений, отчаянно отвоевывающих себе место под солнцем и право неограниченного приобретения благ, ослепляющих их с экранов телевизоров и журналов.

Смену эпох я, согласно мировоззрению Шоу-Дао, воспринял так же, как и смену женщин. Принадлежать одной эпохе, одному и тому же обществу – все равно, что жить с одной женщиной. В ней есть что-то плохое и что-то хорошее, со временем ты приспосабливаешься и привыкаешь, но ты можешь смотреть на ситуацию лишь изнутри, зная, что бывает по-другому, но в действительности не

представляя, как это – по-другому. Лишь меня женщин, общества, ситуации, можно увидеть их снаружи, а не изнутри, и лишь тогда их оценка станет чуть более здравой.

Итак, вернемся на двадцать с лишним лет назад, к моменту, когда я поехал в Феодосию, чтобы принять участие в литературном конкурсе при музее Грина. На эту встречу съезжались люди со всей страны, желая еще раз прикоснуться к свету свободы, поиска и стремления вперед, к чему-то неизвестному, но прекрасному, к надежде и вере в себя и в судьбу, веющим от произведений этого писателя.

Литературные чтения состоялись вечером, и я тоже прочитал свой рассказ и критическую статью, посвященную повести Грина «Фанданго». Потом фанданго зазвучало в исполнении знаменитого гитариста, очаровав слушателей своим стремительным и страстным ритмом, и, под аккомпанемент гитары, я выполнил некоторые элементы боя с тенью, казавшиеся причудливым экзотическим танцем. За свою критическую статью я получил вторую, а за рассказ – первую литературную премии.

Среди работников музея, как черная орхидея среди полевых цветов, притягивала взгляд экзотическая молодая женщина с густыми черными волосами и сильным прекрасно развитым телом. Я поймал ее взгляд, брошенный на меня, и в нем мне почудился дразнящий вызов и откровенный неприкрытый интерес.

Потом был ужин. Сдвинутые столы под увитым виноградом навесом в доме директора музея были накрыты хрустящими накрахмаленными скатертями. С любовью приготовленные закуски и традиционные салаты перемежались с холодными запотевшими бутылками крымских вин.

Над головой сияли яркие южные звезды, ласковый теплый ветер приносил свежесть и запах моря...

Собравшиеся, не в пример обычным советским застольям, удивительно мало пили, хотя в вине не было недостатка. Звучали стихи, говорили о музыке, о литературе. Меня охватила удивительно приятная легкая эйфория. Все люди за столом казались мне близкими, почти друзьями, разделяющими мои мысли, мои мечты, мои надежды. Нас объединяла любовь к книгам Грина, эта южная ночь, этот стол, где все были равны, нужны и интересны друг другу...

Музейная красавица оказалась рядом со мной. Я понял, что обречен. Еще до того, как мы заняли свои места за столом, она, словно случайно, несколько раз появлялась около меня и с древним, как само человечество, женским искусством и вызывающим, но не навязчивым кокетством демонстрировала свое стройное тело, силу которого, она, похоже, испытала уже на многих мужчинах.

Мы представились друг другу с таким чувством, словно были знакомы много лет. Потом мы гуляли по берегу моря, уходя далеко-далеко, на дикий пляж. Лунная дорожка россыпью драгоценных камней сверкала на покрытой мелкой рябью водной глади, тело Кристины прижималось к моему, зажигая во мне светлый огонь новой любви...

Кристина прекрасно осознавала, как действует на меня ее присутствие.

– Я поняла, что ты должен быть моим, как только увидела тебя! – сказала она, взглянув мне в глаза.

В ее взгляде читалась непоколебимая уверенность, что так оно и будет.

– Звучит так, как будто ты выбирала себе жертву, – пошутил я.

– Может быть и так. А тебе не все равно? – прикоснулась пальцами к моим губам Кристина.

Мне было все равно.

Так начался наш роман.

На следующий день, проспав всего пару часов, мы вместе со всеми отправились возлагать цветы на могилу Грина. К моему удивлению, люди завязывали на ветвях растущего рядом с могилой дерева пионерские галстуки и яркие лоскуты материи. Эта традиция была мне тогда неизвестна.

Ее суть разъяснила невысокая худенькая девушка, которая на первый взгляд выглядела примерной пионеркой, хотя на самом деле уже давно вышла из пионерского возраста.

Я узнал, что эта маленькая бродяжка почти без денег, лишь с запасом пионерских галстуков путешествовала на попутках по всей стране, побывав чуть ли не во всех памятных местах Советского Союза. Она знала расписание всех празднеств и торжеств, подобных литературному конкурсу при музее Грина и, следуя этому расписанию, добиралась к месту ближайшего праздника со своими неизменными пионерскими галстуками. Ее мягкое обаяние, почти детская беззащитность и прирожденный талант человеческого общения легко находили отклик в людских сердцах, и, где бы она ни появлялась, она без труда находила пищу, кров и ласку.

После церемонии Кристина пригласила меня к себе домой. Я до сих пор с грустью вспоминаю неповторимый уют ее квартиры, огромное количество книг на вздымающихся до потолка застекленных полках, бархатные покрывала на креслах и диванах, прохладный полумрак тяжелых штор.

Это был уютный мирок красивой и умной женщины, привносящей в твою жизнь столько мелких привычек и деталей, создающих незабываемый и чудесный узор общения. Даже если бы между нами не было физического контакта, даже если бы я не обладал этим великолепным атласным телом изощренно-ласковой красавицы, только наши разговоры, минуты, проведенные вместе за книгой, прогулки по древней Феодосии подарили бы мне множество прекрасных воспоминаний, ставших тканью моей жизни.

Я стал часто приезжать в Феодосию, чтобы навестить Кристину, Ее мать работала экскурсоводом на туристических автобусных маршрутах, и пользуясь ее любезностью, я легко и быстро добирался к любимой. Наша привязанность и внутренняя близость все возрастали, но, примерно через год, наши отношения начали давать трещину. Я чувствовал нарастающий у нее в душе внутренний протест. Кристине нужна была полная ясность относительно нашего будущего. Она очень хотела выйти за меня замуж, но, по ряду обстоятельств, я не мог позволить себе такую роскошь.

Однажды, приехав к ней в гости, я застал в ее квартире другого мужчину. Она представила мне его, сказав, что он, – руководитель крупного предприятия, и, кроме того, пишет неплохие стихи.

Несколько минут спустя она безжалостно выставила своего нового друга на улицу, объяснив, что эту ночь она хочет провести вместе со мной.

Прервав наши бурные ласки на самом интересном месте, Кристина неожиданно перешла к гораздо менее приятному выяснению отношений. Даже в этот момент она полностью владела собой, и я в который раз приятно удивился ее прекрасному воспитанию. Она говорила спокойно и размеренно, без визгливо выкрикиваемых претензий, к сожалению, слишком часто свойственных недовольным или обиженным женщинам.

Кристина говорила о семье, о детях, о своем желании построить домашний очаг, о том, как она представляет свою будущую счастливую жизнь. Если бы мы поженились, то не нуждались бы в деньгах. По тем временам она была прекрасно обеспечена. Помимо работы в музее, она дома шила шапки из меха песца, лисицы и нутрии и зарабатывала более, чем достаточно.

Так же спокойно я объяснил ей свою ситуацию, препятствия, не позволяющие мне связать с ней навек свою судьбу, несмотря на то, что она действительно мне очень нравилась.

– Завтра в полдень я назначила встречу в кафе нескольким претендентам на мою руку и сердце, – холодно сказала Кристина. – Среди них есть люди, занимающие очень высокие должности. Я хочу, чтобы ты тоже пришел.

– Если таково твое желание, я приду, – согласился я.

Я появился в кафе в своих вечно залатанных штанах и легкой польской курточке, присланной мне из Москвы сестрой. На фоне безупречно одетых ожидавших нас джентльменов я выглядел несколько неуместно, но Кристину это не беспокоило.

Сделав театральный жест, она представила меня своим гостям и сказала, что предоставляет мне возможность выбрать для нее спутника жизни.

Меня поразило, что претенденты отнеслись к этому совершенно спокойно. На их месте я бы не захотел, чтобы меня, как товар на прилавке, выбирал какой-то посторонний человек. Согласно даосским взглядам, если женщина не отдает тебе предпочтение по своей воле, то и нет смысла вступать в навязанный со стороны союз.

Поддерживая затеянную Кристиной игру, в которой слишком явно просматривались поза и месть красивой женщины, желающей лишний раз продемонстрировать мне, какое сокровище я по собственной глупости потерял, я вполне серьезно обсудил с каждым претендентом его намерения, возможности, степень его любви и финансовое положение. В заключение я отдал пальму первенства руководителю крупного нефтегазового объединения, живущему в одном из городов Сибири.

Кристина действительно вышла за него замуж и уехала на север. С тех пор я ничего не слышал о ней.

Еще одной сверхкороткой, но бурной связью я был обязан сестре. Пожалуй, в первый раз в жизни я оказался изнасилованным женщиной, более того, самой настоящей мулаткой, певицей и танцовщицей одного латиноамериканского ансамбля. Наверное, насилие было не совсем точным словом, ведь, учитывая подготовку, полученную мною у Ли, я пожалуй, смог бы отбиться, если бы очень этого захотел.

Скорее это было не физическое насилие, а насилие над чем-то внутри меня, может быть, над мужским стереотипом лидерства в отношениях с женщиной, и я помню, как, несмотря на непреодолимое физическое влечение, которое я испытывал к этой женщине, все мое существо протестовало против того, что происходит. Внутренний голос буквально вопил, что такого просто не может быть и не должно быть, что подобный контакт противоестественен, в мозгу мелькали тревожные мысли о

венерических заболеваниях, установки на стереотип сексуального поведения женщины ломались под напором наэлектризованной и неудержимой черной плоти... Но лучше я расскажу все по порядку.

Я на один день отпросился у Учителя с тренировок на Партизанском водохранилище, чтобы увидеться с сестрой, приехавшей в Ялту в качестве сопровождающей иностранного ансамбля. Я встретился с сестрой на автовокзале, и на машине, выделенной для ансамбля, мы быстро доехали до гостиницы, в которой они остановились, небольшой, уютной и немного патриархальной. Поскольку иностранцев в Советском Союзе обычно принимали с подобающим размахом, в холле был накрыт огромный праздничный стол, ломившийся от всевозможных деликатесов.

Лена представила меня всем своим знакомым, и мы начали подниматься вверх по лестнице. Женщина, спускавшаяся навстречу по белым мраморным ступеням, показалась мне видением из другого мира. Мулатка, столь щедро одаренная природой, что ее тело казалось творением рук гениального, но явно сексуально озабоченного скульптора, улыбнулась мне, продемонстрировав ослепительно белые зубы, идеальную линию которых слегка искажали чуть увеличенные клыки, но этот небольшой дефект ничуть не портил ее, наоборот, – придавая ее бьющей через край истинно латиноамериканской сексуальности некую вампирическую изюминку.

Мулатка столь поразила меня, что я не удержался, и, пока Лена что-то говорила, представляя ей меня, провел тыльной стороной ладони по внутренней части ее предплечья, словно пробуя на ощупь ее темную бархатистую кожу. Кожа была божественной – гладкая, теплая, упругая, эластичная. Танцовщица не подавала вида, что заметила этот мой жест, но я ощутил, как что-то в ней откликнулось на мои чувства.

Абсолютно ровным и даже довольно холодным тоном мулатка спросила у Лены, в каком номере мы остановились. Сестра, не заметившая моих манипуляций, назвала номер комнаты.

Я, даже не думая о том, что между нами что-то может произойти, с нескрываемым сожалением простился с этим чудесным тропическим цветком. Мулатка грациозно спустилась вниз, присоединившись к компании, сидящей за столом, а мы с сестрой поднялись в ее номер.

– Ты можешь принять душ и отдохнуть, – сказала Лена, – а я должна присоединиться к ансамблю.

Я помылся и, раздетый, улегся в постель.

Вдруг дверь номера распахнулась настежь, и на пороге возникла улыбающаяся мулатка в коротком шелковом халатике, столь же ярком и эротичном, как и его хозяйка.

Окинув меня с ног до головы оценивающим взглядом, на ломаном русском языке она сказала:

– Ничего не надо говорить.

Стремительно подойдя к кровати, она сорвала с меня одеяло, и я, ошеломленный столь стремительным развертыванием событий, с удовлетворением отметил, что мой организм оказался на высоте. Меня поразило, что несмотря на то, что я уже достаточное время практиковал даосские техники, мне никак не удавалось взять под контроль свои эмоции и разобраться в хаосе захлестнувших меня противоречивых чувств, когда танцовщица набросилась на меня, как голодная львица на раненую антилопу. Глубокие вибрирующие стоны и всхлипы, которые она издавала, еще больше усиливали возникшую у меня аналогию с животным миром. Мулатка застала меня врасплох.

Все еще пытаюсь разобраться в себе, я, тем не менее, чисто автоматически отвечал ей взаимностью с не меньшим, если даже не с большим пылом. Бурные страсти завершились невероятной силы оргазмом, пришедшим к нам одновременно.

Мы свалились с кровати, даже не заметив этого, с рычанием диких животных отдаваясь сжигающему нас изнутри первобытному чувству. Танцовщица с силой гигантского спрута обвила меня руками и ногами, и ее резкие импульсивные движения исторгли из меня все естество моей мужской силы. Горячее семя уже излилось внутрь ее тела, но ее конвульсии все еще продолжались, и несмотря на нестерпимо-сладостное чувство, я уже не мог выносить напряжения, понимая, что еще чуть-чуть – и я рискую потерять сознание. Я отстранился и раскинулся на полу, закрыв глаза и чувствуя, как расслабляется мое тело, наполняясь сладостной истомой и изнеможением.

Ощутив над собой ее лицо, я приоткрыл глаза.

– Спасибо, – с акцентом произнесла мулатка.

Дверь распахнулась и снова захлопнулась, оставив мне на память видение ее яркого халатика, прощально взметнувшегося над длинными стройными ногами.

Я остался один в полуразгромленной комнате в полном смятении чувств. Несколько минут мне потребовалось, чтобы прийти в себя, и, опасаясь, что в любую минуту здесь может появиться Лена, я, преодолевая предательскую слабость в ногах, поднялся и принялся наводить в комнате порядок. Затем я рухнул на кровать и заснул, как убитый.

На следующее утро все происшедшее показалось мне невероятным и чарующим сном. Мы так больше и не встретились, но я навсегда запомнил волшебное ощущение мимолетной тайной связи, контакт сердец, когда я смотрел на свою вчерашнюю любовницу из переполненного концертного зала, не зная, видит ли она меня, но когда она пела и танцевала на сцене, мне казалось, что ее песня обращена именно ко мне.

Наши глаза встречались, создавая неповторимое чувство, многократно усиленное связавшей нас навсегда общей тайной, тайной мимолетного, но столь насыщенного контакта двух тел, тайной восхитительного и несравненного приключения.

Ради этих минут я, мысленно попросив прощения у Учителя, даже остался в Ялте еще на один день специально для того, чтобы побывать на концерте и увидеть выступление моей вчерашней возлюбленной.

Еще одна запомнившаяся мне связь случилась уже после того, как Учитель уехал на Дальний Восток.

В то время я, оставив научную и преподавательскую работу в сельхозинституте, устроился работать художником-макетчиком второго разряда. Это был достаточно решительный, хотя в некоторой степени и вынужденный шаг. Мама уже много лет болела раком, ей делали операцию за операцией, было невозможно обойтись без традиционных подарков врачам и медсестрам и дорогостоящих лекарств. К сожалению, зарплаты младшего научного сотрудника нам катастрофически не хватало. Последней каплей, переполнившей чашу моего терпения, оказалась продажа моим научным руководителем написанной мною диссертации одному из кавказских клиентов, заплатившему за нее более чем щедро. Готовить новую диссертацию, которая тоже, возможно, пойдет в фонд помощи кавказским народам и нечистому на руку профессору, мне не хотелось, и я подал заявление об уходе.

Так я стал художником-макетчиком и уже несколько лет более или менее успешно подвизался на этом поприще. Для начала я попал в так называемую "дикую бригаду", руководитель которой за свое сходство с классиком марксизма-ленинизма получил кличку Карл Маркс. Это был очаровательный человек, одаренный прекрасным организаторским талантом и щедрой душой.

Он неизменно заботился о членах бригады, терпеливо опекая еще не успевших приобрести профессиональные навыки новичков, одним из которых оказался я.

"Дикие бригады" занимались всем подряд – от изготовления скульптур и памятников до отделки внутренних помещений магазинов и лекционных залов.

Некоторое время спустя Карл Маркс устроил меня в ремонтно-строительное управление, в бригаду одного великолепного художника, исключительно веселого малого, обладавшего к тому же уникальной способностью целиком, по самое запястье засовывать в рот собственный кулак. Он с азартом проделывал на спор этот трюк, и, несмотря на то, что его рот в открытом состоянии производил неизгладимое впечатление, бригадир мог похвастаться вполне симпатичной внешностью.

Оказалось, что главный инженер организации, в которой я работал, в свое время был учеником Эльюнси Мухаммеда, о котором я уже упоминал в книге "Тайное учение даосских воинов". По этой причине им заинтересовалось КГБ, и, поскольку он был очень милым человеком, я оказал ему услугу, избавив от целого ряда неприятностей. В знак благодарности он начал выдвигать меня на должность одного из будущих руководителей нового, только создаваемого цеха по изготовлению товаров народного потребления.

Поскольку последние годы застоя проходили под лозунгом "Дать народу больше товаров хорошего качества", наше руководство поддержало почин, и меня вместе с Димой, племянником одного из руководителей предприятия, направили в Закарпатье, где мы должны были научиться плести из лозы и кукурузного листа те самые столь необходимые народу товары хорошего качества.

Мне нравилось путешествовать. Ли говорил мне, что, уезжая из привычных мест обитания, покидая родной очаг, человек заставляет свой организм по-новому воспринимать мир, и его ощущения обостряются, становясь более насыщенными и разнообразными.

Наше путешествие оказалось исключительно приятным. Для начала мы прибыли в Ужгород, где женщины местного облпотребсоюза встретили нас с распростертыми объятиями. Сытые и довольные, из ресторана мы отправились в гостиницу. Нам объяснили, что завтра нам предстоит отправиться в Хуст, и что нас будут передавать по цепочке.

На следующий день мы приехали в Хуст и встретились с одним из руководителей предприятия по плетению. Это был очаровательный болгарин, который тут же пригласил нас в ресторан «Окунь», раскинувшийся над живописной рекой, в еще не полностью отравленных водах которой водились ондатры, утки и форель.

Фирменным блюдом ресторана «Окунь» была форель. Мы с удивлением и восхищением на-

блюдали, как наш новый знакомый одну за другой ловко уничтожает покрытые золотистой корочкой рыбки, неустанно подзывая официанта и заказывая все новые и новые порции.

Я никогда не жаловался на плохой аппетит, но порции были поистине королевскими, и уже после третьей я понял, что неспособен к дальнейшим подвигам. Дима оказался еще слабее, и сошел с дистанции на второй порции.

Когда я с сожалением был вынужден признать, что уже не в силах съесть даже крошечный рыбий хвостик, мое внимание обратилось на болгарина, и только тут я оценил совершенство техники, с которой он уничтожал рыбок. Я не стал бы даже и пытаться повторить этот трюк, поскольку природа не наделила меня специальным инструментом в виде огромной, как у джинна из арабских сказок, нижней губы. Мне пришло на ум выражение из "Тысячи и одной ночи": "на одну губу лег, другой укрылся".

Болгарин аккуратно укладывал форель на свою нижнюю губу, делал ею неувлимое отточенное движение, сопровождающееся аппетитным причмокиванием – и аккуратно откладывал в сторону уже полностью очищенный от мяса рыбий скелет. Не прерывая этой захватывающей процедуры, он ухитрялся еще и говорить, хотя речь его при этом здорово напоминала выступления Гайдара по телевидению.

– Вы знаете, чмок, – говорил он, – а ведь это трудное дело, чмок, доставить вас в Вышково, чмок, потому что, чмок, это приграничная зона, чмок, и пропуск вы должны были, чмок, заказать минимум за полгода, чмок.

Чертыхаясь про себя по поводу нашего бестолкового начальства, ухитрившегося отправить нас в закрытую зону без необходимых документов, мы принялись умолять местного джинна совершить чудо и оставить нас в этом райском краю. Мы уже настроились на полтора месяца развлечений, и возвращаться в Крым к изрядно поднадоевшим занятиям нам не хотелось.

В те годы большинство советских граждан, претерпев необходимые для выживания психологические мутации за время сталинских репрессий, выработали инстинктивное шестое чувство, которое я про себя называл "нюх на стукачей".

При виде нашего неподдельного разочарования и искренних реакций, болгарин понял, что, если он пойдет ради нас на нарушение закона, мы не помчимся закладывать его в ближайшее отделение Комитета.

– Ладно, чмок, – сказал он. – Придется, чмок, провезти вас, чмок, через контрольный пункт, чмок, в багажнике моей машины, чмок.

Поскольку багажник оказался слишком маленьким для нас двоих, наш добрый джинн вынужден был сделать две ездки, но так или иначе, мы в конце концов очутились в Вышково – небольшом уютном поселке рядом с венгерской границей. Там нас должны были посвятить в тонкости плетения из кукурузного листа.

В поселке жило много венгров, и меня приятно удивили чистота и аккуратность крестьянских хозяйств, добротные, красивые и вылизанные до блеска, как снаружи, так и внутри, крестьянские дома и дворы.

По рекомендации болгарина мы сняли комнату в доме его знакомых, и хозяева приняли и накормили нас с такой теплотой и радушием, что мы почувствовали себя как дома.

На следующий день нам предстояло идти на работу. Приятным сюрпризом оказалось то, что Вышково предпочитало жить по венгерскому времени, поскольку антенны их телевизоров беспрепятственно ловили венгерские передачи, гораздо более интересные, чем бесконечные фильмы в стиле соцреализма, идущие по советским каналам.

Венгерское время отставало на два часа, так что на работу мы пришли не в девять, как должны были, а в одиннадцать. В первый же день, уже немного освоив изготовление из кукурузного листа сумочек на деревянных рамочках, мы приобрели множество новых друзей, поскольку я, пользуясь методами, показанными мне Учителем, ухитрился снять головную боль у одной из работниц цеха.

После этого наша жизнь превратилась в непрерывный праздник. Моя основная забота была вовремя появиться по очередному приглашению в гости. Мы перемещались из дома в дом, плотно закусывали под приятную беседу, а затем я лечил очередной недуг друзей, родственников и знакомых моих новых знакомых. Короче, мы попали в рай, и одной из очаровательных обительниц этого рая оказалась Эржика, великолепная женщина с цветущими формами и пылающими здоровым румянцем щеками, дочь людей, в доме которых мы квартировали.

Я познакомился с Эржикой на третий день пребывания в Вышково, когда она зашла в гости навестить своих стариков. Уже в момент знакомства между нами возникло мимолетное чувство обоюдного влечения. В тот же день она пригласила нас на шашлыки на знаменитую пограничную речку

Тису.

Приятный разговор за благоухающим луком, лимоном и костром мясом на острых шампурах, неторопливая прогулка по берегу реки быстро и как-то незаметно сблизили нас, и к вечеру мы с Димой оказались дома у Эржики, где она познакомила нас со своей подругой.

Прощаясь и уже собираясь идти домой, я, повинаясь внезапному внутреннему импульсу, провел рукой по внутренней стороне ее ноги, от лодыжки к колену. По телу девушки пробежала дрожь, и ровным, будничным голосом она сказала:

– Если хочешь, ты можешь остаться.

Дима растерялся, но, поскольку покинуть даму в подобной ситуации я не мог, ему, проводив подругу Эржики, пришлось отправиться домой одному.

Моя новая подруга сказала, что она разведена. От брака у нее остались двое детей, мальчик и девочка, но сейчас они спали, и ничто не могло помешать захлестнувшей нас страсти.

Меня очаровало ее слегка полноватое цветущее тело, исходящий от него волнующий и пряный запах. С первого дня в местных женщинах меня поразило обилие исключительно длинной растительности у них под мышками, вызывающее навязчивые ассоциации с животным царством, но у Эржики подмышки были гладко выбриты, и это добавляло ей дополнительное очарование.

Так начался мой полуторамесячный роман с этой чудесной добродушной венгеркой. Дни летели, незаметно сменяя друг друга. С Димой и ее подругой мы вместе ездили по всевозможным историческим местам, в Рахов, в курортные местечки, к целебным источникам Закарпатья. Мы ели в небольших уютных ресторанчиках, и в один прекрасный день нам с Димой даже удалось нелегально пересечь границу.

В тот день по случаю какого-то праздника граница была открыта для местных жителей. В Венгрии их ожидала ярмарка, национальные пляски и развлечения. Друзья облачили нас с Димой в национальные венгерские костюмы, а для большей конспирации всунули нам в руки бидоны не помню уж с чем, предназначавшимся для продажи на ярмарке.

Когда мы, принаряженные соответствующим образом, проходили мимо группы советских туристов, отдохавших в закрытом санатории Закарпатья, кто-то из них громко сказал:

– Смотрите, какие рослые и красивые венгры! Хотя я и не был венгром, мне понравился ход их мысли. Пусть мне так и не удалось реализовать детскую мечту о карьере разведчика, в этот день я чувствовал себя почти настоящим шпионом, ухитрившимся, хотя и ненадолго, ускользнуть за пределы нашего столь бдительно охраняемого государства. Границу мы пересекли беспрепятственно, и я впервые в жизни оказался на территории иностранного государства. Друзья ссудили мне немного венгерских денег, и я, сев на рейсовый автобус, уехал вглубь страны, с интересом рассматривая мелькающие за окном пейзажи.

Я успел вернуться к концу праздника и так же без приключений миновал пограничный пост и ступил на родную землю.

От природы одаренная чувственностью и ярким сексуальным темпераментом, Эржика приятно удивила меня искусством своей работы с интимными мышцами. Самое интересное, что эта простая венгерская девушка, выросшая в глубокой провинции, не имела не малейшего представления о техниках восточного секса и о даосских упражнениях по развитию интимных мышц. Она пришла к этому самостоятельно, интуитивно выполняя упражнения по сжатию влагалищем пальцев или других, вкладываемых в него предметов.

То, как влагалище Эржики охватывало мой член, казалось мне твердым, но сладостнымжатием влажной и теплой руки, которая, перебирая пальцами, массировала мой половой орган снизу вверх и сверху вниз. Это напоминало мне Лин, хотя, конечно, Эржика не достигла высот интимных техник, которыми в совершенстве владеют азиатские проститутки высокого класса и женщины, практикующие их в рамках восточных эзотерических учений.

Лин ухитрялась работать интимными мышцами даже будучи совершенно неподвижной и расслабленной, Эржике же было необходимо подкреплять сокращения влагалища ритмичными движениями тела, но тем не менее секс с ней был просто великолепен. Женщины, обладающие подобным даром, способны привязать к себе мужчину навсегда.

По своей физической конституции и характеру Эржика была типичной женщиной земли. В ней удивительным образом сочетались душевная щедрость, доброта и спокойствие. Она сама была подобна чистому убранному дому, домашнему очагу, в котором усталого путника всегда ждет накрытый стол и теплая постель.

К сожалению, жизнь с мужем, излишне склонным к выпивке, у нее не сложилась, и в течение довольно долгого времени Эржике приходилось бороться с трудно переносимым женщинами земли

одиноким.

В какой-то мере она удовлетворяла свои потребности в контактах с партнером, экспериментируя с интимными мышцами, и интуитивно почувствовала, насколько подобные упражнения, в том числе и с анальным отверстием, повышают ее жизненность и улучшают общее самочувствие,

Я уже упоминал в предыдущей книге, что упражнения с сексуальной энергией стимулирует деятельность желез внутренней секреции, активизируя и омолаживая организм. Часто люди, более близкие к природе и не изуродованные ханжеской моралью, интуитивно отыскивают правильные и целесообразные способы взаимодействия с собственной сексуальностью. Это могут быть и сексуальные фантазии, и определенные упражнения, и манипуляции с половыми органами. Положительный эффект подобных действий можно заметить по его уравнивающему воздействию на нервную систему, по увеличению энергетики организма, по живым, дающим ощущение волнения и радости сновидениям, не обязательно связанным с сексуальными переживаниями, по полетам во сне, по увеличению трудоспособности и раскрытию творческого потенциала и по многим другим признакам.

Однако я хотел бы предупредить тех, кто склонен к излишнему экспериментированию в этой области, что, к сожалению, у большинства современных людей естественная интуиция в отношении своего собственного организма не срабатывает, а неправильное выполнение упражнений или злоупотребление собственной сексуальностью могут вызвать столь же неприятные последствия, что и неумелое самолечение или употребление наркотиков.

Прощание с Эржикой было грустным и тяжелым для нас обоих. Вместе со своими детьми она приехала проводить меня в Хуст, откуда автобус должен был доставить нас с Димой в Ужгород.

Я смотрел из окна на ее наполненные тоской глаза до тех пор, пока автобус не набрал скорость. Мы оставляли позади навсегда потерянный закарпатский рай. В книге моей судьбы перевернулась еще одна страница...

Глава 8

Самые разные женщины привносят свой неповторимый аромат в жизнь мужчины, и, обычно, чем обширнее и разнонаправленнее круг его интересов, тем интереснее и своеобразнее оказываются женщины, встречающиеся на его пути.

Тамара была живым воплощением стихии воздуха. Она, несмотря на свой небольшой рост и хрупкое телосложение, очаровывала с первого взгляда, и хотя женщины подобного типа были не в моем вкусе, я тоже легко поддался ее обаянию. Честно говоря, я даже и не пытался сопротивляться.

Особенностью Тамары было то, что она получала особое сексуальное удовольствие от демонстрации окружающим своих отношений с мужчинами. Эта деталь ее характера была, сама по себе, излишне волнующей и пикантной, да и сама Тамара была уникальной, относясь к достаточно редко встречающемуся типу женщин, не признающих никаких моральных ограничений. Тамарина эксцентричность часто ставила меня в неловкое положение, но поскольку, следуя указаниям Учителя, я должен был на личном опыте изучать женские типы и характеры, Тамара оказалась поистине бесценным объектом исследования.

Трудно описать, что я испытывал, когда в переполненном до отказа кинотеатре ее маленькая юркая ручка расстегивала мне молнию на штанах и начинала ласкать меня самым недвусмысленным образом.

Если бы не мое молчаливое, но упорное сопротивление, она без малейших угрызений совести могла бы раздеть меня догола и заняться любовью прямо в кресле, толкая соседей локтями и коленями.

Наши регулярные совместные посещения кинотеатров оказались исключительно полезными для перестройки моего отношения к сексу, и я научился гораздо быстрее и эффективнее адаптироваться к нетривиальным ситуациям.

Я с интересом наблюдал, как приобретенные с детства установки о границе между пристойным и непристойным яростно сопротивлялись тамариным потугам, порождая в моем сознании острый конфликт, выражавшийся даже в психосоматических реакциях. На фоне борьбы с установками моя слабая плоть воспламенялась все сильнее и сильнее, и, когда непримиримое противоборство убеждений и желаний достигало пика, оргазмические ощущения от этого так и не доводимого до конца сексуального контакта окрашивались в какие-то совершенно уникальные оттенки, не встречавшиеся в отношениях с другими женщинами.

Однажды Тамара чуть не вынудила меня заняться любовью в кинотеатре, благо что он был полупустой, и мы сидели на заднем ряду, вдали от остальных зрителей.

К моему ужасу и стыду, войдя в раж, она стала выражать свои чувства столь громкими и выразительными стонами и криками, что растревоженные зрители, перестав смотреть на экран, все как один повернули головы в нашу сторону. Мне оставался только один выход.

Используя удушающий прием дзю-до, я передал своей страстной партнерше сонную артерию вместе с чересчур активными голосовыми связками, и она отключилась, уснув у меня в руках. Сгорая от стыда я за несколько минут до окончания фильма на руках вынес из зала все еще пребывающую в бессознательном состоянии Тамару, объяснив по пути любопытной контролерше, что у моей беременной подруги токсикоз, и ей очень плохо.

Помню, как однажды, когда мы занимались любовью на балконе ее квартиры, в комнату неожиданно вошел ее отец. Из положения, в котором я находился, я не мог его увидеть, но Тамара, прекрасно осведомленная о присутствии папочки, продолжила наши развлечения с новой силой, проводя всевозможные манипуляции с моими половыми органами и доведя нас обоих до крайней степени экстаза.

Отец Тамары был врачом, и, возможно, в силу своей профессии, он более чем кто-либо другой был способен мириться со странными пристрастиями своей дочери.

Хотя я понимал, что столь откровенная жажда демонстрации себя, своего обнаженного тела, своих сексуальных желаний близка к патологии, это меня не волновало. Во всем остальном Тамара проявляла себя вполне нормальной, и ее чересчур вызывающее поведение лишь прибавляло ей дополнительный шарм, хотя я понимал, что более или менее нормального мужчину, не прошедшего, как я, школу даосской любви, ее навязчивые и напористые до непристойности приставания могли бы оттолкнуть, внушив даже чувство близкое к отвращению.

Другим тамариным пунктиком было заниматься любовью в машине, естественно, в присутствии водителя и других пассажиров.

Я спокойно относился к тому, что она приставала ко мне в машине моего товарища, Гоги Мesiашвили, того самого, о котором я упоминал в книге "Обучение у воды". В то время в душе Гоги еще не проснулась жажда мессии, и он, сам не страдая от недостатка любвеобильности, возможно в силу горячей грузинской крови, с пониманием относился к нашим манипуляциям на заднем сиденье, получая от этого искреннее удовольствие.

Когда за рулем сидели мои менее раскованные в сексуальном плане друзья, мне приходилось прилагать немало усилий, чтобы руки Тамары не шарили в неподобающих для этого местах.

Одна из совместных поездок с Гогой за рулем и очередной его подружкой на переднем сиденье неожиданно послужила толчком к новой трансформации сексуальных пристрастий моей подружки.

Мы ехали из Симферополя в Алушту. Безоблачное летнее небо внезапно и неожиданно затянули тяжелые серые тучи, и разразился ливень, перешедший в нудный и продолжительный дождь.

Я увидел, как грузовик начал обгонять едущий впереди троллейбус, и вдруг из-за грузовика, как чертик из бутылки, выскочил старенький «ушастый» запорожец и понесся прямо на нас, лоб в лоб.

Гога вывернул руль, чудом избежав лобового столкновения, и удар пришелся слева и сзади. Я схватил Тамару за волосы, толкнув ее на пол между сиденьями и рухнул на нее. Мое сознание зафиксировало, как Гога, отчаянно ругаясь, изо всех сил выворачивает руль, чуть ли не выгибая его от напряжения. Как оказалось впоследствии, пытаясь совладать с машиной, он действительно изогнул рулевую колонку.

Последовал второй удар, но, ожидая его, Гога и его подруга успели наклониться друг к другу, и тоже, фактически, легли на сиденья.

Удар был настолько силен, что я на какие-то мгновения отключился, а, придя в себя, первым делом обратил внимание на чрезвычайно сильный и устойчивый запах экскрементов.

– Это что, кто-то из нас? – отстраненно подумал я, но тут мой нюх, натренированный за годы учебы в институте на сельскохозяйственных практиках, сообщил мне, что запах не слишком напоминает человеческий.

Крыша целиком опустилась вниз, придавив нас к полу, и по узким полоскам света, пробивавшимся сверху было невозможно сориентироваться в окружающей обстановке.

К счастью, покореженные дверцы удалось довольно легко открыть, и мы, извиваясь, как перекормленные ужи, выползли на свет божий.

К моему удивлению, ветровое стекло при ударе вылетело наружу и теперь лежало на асфальте, целое и невредимое. Из нас тоже никто не пострадал.

Машина, влетевшая под задние колеса грузовика, напоминала бесформенную железную лепешку. Задний борт кузова при ударе открылся, и на многострадальную гогину машину неторопливо сте-

кали буро-зеленые потоки предназначенного для родных полей навоза.

С тех пор к блестящему набору сексуальных наклонностей Тамары добавилась еще и жажда опасности. Теперь она желала отдаваться мне исключительно в автомобиле, мчащемся на предельной скорости и желательно по извилистой горной дороге. Ощущение опасности, чувство того, что смерть близка и реальна, и может настигнуть ее в любой момент, будоражило чувства Тамары, вызывая необычайно острые сексуальные переживания. Я мысленно поздравил себя с тем, что обрушившиеся на нашу машину навозные горы не привили ей вкуса к любимому хобби Гитлера, обмазыванию экскрементами и поеданию их. К счастью, достаточно развитое эстетическое чувство предохранило Галю от копрофилии².

Подобная тяга к опасности, замешанная на неправильном функционировании сексуальной энергии, тесно связана с жаждой ощущений. В том случае, когда человек с подобными наклонностями имеет возможность регулярно снимать напряжение, разряжаясь в сексуальных контактах, или каких-либо специфических видах деятельности, связанных с риском и повышенной физической активностью, его потребность в ощущениях периодически удовлетворяется, и жажда ощущений, стабилизируясь, остается на одном уровне, или, по мере растрачивания энергетических ресурсов организма, постепенно угасает, но не захватывает человека целиком.

Человек с чересчур активной сексуальной сферой, подкрепленной тягой к опасности, лишенный регулярной сексуальной разрядки, не способен полноценно удовлетворить свою потребность в ощущениях, и жажда ощущений начинает нарастать, подчиняя себе все остальные потребности. Неуклонно увеличивающаяся жажда ощущений требует удовлетворения, и для того, чтобы жаждущему получить необходимый приток острых оргазмических ощущений, ему, как наркоману, каждый раз приходится увеличивать дозу опасности. Поскольку события обыденной жизни не могут даже отдаленно сравниться с ощущениями, испытанными им при своих рискованных экспериментах, подобные люди в некоторых случаях способны потерять вкус к жизни и к нормальным человеческим взаимоотношениям, а, иногда, даже и саму жизнь.

В качестве иллюстрации того, к чему может привести жажда ощущений, мне хотелось бы рассказать историю человека, которого я лично не знал, но о котором мне известно достаточно много из рассказов близко знакомых с ним людей.

В жилах Игоря Вана текла редкая смесь китайской, украинской и русской крови. Его отец, полковник КГБ, был чистокровным китайцем. Когда-то он был разведчиком, и долгое время проработал в Китае. Не знаю, правда ли это, но говорят, что, будучи заброшенным в Китай и собирая ценные для Советского Союза сведения, он устроился помощником гадалщика. В обязанности отца Игоря входило подслушивать и запоминать, о чем разговаривают люди в приемной, ожидая своей очереди попасть к знаменитому предсказателю судеб, а потом, перед приходом очередного клиента, передавать гадалщику собранные о нем сведения. Подслушивая заодно и беседы клиентов с самим гадалщиком, наш разведчик узнавал много интересной информации, пригодной для вербовки агентов и других целей.

Его характер вполне соответствовал выбранной им профессии, и отец Игоря был исключительно волевым, умным и целеустремленным человеком.

Игорь был ребенком от второго брака своего отца с мягкой и добросердечной украинкой, посвятившей всю жизнь заботам о муже и сыне. Двое детей от первого брака тоже жили вместе с отцом, и несмотря на родство, они были полной противоположностью Игоря.

Видимо, они пошли в мать, и, унаследовав от нее высокий рост, к сожалению, не могли похвастаться глубоким интеллектом бывшего разведчика. Кажется, они так и не получили высшего образования, и занимались то ли ремонтом машин, то ли чем-то, подобным этому.

Смуглый, низкорослый и черноглазый Игорь с детства отличался талантами во многих областях и обладал блестящим интеллектом. Обрадованный отец прочил ему блестящее будущее, внушая, что сын непременно должен стать академиком. Игорь пытался его не разочаровать.

Блестяще закончив психологический факультет МГУ, он успел попробовать себя в

² Манипуляции с калом

самых разных областях: он играл на пианино и на гитаре, пел, рисовал, писал стихи и рассказы, изучал боевые искусства, интересовался эзотерическими науками и ставил эксперименты в области парапсихологии. Обладая ярким неординарным умом и несомненными задатками лидера, он неформально возглавил группу психологов-единомышленников, которые разделяли его интерес в области психотехник и эзотерических наук.

С типично китайским трудолюбием и упорством Игорь неизменно добивался успеха в поставленных перед собой задачах, но эти успехи, дававшиеся ему слишком легко, не приносили удовлетворения.

С детства запрограммированный отцом на достижение небывалых высот как в социальной, так и в научной сфере, Игорь, несмотря на то, что его успехам и жизни могло бы позавидовать подавляющее большинство советского населения, страдал от того, что ему никак не удавалось взобраться на четко не очерченный, но настойчиво напоминающий о себе из глубин подсознания высокий пьедестал, который должен был отделить его от унылого быта и нужд обычных людей.

Жажда доминирования и стремление к первенству во всем сделали его личность и модель мира жесткими и не признающими компромиссов, но жесткость, как известно, далеко не всегда способствует выживанию. Мне вспоминается притча на эту тему, которую однажды рассказал мне Учитель, когда мы очередной раз говорили о моделях мира. Она называлась: "Не твердый, не мягкий".

Случилось так, что старейшина клана "Ветви дерева" решил послать в дальнюю дорогу одного из своих воинов с ответственным поручением.

Позвал он к себе трех самых доверенных учеников и вместе с ними отправился на поклон к Священной Птице – Хранительнице Черного Камня, чтобы та помогла ему сделать окончательный выбор.

Выполнив положенный ритуал приветствия, старейшина обратился к Птице со следующей речью;

– О, Хранительница Черного Камня, твоя мудрость поистине безгранична, и ты умеешь постигать суть вещей, людей и явлений. Перед тобой стоят три воина, и одному из них предстоит дальняя и опасная дорога. Скажи, кто из них сможет лучше преодолеть трудности, которые, возможно, встретятся на его пути?

Внимательно посмотрела на воинов Каменная Птица и сказала:

– Один из них слишком твердый, и его легко сломать, другой – слишком мягкий, и его легко согнуть. Зато третий может быть и мягким и твердым, а поэтому всегда настоит на своем.

– Спасибо за совет, Хранительница Черного Камня, – сказал старейшина. – Твой выбор совпал с моим, и я со спокойной душой отправляю лучшего в дальнюю дорогу.

Недаром мудрые говорили:

– Не ошибается тот, кто, избегая крайностей, всегда выбирает срединный путь...

– Модель мира человека можно сравнить с лезвием меча, – сказал Ли, комментируя притчу. – Слишком крепкая, но негибкая сталь сломается при ударе, гибкий, но непрочный металл искорежится, не причинив существенного вреда. Секреты изготовления хорошей стали хранились в глубочайшей тайне, и лучшие мечи закаляли особым образом, так, чтобы в них чередовались слои жесткости и гибкости, даруя лезвию оба эти качества.

Подумай, если для того, чтобы создать хороший клинок, потребовались столетия экспериментов, и если лишь единицы из живущих на земле людей владеют этим секретом, то как же трудно создать совершенную модель мира человека, ведь компонентов, составляющих ее, несоизмеримо больше, чем у хорошей стали.

Чтобы проникнуть в тайну создания совершенной модели, достаточно жесткой, чтобы противостоять разрушительным влияниям окружающего мира, и в то же время достаточно гибкой, чтобы без ущерба для себя адаптироваться к изменениям в этом мире. Спокойным потребовались тысячелетия, и далеко не все члены клана овладели этим искусством.

Лишь человек, чья модель мира совершенна, и знающий, каким образом ее сделали совершенной, способен формировать правильные модели мира у других людей. Этот процесс долг и сложен, и лучше всего начинать его с детства. Именно поэтому дети клана вскоре после рождения покидали

своих родителей, и, вырастая, переходили из «руки» в «руку». Периоды нахождения в каждой из «рук» можно сравнить с многократными закалками и с чередующимися слоями лезвия меча, отличающимися своими качествами. В одних «руках» ребенок учился жесткости и силе, следуя по пути воина, в других он открывал для себя бездонные глубины человеческой любви, нежности и ласки, в третьих он обретал мудрость и спокойствие, в четвертых шлифовал свои деловые качества...

Люди с ущербными моделями мира вводят в мир ущербных детей. Именно поэтому я не рекомендовал тебе иметь детей с женщиной, сформировавшейся вне клана, а если такие дети у тебя и будут, то не вмешиваться в их жизнь и не стремиться воспитывать их.

Модель мира, навязываемая им матерью, неминуемо начнет вступать в конфликт с теми компонентами, которые станешь привносить в нее ты, и с этим ничего нельзя будет поделать. Обладая пониманием того, что происходит, ты начнешь испытывать печаль, глядя на то, каким становится твой ребенок. На самом деле этот ребенок никогда не станет твоим, потому что для Спокойных родство – это не кровь, текущая в жилах, это не твой сперматозоид, соединившийся с чьей-то яйцеклеткой, а общность мировоззрения, близость умов и родство душ.

Модель мира Игоря Вана обладала редкостной жесткостью, явившись отражением столь же жесткой и целеустремленной личности его отца. Но, к сожалению, ситуация, в которой оказался сын, оказалась гораздо менее благоприятной для подобной структуры личности.

Качества, необходимые разведчику, начавшему карьеру в суровые и опасные времена Вождя Всех Времен и Народов, и оказавшиеся поистине неоценимыми сначала во время работы на чужой территории, а затем в отнюдь не простой борьбе за место под солнцем в аппарате Комитета были именно теми, которых требовал подобный образ жизни. Модель мира отца Игоря полностью соответствовала окружению, в котором он жил, и которое не менялось настолько, чтобы потребовалась радикальная адаптация к его изменениям.

В случае с сыном все сложилось иначе. Аморфная вязкость застойного периода не давала Игорю возможности в полной мере применить свои таланты в той области, которая его действительно интересовала – в исследовании возможностей человеческой психики, в развитии психотехник, которые для чуткого носа советской системы чересчур пахивали враждебной идеологией и столь чуждыми духу социализма эзотерическими учениями.

Тем не менее, Игорь защитил диссертацию, и даже ухитрился опубликовать книгу о психотехнических упражнениях, рекомендуемых для подготовки спортсменов.

Игорь уже понимал, что его далеко идущим планам и мечтам о создании Института психотехники, который он сам бы и возглавил, не суждено было сбыться. Цель, так долго сиявшая перед ним, исчезла.

Что ему оставалось? Ходить на однообразную и скучную работу, не дающую особенного простора его уму, талантам и амбициям? Всю жизнь существовать на одну, хоть и не совсем нищенскую зарплату научного сотрудника или психолога, позволяющую удовлетворить лишь минимальные потребности? Медленно стареть за написанием докторской диссертации, тема которой, скорее всего, ему будет неинтересной, поскольку исследование того, что его действительно волнует, в советской науке не поощряется?

Цель была недостижима. Потеряв цель, Игорь ошибочно решил, что потерял смысл жизни, или, возможно, жизнь его никогда не имела смысла.

В поисках смысла жизни он обратился к эзотерическим учениям. Не помню, то ли на одном из последних курсов института, то ли сразу по его окончании, он услышал об одном из специалистов по восточным эзотерическим учениям, и решил с ним поговорить. Так он встретился с Антоном Шалашиным, о котором я уже упоминал на страницах книги "Обучение у воды".

Шалашин, в то время наслаждавшимся семейным адом с женой, которая питала к восточным учениям неодолимое отвращение, обрадовался возможности поделиться своими соображениями по поводу самосовершенствования с очередным искателем смысла жизни, и беседы с ним придали существованию Игоря новую цель.

Антон вдохновенно описал своему молодому другу неограниченные возможности, открывающиеся перед ним после подъема кундалини, пробуждающего целый букет сверхспособностей, в том числе и ясновидение, которое можно использовать в самых

разнообразных целях, например, для игры в спортлото. Шалашин рассказал о прелестях самокультивации с целью выделения астрального тела, тоже дающего целый ряд выгод, вроде безвизовых путешествий за границу, что в условиях социалистического лагеря звучало очень заманчиво. Антон не забыл упомянуть и о развитии третьего глаза с целью получения из акаши-хроники любой необходимой информации о прошлом и будущем, и о многих других заманчивых перспективах.

Идея самокультивации и приобретения сверхспособностей необычайно увлекла Игоря, и, в отличие от Шалашина, не склонного к излишнему экспериментированию и удовлетворяющего свою жажду самоутверждения в основном в беседах с очередным искателем Истины, он приступил к тренировкам и медитациям с истинно китайским трудолюбием и упорством.

Естественно, что при его врожденных способностях, Игорь легко и быстро научился входить в глубокие фазы измененных состояний сознания. К счастью, его ум был достаточно здоровым и острым, чтобы отличить видения и галлюцинации, возникающие в измененных состояниях сознания, от реальности, и он избежал искушения принимать слышащиеся ему в медитациях голоса за глас богов или духов, и не воображал, что посещающие его видения были сценами из прошлых жизней или акаши-хроники.

Тем временем Шалашин, используя свои познания в химии, обнаружил среди продающихся в аптеках медикаментов некоторые вещества, по своему строению близкие к действующему началу дурмана, галлюциногенное воздействие которого было так красочно описано Карлосом Кастанедой.

Опробовав их на себе, Шалашин заметил, что его восприятие мира на некоторое время действительно изменялось, и порекомендовал их Игорю, как средство, позволяющее видеть ауру и эфирные тела людей, живой и неживой природы.

Использование психоделических средств помогло Игорю еще глубже погрузиться в пучину измененных состояний сознания, и, хотя он продолжал сохранять здравую трезвость серьезного исследователя, пытающегося обнаружить реальные проявления сверхспособностей при подобных экспериментах, он угодил в другую ловушку: его психика привыкла питаться исключительно яркими, мощными и насыщенными переживаниями, возникавшими в медитациях и при приеме психотропных препаратов.

Будничная социалистическая жизнь не шла ни в какое сравнение с ошеломляющими чувствами, захватывающими его в измененных состояниях сознания. Так неудовлетворенная жажда доминирования и стремления к первенству трансформировалась в жажду ощущений, и, поскольку жажда ощущений всегда связана с проявлениями сексуальной энергии, хорошие и регулярные сексуальные контакты с любимой женщиной могли бы оказаться той самой необходимой разрядкой, которая, сняв психосексуальное напряжение, перевела бы жажду ощущений в естественную потребность в ощущениях, гармонично адаптировав модель мира Игоря к реальной жизни.

Но, как это часто бывает с чересчур ориентированными на интеллектуальное развитие и достижение каких-то практических целей людьми, Игорь в вопросе взаимоотношений с женщинами, несмотря на свою подготовку психолога, был так далек от реальности, что не знающим его с этой стороны людям, было бы трудно в это поверить.

Единственной женщиной, с которой он был по-настоящему близок, была его мать, любившая его со всей безоглядностью. Постоянно подвергаясь в детстве агрессивным нападениям старших братьев, с которыми он никогда не мог соперничать из-за маленького роста и недостатка физических сил, вынужденный соответствовать жестким и неизменно завышенным требованиям сурового и сдержанного отца, лишь в объятиях матери Игорь находил столь необходимую ребенку ласку и поддержку.

Образ любящей, понимающей и поддерживающей его женщины прочно впечатался в жесткую модель мира Игоря вместе с никогда не подвергавшимися критике установками, что его первой женщиной станет та, которую он захочет видеть своей женой.

Маленький рост Игоря, несмотря на его привлекательную внешность, не способствовал успеху у девочек, и, упорно занимаясь учебой, музыкой и чтением книг, он так и не научился понимать представительниц противоположного пола, адекватно их оценивать и правильно с ними обращаться. Отчаянно комплексуя по поводу своего роста, Игорь считал его чуть ли не главной причиной всех своих проблем, завидуя высоким и крепким братьям.

Женился он лет в двадцать пять, на женщине на десять лет его старше и на голову выше. Она была психиатром и тоже интересовалась психотехниками и эзотерическими учениями. Его женитьба полностью соответствовала его модели мира, и жена стала первой женщиной, с которой он вступил в сексуальную связь,

Достаточно быстро его семейная жизнь пришла к полному краху. Реальность настолько отличалась от картин супружества, представленных в его модели мира, что эта его первая, но жестокая и непонятная неудача в достижении цели нанесла ощутимый удар, надломивший жесткое здание его модели мира. Цель построения счастливой семьи больше не могла придавать осмысленность его бытию. Экспериментирование с измененными состояниями сознания тоже не давало обнадеживающих результатов. Хотя он достигал все более и более глубоких уровней транса, сверхспособности так и не проявлялись, и цель самокультивации тоже стала отходить на задний план, снова оставляя его без жизненных ориентиров.

Последним звеном, привязывающим его к жизни, оставались ощущения. Он попытался завязывать отношения с другими женщинами, но, поскольку он не обладал даосской способностью наслаждаться общением с ними, все его попытки оказались сплошной чередой разочарований, в которой Игорь, забыв свою психологическую подготовку, винил не свой подход к вопросу отношений с женщинами, а исключительно свой маленький рост.

Определенную отдушину ему предоставляли размышления над философскими концепциями, характерными для оккультных наук, в частности его стала неодолимо притягивать идея смерти.

Известно, что одним из оккультных постулатов является необходимость "умереть, чтобы вновь родиться". В нем подразумевается уничтожение старой личности для возникновения на ее месте новой, или, если перевести это на язык Шоу-Дао, – коренная перестройка модели мира.

Игорь это прекрасно понимал, но интеллектуальные рассуждения не могли удовлетворять его жажды ощущений, и ощущение опасности, ощущение неотвратимо надвигающейся смерти стало для него новым наркотиком.

Будучи физически сильным и ловким, он неоднократно и намеренно рисковал жизнью, чувствуя, как в момент спасения от опасности его окатывала невыразимая волна оргазмических ощущений. Ему нравилось уезжать одному в горы и там лазить по крутым скалам без страховки, и, когда, повисая на руках, он чудом избегал падения в пропасть, его внутреннее напряжение на некоторое время спадало, чтобы затем с новой силой потребовать острых ощущений, подтверждающих осмысленность его борьбы за жизнь, осмысленность его существования.

Со временем даже мысль о смерти перестала его пугать, и Игорь мечтал подойти к смерти настолько близко, чтобы ощутить ее до конца и понять, наконец, что же это такое.

Смерть его матери от рака крови порвала последнюю нить, привязывающую его к жизни.

Приблизительно месяц спустя он погиб, бросившись под колеса поезда. Из того, что стало известно об обстоятельствах этой трагедии, трудно было заключить, являлся ли его трагический конец самоубийством, или это была лишь очередная попытка понять, что же такое смерть, сунув голову под колеса замедлившего ход состава и попытавшись вытянуть ее в самую последнюю секунду.

Самое печальное для меня в этой истории то, что сам Игорь был блестящим психологом, а его жена – квалифицированным психиатром, и оба они, прекрасно отдавая себе отчет в том, что происходит, не сумели, не захотели или не смогли предотвратить надвигающуюся трагедию. Возможно жена, отчасти подсознательно, сама провоцировала его на этот шаг, отчаянно не желая развода, и предпочтя такой исход. Это уже не важно. Обидно то, что молодой талантливый психолог погиб в возрасте двадцати девяти лет из-за непонимания того, что происходит с ним самим, из-за незнания самых простых и элементарных вещей, которые даос впитывает буквально с молоком матери.

Пожалуй, слово «незнание» тут не подходит. В данном случае проблема возникла не столько из-за незнания, – в силу своей профессиональной подготовки Игорь был просто обязан их знать, – а, скорее, из-за неумения использовать полученные знания, превратить их из абстрактных правил и схем в осознание, в позитивное жизнеутверждающее начало, то есть перевести их с интеллектуаль-

ного уровня на эмоциональный, инстинктивный и даже физический.

Мне бы хотелось, чтобы люди с жесткими моделями мира, в том числе и по отношению к вопросу взаимоотношений мужчины и женщины, задумались о том, не стоит ли затратить немного усилий и сделать свою личность более гибкой. научиться основам основ – любви к жизни, к миру который тебя окружает, к женщинам или мужчинам, ко всему тому, что и составляет саму суть, смысл и радость бытия...

Любовь и способность радоваться жизни – основа мироощущения даоса – это и есть тот самый спасательный круг, который помогает человеку выжить, когда жизненные штормы в щепки разбивают его корабль и угрожают поглотить его самого. Это поддерживающий его стержень, который не могут сломать ни тяжелые разочарования, ни жестокие удары судьбы.

Глава 9

Женщины, принадлежащие к каждой из стихий, в свою очередь подразделялись на подгруппы, характеризующие уже не столько их физический тип, сколько структуру личности и стереотипы поведения.

Так, описанная в седьмой главе мулатка, несомненно являющаяся ярчайшей представительницей стихии огня, относилась к типу "Язык пламени, взметнувшийся вверх". Другое название этого типа – "Вздох дракона". Страсть танцовщицы была бурной, разгоревшейся в один миг, как языки пламени, раздуваемого ветром над иссушенной зноем степью, и так же быстро угасшей.

С женщиной "ровного огня" я встретился уже после расставания с Учителем, в период работы в ремонтно-строительном управлении. Мы познакомились на работе, и смуглая, высокая, тщательно накрашенная и одетая Лина лишь скользнула безразличным взглядом по моей далеко не роскошной рабочей куртке и залатанным брюкам, тут же отвернувшись к кому-то другому.

Мир тесен, особенно в небольшом провинциальном городке, и вскоре мы столкнулись буквально нос к носу около цирка. Ситуация была такой, что разойтись, не обменявшись несколькими вежливыми фразами было просто неловко. Из разговоров с коллегами по работе я успел узнать, что забота о собственном теле стояла у Лины на первом месте, и, окинув ее одобрительным взглядом, я лишний раз убедился, что каждодневные упражнения с гантелями действительно произвели великолепный результат. От этой женщины лет тридцати буквально веяло уверенностью в себе и неприкрытой звериной сексуальностью.

Мы разговорились, и я почувствовал, как в ней просыпается интерес ко мне, не как к собеседнику, а именно как к мужчине. На Лине был свитер крупной и редкой вязки, и через дырочки в нем проглядывало голое тело.

Я, продолжая разговор, поднес руку к ее талии, и, просунув два пальца в дырки свитера, прикоснулся ими к ее спине. Лина вздрогнула и с полувздохом-полустоном подалась ко мне. Почувствовав, как по ее телу прокатилась судорога, я поразился удивительной чувственности этой женщины.

Ровный устойчивый огонь, не угасавший в течение долгого времени, до нашего вынужденного расставания, зажегся в ней в этот самый момент. В тот же день мы стали любовниками. Хотя говорят, что через какое-то время жар страсти угасает, и сексуальные контакты становятся менее насыщены переживаниями, и в подавляющем большинстве случаев так оно и бывает, Лина оказалась исключением.

Пламя ее страсти разгоралась все сильнее и сильнее. Стихия ровного огня проявилась у нее не только в сексе, но и в обыденной жизни. Ее убеждения были четкими, прямыми и непоколебимыми. В этом она отдаленно напоминала мою маму, тоже относящуюся к типу ровного огня, хотя, конечно, принадлежа к другому поколению, она имела несколько отличный и гораздо менее радикальный набор убеждений и установок. Сходство же заключалось в том, что Лина, однажды внеся в свою модель мира набор всевозможных правил, касающихся норм поведения, того, каким должен быть мужчина и что такое долг и справедливость, восприняла бы как личное оскорбление любую попытку поставить под сомнение хотя бы один пункт из этого свода законов и определений.

В отношении любви ее убеждением было то, что любовь между мужчиной и женщиной должна возрастать с каждым днем, но, будучи женщиной тела, она считала, что эта неугасимая страсть должна проявляться в первую очередь в безудержном, постоянно нарастающем своей интенсивности сексе.

Неистовая в постели, она иногда даже теряла сознание от переполнявших ее ощущений. В порыве страсти она кусала простыни и подушки, впивалась в деревянную спинку кровати своими крепкими белыми зубами, оставляя на ней глубокие вмятины, и мое тело после каждой встречи было по-

крыто огромными темно-фиолетовыми синяками. Оставляя на мне отметины, Лина словно помечала меня, как свою собственность. Инстинкты собственности проявлялись у нее и в присутствии других женщин, выражаясь в жестах, когда она покровительственно трепала меня по щеке, в интимно-ласкательных именах, которыми она демонстративно называла меня при посторонних, так что у желающих покуситься на ее мужчину дам не должно было оставаться ни малейших сомнений в том, что территория уже занята, и вторгнуться на нее без боя не удастся.

Убеждения Лины в отношении ведения хозяйства также были безупречны. Она прекрасно готовила и ухитрялась без особого напряжения совмещать работу и заботы о доме.

Будучи на несколько лет старше меня, Лина пребывала в убеждении, что она понимает в жизни гораздо больше, и твердо знала, что мне нужно – хорошая стабильная работа, дающая приличный заработок, ежедневный умопомрачительный секс, с каждым днем становящийся все более упоительным, и надежный семейный очаг, естественно, украшенный энным количеством детей.

Мой интерес к рукопашному бою, тренировкам и восточным учениям Лина считала не более, чем детскими увлечениями еще не научившегося ориентироваться в жизни мальчика, и она была твердо намерена сделать из меня настоящего зрелого мужчину.

Но, несмотря на жесткость и специфичность своего мировоззрения, Лина была удивительно цельной личностью и обладала редким даром любви и, главное, уникальной для современного человека способностью поддерживать в себе эту любовь, не давая ей сойти на нет и угаснуть под грузом ссор и мелких житейских проблем.

С "переменчивым ветром" – одной из разновидностей женщины воздуха я познакомился в Латвии.

Меня, вместе с командой дзюдоистов, отправили на международный турнир в Елгаве, небольшом городке под Ригой. Все складывалось отлично, наша команда заняла первое место, и я тоже стал первым в своей весовой категории, получив золотую медаль.

Отчасти победе способствовало то, что наш тренер, Игорь Васильевич Бощенко, незадолго до соревнований узнал о введении нового правила – разрешения осуществлять удушение предплечьем на области горла.

Большинство моих товарищей выиграло именно благодаря этому удушению, я же в решающей схватке, применил технику, показанную мне Учителем, и ушел от броска с упором стопы в живот, сбив предплечьем ногу противника. Затем я упал на него, осуществляя удержание.

Сразу после соревнований все ребята сели на самолет и отправились домой в Симферополь, а я решил задержаться в

Риге на пару недель, чтобы как следует познакомиться с Прибалтикой.

Проводив друзей и погуляв по вечернему городу, я поздно ночью вернулся в свою комнату в общежитии сельскохозяйственной академии.

Дверь оказалась незаперта, и, приоткрывая ее, я услышал мелодичный голос, с очаровательным протяжным акцентом сказавший:

– Не пугайтесь и не включайте свет.

Приоткрыв дверь пошире, чтобы в комнату падал свет из коридора, я разглядел на кровати изящную молодую девушку.

Приученный Учителем и некоторыми обстоятельствами своей жизни к повышенной осторожности в не совсем ясных ситуациях, я внимательно обвел взглядом комнату, готовый в случае опасности в любой момент выскочить за дверь.

Я вспомнил, как однажды Ли то ли в шутку, то ли всерьез, выразился по поводу подобных ситуаций:

– Запомни один из принципов воинского искусства: если тебя не убили сразу, значит это кому-то нужно.

Поскольку сразу меня не убили, можно было зайти и осмотреться. Я вошел в комнату, закрыл за собой дверь и, по контрасту с ярким освещением коридора, мне показалось, что в комнате царит кромешный мрак. Глаза привыкали к нему, начиная различать контуры кровати на фоне окна.

– Садитесь рядом со мной, – нежной музыкой прозвучал в моих ушах голос незнакомки.

– Спасибо, я постою, – внезапно охрипшим голосом сказал я.

В то время я уже начал обучение у Лин, но тогда еще моя возлюбленная не давала мне задания встречаться с другими женщинами, и я, по уши влюбленный, в силу своих убеждений предпочитал хранить ей верность.

– Какой вы, однако, стеснительный, – игриво протянула девушка.

Поднявшись с кровати, она подошла ко мне, и, прижавшись всем телом, начала обласкивать

меня руками с головы до ног.

Адаптировавшись к темноте, я уже различал черты ее лица, и убедился, что ночная гостья действительно была очень красивой.

Воспоминания о Лин помогли мне сохранить спокойствие и удержаться от активных встречных действий, и, постаравшись отрешиться от происходящего, я решил понаблюдать за развитием событий.

Ласки настойчивой красавицы заходили все дальше и дальше, ставя меня во все более двусмысленное положение. С одной стороны моя плоть откликалась на них чересчур бурно, а, с другой стороны, меня не оставляло чувство настороженности по отношению к ней.

Я вспомнил, как Учитель говорил мне, что иногда предпочтительнее удержаться от выполнения самого страстного желания, ожидая, пока ситуация не прояснится и не станет ясно, что за его исполнение не придется расплачиваться слишком дорогой ценой.

Возможно, в моей памяти были еще слишком живы слежка за мной и столкновения с бандитами, некоторые из которых были описаны в книге "Тайное учение даосских воинов". Я был внутренне готов к тому, что в любой момент из шкафа, двери или окна на меня может быть совершено нападение, хотя никаких рациональных причин для подобного беспокойства у меня не было.

– Какой ты хороший, красивый, сильный, – между тем продолжала ворковать незнакомка. – Ты самый лучший. Я видела, как ты боролся.

– Вряд ли это так, – подумал я.

Обучение у Ли отточило мою наблюдательность. Если бы такая красивая девушка находилась в зале во время выступлений, я бы наверняка обратил на нее внимание.

– Интересно, зачем она лжет? – подумал я.

– Почему ты не отвечаешь на мои ласки? – обиженно поинтересовалась гостья.

Ситуация почему-то напоминала мне пошловатенький анекдот, в котором парень, встретив на берегу красивую девушку, говорит ей:

– Привет! Как дела?

– Разве мы с вами знакомы? – с оскорбленным видом спрашивает красотка.

– Но мы же провели вместе эту ночь! – недоумевает парень.

– С каких это пор половые сношения стали поводом для знакомства? – возмущается девушка.

Решив, что пора, наконец, что-то предпринять, я взял ее за руки и усадил на кровать.

– Мне нравится то, что ты делаешь, – дипломатично сказал я. – Ты мне тоже нравишься, и я уже почти созрел для того, чтобы разделить с тобой не только постель, но и тяготы совместной жизни. Есть лишь одна загвоздка. Меня не очень-то привлекает идея заниматься любовью с совершенно незнакомым мне человеком.

Девушка внимательно выслушала меня.

– А мне казалось, мы уже познакомились, – сообщила она, вставая с кровати, и с жаром принялась покрывать поцелуями мое лицо, губы и шею.

Я не стал вырываться, тем более, что у нее это здорово получалось, но все же решил воспротивиться искушению.

– Давай встретимся завтра, – предложил я. – Я собираюсь пробыть в Риге еще пару недель. Сегодня я не готов к тому, что ты хочешь.

Маленькая проворная ручка скользнула к моим гениталиям, убедив свою хозяйку, что причина моего отказа крылась отнюдь не в импотенции.

– Что же тебе мешает? – удивленно спросила она, продолжая через ткань брюк ласкать мой член. и без того готовый лопнуть от возбуждения.

Впившись мне в губы долгим влажным поцелуем, она раздвинула их, и ее вкусный трепетный язык быстро оббежал внутреннюю сторону моих губ. десны и зубы, а затем проник в рот так глубоко, как только возможно.

Отрешенно наблюдая за бурным спектром реакций, которые в ответ на ее ухищрения выдавало мое тело, я, дождавшись конца поцелуя, ненадолго прижался щекой к гладкой упругой коже ее лица, стараясь запомнить это ощущение, затем по-братски поцеловал ее в щеку и сказал:

– Я буду ждать тебя или твоего звонка завтра до двух часов.

Видимо, что-то в моем голосе убедило незнакомку в том, что в ближайшее время изнасилование ей не грозит, и она, грациозно развернувшись, выбежала из комнаты, не сказав ни слова на прощанье.

На следующее утро раздался стук в дверь, и при свете дня вчерашняя гостья оказалась даже красивее, чем я думал.

– Никогда еще не знакомилась с русским, – вместо приветствия заявила она с порога. – Хочешь, я покажу тебе Ригу?

День пролетел незаметно. Мы гуляли по узким ухоженным улочкам старого города, сходили в кино, закусывали в небольших уютных кафе.

– Давай, я провожу тебя, – предложил я, когда вечер незаметно перешел в ночь.

– Нет, это я провожу тебя, – твердо сказала Анжела. Мне удалось-таки узнать ее имя. У дверей общежития маялась ожиданием группа из четырех парней.

– Уйдем отсюда, – сказала девушка, прижимаясь ко мне. Мы начали разворачиваться, чтобы пойти в противоположном направлении, но тут от компании отделились двое и побежали нам наперерез.

– Анжела, уходи, – приказал я, внутренне приготовившись к драке.

– Я лучше останусь, – спокойно, и, как мне показалось, даже с удовольствием сказала девушка. – Похоже, тебя ждут неприятности. Я знаю этих ребят.

– Эй, ты, стой! – заорал один из них.

Я застыл на мгновение, прикидывая, стоит ли начать драку первым, или лучше подождать, пока ситуация прояснится. Раздумывая об этом, я с сожалением понял, что упустил удачный момент влечь подбежавшему ко мне латышу удар в пах с разворотом.

Вместо этого я, разыгрывая удивление, задал совершенно дурацкий вопрос.

– Это вы мне? – поинтересовался я.

– Тебе, тебе, недоносок, – с угрозой в голосе произнес его приятель, подходя вслед за ним и останавливаясь рядом.

– Анжела, иди сюда, – приказал первый парень.

– В чем дело, Эрик? – демонстративно удивилась девушка, и не думая отпустить мою руку.

Я понял, что обречен на долгую и нудную разборку. Оставшиеся двое парней тоже присоединились к нашей теплой компании, и мы, стоя на середине проезжей части достаточно широкой улицы, принялись обмениваться стереотипными репликами, повторяющимися с небольшими вариациями из века в век с тех самых пор, как бог, не придумав ничего лучшего, создал Еву из ребра Адама.

Постаравшись избежать самых банальных и набивших оскомину фраз, вроде "ты козел", "за козла ответишь", я заострил внимание моих новых знакомых на том, что несмотря на то, что яблоко раздора в лице раскрасневшейся от удовольствия Анжелы, и представляет собой довольно привлекательный экземпляр хомо сапиенс, я, по сути, ее почти не знаю, и если противная сторона пожелает, готов уступить ее совершенно добровольно и без борьбы.

– Однако, – добавил я, – если дама все же предпочтет остаться со мной, а наше знакомство произошло исключительно по ее инициативе, я буду вынужден выполнить ее пожелания.

В процессе переговоров, я, продолжая держать Анжелу за руку, понемногу перемещался из стороны в сторону таким образом, чтобы моя позиция по отношению к четверке была выгодной с точки зрения возможного начала драки.

Латыши тоже перемещались вместе со мной. С учетом того, что нам еще приходилось дополнительно уворачиваться от проезжающих с обеих сторон машин, ситуация надоедала мне все больше и больше.

– Да чего мы ждем, Эрик! – не выдержал один из парней на третьей минуте беседы. – Бей его и все тут!

– Это не интеллигентно, мальчики, – возразил я. – Кроме того, у вас нет никаких шансов.

Я выполнил резкий удар ногой, остановив ребро стопы в миллиметре от носа подначивающего Эрика нахала. Заметив в глазах борцов за прекрасную Анжелу легкую растерянность и беспокойство, я добавил:

– Я хорошо подготовлен не только в дзю-до. Не стоит становиться калеками из-за женщины.

Один из парней протянул руку к девушке, пытаясь схватить ее, но я перехватил его кисть, выполнив болевой прием, чуть дернул на себя, и он с криком боли распластался на земле. Анжела по-прежнему цеплялась за мою другую руку.

Кто-то из его дружков дернулся было ко мне, надеясь освободить приятеля, но я сменил тактику и, мгновенно вызвав в сознании волевые эманации ненависти, рывкнул:

– Стоять, или я переломлю ему пальцы!

Латыши застыли, как вкопанные.

Я отпустил захват, и вспомнив один из любимых приколов Учителя, который он мне рекомендовал в качестве психологического воздействия на группу нападающих, я скорчил отвратительную рожу и, дергаясь, как в судорогах, разразился оглушительным икающим хохотом пожизненного оби-

тателя Белых Столбов. Смех сопровождался обильным истечением слюны, которое произвело на окончательно ошарашенных латышей неизгладимое впечатление. Даже Анжела, получавшая несомненное удовольствие оттого, что оказалась в эпицентре крутых разборок настоящих мужчин, слегка побледнела и попыталась высвободить руку из моей, но это ей не удалось.

Желая окончательно закрепить достигнутый успех, я надрывно заорал дурным голосом:

– Ну что, козлы, не думали, что у меня справка есть? Да я вас тут всех могу замочить, и мне за это ничего не сделают, может, даже спасибо скажут. Что, будем драться?

Латыши попятились. Драться им явно не хотелось. Я обтер рукавом слюну, капающую с подбородка, и вновь меняя образ, нежно улыбнулся и сказал спокойным будничным тоном:

– И долго мы собираемся так стоять? Тут рядом кафе. Может перекусим чего-нибудь? Похоже у вас достаточно здравого смысла, чтобы не нарываться на неприятности.

Мы с хохочущей Анжелой направились к кафе, и растерянная компания защитников женской чести поплелась за нами следом.

Усевшись за столик в уютном полумраке небольшого зала, который меня очаровывал еще и потому, что в России и на Украине в те времена просто не было ничего подобного, мы потихоньку разговорились.

Выяснилось, что Анжела за что-то обиделась на Эрика, с которым у нее был бурный роман, и, желая отомстить ему по полной программе, поклялась переспать с русским чемпионом, который, сам того не ведая, уязвил Эрика в святых патриотических чувствах, победив на чемпионате его лучшего друга-латыша.

– Ты увидишь, что любой мужчина будет ползать у моих ног, умоляя меня о любви! – несколько самоуверенно, но убежденно заявила Анжела, и, узнав, где можно меня найти, отправилась в мой номер, чтобы воплотить планы ужасного мщения в жизнь.

Я объяснил Эрику, что его невеста осталась неприкосновенной, и он, потрясенный до глубины души тем, что по его вине чуть было не произошло непоправимое, принялся публично каяться во всех своих грехах и клясться, что любит ее.

Поломавшись немного для вида, Анжела простила-таки незадачливого жениха, и атмосфера за столом разрядилась.

Вскоре мы с латышами стали лучшими друзьями, и в течение двух недель, которые я провел в Риге, я наслаждался их компанией и гостеприимством.

Анжела, видимо в глубине души все же расстроенная тем, что я так и не повалялся у нее в ногах, умоляя о любви, еще пару раз в отсутствие своего жениха попыталась опробовать на мне свои чары, но Эрик мне нравился, и я остался тверд до конца.

Зайдя в общежитие перед отъездом, чтобы попрощаться, Анжела предприняла последнюю попытку.

– Я буду твоей в любой момент, когда ты захочешь. Только скажи! – патетически воскликнула она, обнимая меня.

Я прижался к ней всем телом, чувствуя охватывающее ее желание, и, мягко отстранившись, сказал:

– Спасибо, дорогая. Я очень благодарен тебе за предложение, но это было бы неправильное решение.

Учитель определял тип подобных женщин, как "переменчивый ветер".

– Женщина "переменчивого ветра" проносится по жизни, как мечущиеся из стороны в сторону потоки воздуха, касаясь и захватывая, как песчинки, самых разных мужчин, сталкивая их между собой, вздымая к небесам и небрежно бросая на землю. – объяснил он. – К таким женщинам и нужно относиться, как к воздуху – вдыхать приносимый ими издалека аромат, но не пытаться их удержать, потому что они все равно ускользнут от тебя, как ветерок, недолго овевавший твои волосы и лицо.

Основная проблема взаимоотношений ослепленных влюбленностью мужчины и женщины, когда их связь вступает в более или менее интимную фазу, заключается в абсолютно неадекватной оценке партнера, усугубляемой обманчивым блеском своего собственного, преувеличенно положительного образа, демонстрируемого партнеру по крайней мере на первых этапах развития отношений.

Можно сказать, что подобное начало связи – это грандиозная и взрывчатая смесь обмана и самообмана, ловушки которых не могут избежать даже самые умные представители человеческого рода. Дело в том, что человеческое сознание имеет склонность отбирать из поступающей извне информации только ту ее часть, которая соответствует его модели мира.

Если в модели мира мужчины женщина представлена, как умный, верный и преданный спут-

ник, то и в женщине "переменчивого ветра" в течение довольно долгого времени он будет видеть свой идеал верной и мудрой подруги, до тех самых пор, пока эта женщина, фигурально выражаясь, не хлопнет его мордой об стол.

После этого его модель мира обогатится, претерпев необходимые изменения. Раньше он думал, что женщины – это высшие существа, достойные всяческого уважения, но жизнь убедила его, что это совсем не так. Мужчина с очень жесткой моделью мира может даже сломаться, не выдержав подобного удара, и покончить жизнь самоубийством, или, если в его модели заложено очень четкое понятие справедливости, приравнивающее обман доверия к преступлению, достойному высшей меры наказания, он может избить или даже убить женщину переменчивого ветра, не понимая, что то, что он считает обманом, было всего лишь формой самообмана.

Образы людей с подобными жесткими моделями мира мы сплошь и рядом встречаем в фильмах и в книгах, особенно в романах, детективах и приключенческой литературе. Их образы вызывают живой интерес именно потому, что человек более или менее развитый, чья модель мира более гибка и многогранна, окажется просто не способен совершать все те глупости, которыми радуют читателя как положительные, так и отрицательные герои.

Читателю не нужны разумные решения, его интересует накал страстей, безумная любовь, черная месть и смерть, неизбежно настигающая злодеев.

С детства привыкая восхищаться людьми с жесткими моделями мира за их силу, целеустремленность и непоколебимую уверенность в правильности своих очень даже сомнительных решений, молодое поколение формирует у себя подобные жесткие модели мира, которые тем сильнее терзают их носителей, чем больше в них заключено внутренних противоречий.

Кризисы и метания подросткового периода, агрессивность и категоричность молодежи является ярким тому доказательством. Жизнь жестоко ломает их несовершенные модели, и с возрастом приходит если не мудрость, то опыт, но этот опыт дается ценой достаточно сильных страданий и разочарований. Именно неумением родителей и общества формировать у молодого поколения гармоничные и многогранные модели мира и объясняется отсутствие у детей ясных жизненных ориентиров, рост детской преступности и наркомании.

Хотя во многом кризисы подросткового периода обусловлены физиологией роста и формирования организма, ты не встретил бы у подростков, воспитанных в клане Спокойных проблем и душевных терзаний их западных ровесников. Модель мира получившего многие необходимые знания о жизни двенадцати-тринадцатилетнего члена клана по своей широте приближается к моделям мира стариков-европейцев, обладавших достаточным уровнем интеллекта, чтобы интегрировать богатый жизненный опыт в свою модель мира, не слишком ломая и не уродуя ее.

Отчасти это обуславливается тем, что ребенок, постоянно переходящий из «руки» в «руку» впитывает в себя опыт тесного общения с огромным количеством людей, обладающих разными, но гармоничными и адекватными моделями мира, и он строит свою модель мира, основываясь на этом общении, привнося в нее все самое лучшее и ценное, что ему удастся постичь за время этого ненасильственного, скорее братского, чем авторитарного воспитания. Здесь учат жизни, а не профессии.

Вряд ли кому-нибудь удалось бы убедить такого ребенка пристраститься к курению наркотиков или вступить в преступную группировку, потому что модель мира подростка клана Шоу-Дао уже позволяет ему здраво оценивать общающихся с ним людей и последствия своих поступков.

Обучение женщиной в клане также начинается с самого детства, так что, достигнув половозрелого возраста, воин клана достаточно хорошо разбирается в женской типологии, и, короткое время пообщавшись с женщиной, он может определить, чего от нее следует ждать и как с ней нужно взаимодействовать, чтобы их отношения доставляли наслаждение обоим, помогая, в то же время, избежать взаимных травм и разочарований.

Так, с женщиной "переменчивого ветра" воин Шоу будет обращаться именно как с женщиной "переменчивого ветра", не ожидая от нее преданности и основательности, характерных для женщины земли, или мудрости женщины дерева.

Понимание того, на что он идет, удерживает воина жизни от разочарований, и его модель мира расширяется и совершенствуется равномерно и безболезненно, без ломок и сотрясений до основания.

Конечно, обстоятельства могут сложиться так, что судьба нанесет ему тяжелый удар по не зависящем от него обстоятельствам. Никто не застрахован от катастроф, но, по крайней мере, воин жизни никогда не будет страдать по собственной глупости.

Страдания европейцев же больше чем в девяноста процентах случаев обусловлены не ударами судьбы, а именно их собственной глупостью, несовершенством их моделей мира, их склонностью к самообману и неумением правильно оценивать ситуацию.

Ты, хотя и вырос вне клана, уже научился отличать несовершенство модели мира от несовершенства самого мира, и показателем того, что твоя модель мира становится все более и более гармоничной, является твое отношение к миру, твои любовь и восхищение им.

По мере того, как ты будешь постигать науку общения с женщиной, все женщины станут казаться тебе прекрасными, как и окружающий тебя мир, потому что, научившись понимать их и общаться с ними, ты избежишь разочарований и осуждения.

Только человек, обладающий гармоничной моделью мира, способен оценить, насколько тяжело жить с моделями мира, построенными на страхе, недоверии или постоянном ожидании разочарований. Но люди, имеющие подобные модели, пребывают в полной уверенности, что их взгляд на мир совершенно оправдан, поскольку их модель мира и является тем самым кривым зеркалом, отразившись в котором бесконечное разнообразие окружающей жизни становится уродливой и тусклой картинкой.

Домой я возвращался на поезде. Двухнедельное пребывание в Риге подорвало мое и без того не блестящее финансовое положение, и билет я смог купить только в общий вагон.

Попутчиков было очень мало, но я, понимая, что такое счастье долго не продлится, решил отоспаться, пока есть возможность. Наслаждаясь царящей в вагоне прохладной свежестью, я лег на полку и, укрывшись плащ-палаткой, пристроил под голову болотные сапоги – сокровище, которое в то время в Симферополе было невозможно купить, и на которое ушла моя последняя десятка.

Сквозь сон я отметил, что поезд затормозил на очередной станции и почти сразу же тронулся. Послышались шаги, и я почувствовал, как чьи-то руки заботливо и ласково укрыли меня сбившейся плащ-палаткой, аккуратно подоткнув ее свисающий край. Чуть-чуть приоткрыв веки, я сквозь частокол ресниц увидел молодую женщину и ощутил исходящую от нее эманацию спокойной и нежной ласки, чистой и бескорыстной, почти материнской любви.

Женщина села напротив меня, и, скрестив ноги, достала из сумки какой-то журнал. Я, по-прежнему притворяясь спящим, рассматривал ее, как шедевр великого мастера. В ее хрупком изящном облике чувствовался удивительный аристократизм, и спокойное, с безупречной белой кожей и идеальными классическими чертами лицо излучало невыразимую гармонию, умиротворенность и любовь.

Около часа она читала журнал, а я, не шевелясь, наблюдал за ней, переводя охватившие меня чувства благодарности и восхищения в медитацию вкуса жизни.

На следующей станции она сошла. Это была последняя остановка на территории Латвии. Когда поезд тронулся, я, улыбнувшись на прощание ее уже слегка замутненному дремотой образу, снова погрузился в сон.

Проснулся я в аду. Приятную прохладу и аккуратно одетых вежливых людей сменила удрушающая жара, пропитанная испарениями потных тел набившихся в вагон, как сельди в бочку, пассажиров. Прибалтика с ее размеренным западным укладом жизни осталась позади. Я вновь был окружен родным славянским народом.

На верхней полке сидела старуха, прижимая к груди мешок с контрабандно протасканным в поезд поросенком. Поросенок вертелся и визжал. Нервничая в своей импровизированной тюрьме, он успел обмочиться, и его моча капала на деда, сидящего снизу. Дед, которому некуда было отодвинуться, поскольку с двух сторон его сдавили соседи, откликнулся сочным и забористым русским матом. Бабка не оставалась в долгу, во весь голос демонстрируя всему вагону, что русская женщина владеет словом не хуже мужчин.

Не переставая ругаться, дед попутно утолял голод, редкими желтыми зубами откусывая здоровенные куски чеснока, так, словно это было яблоко. Чеснок он закусывал круто посоленным салом, без хлеба, но зато с кожурой.

Цыганка кормила грудью малыша. Рядом с ней лежали его перепачканные трусики. Она ела яблоко, и, время от времени, откладывала это яблоко прямо на них, в центр подсыхающих испражнений.

Втиснувшиеся в вагон солдаты уселись прямо на пол, потому что на полках места не оставалось. Вновь прибывавшие пассажиры садились рядом со мной, иногда мне прямо на ноги. Я изо всех сил крепился и не шел в туалет, потому что в мгновение ока мое место оказалось бы занятым, а путь до Крыма еще предстоял не близкий.

Украинцы-шоферы, едущие в Симферополь, чтобы получить какое-то оборудование, всю дорогу пили самогон. Видимо, я им чем-то приглянулся, потому что они щедро, от всей души угощали меня, и мне пришлось сказать язвенником, чтобы объяснить им свое нежелание выпить.

Теснота и суетола в вагоне не раздражали меня. Я относился ко всем этим людям спокойно и с

теплотой, но помимо воли меня охватывала печаль. Как получилось, что между жизнью прибалтийской глубинки и русских, белорусских и украинских деревень пролегла такая огромная пропасть?

Я вспоминал слова Ли о том, как формируется модель мира у детей, вырастающих в клане, и думал, какими же являются модели мира этих людей, и какие модели они передадут своим детям. Мне бы хотелось объяснить им то, что я уже понял, чтобы хоть как-то изменить их жизнь, сделать ее чуточку лучше, или если не лучше, то немного легче, но я знал, что это желание бессмысленно. Я не мог ничего изменить.

Я вспомнил, как однажды Учитель сказал:

– Ты не можешь изменить мир. Ты не можешь сделать жизнь других людей лучше. Но ты можешь растить свое дерево, и, сделав счастливым себя, ты сумеешь изменить к лучшему и жизнь близких тебе людей. Это уже кое-что.

Печаль ушла. У этих пассажиров была своя жизнь. В ней были тяжелые моменты, но встречались и минуты счастья. Я действительно ничего не мог сделать для них, но я твердо знал, что бы ни случилось и куда бы меня ни занесла судьба, я, следуя пути воинов жизни, буду продолжать растить свое дерево. Я уже умел быть счастливым.

Глава 10

– Как идут твои дела с пирамидой? – спросила Лин.

– Пока вроде все в порядке, – ответил я. – Мы потихоньку притираемся друг к другу, но прошло не так много времени, чтобы можно было добиться тех идеальных отношений, которых ты требуешь.

Чуткое ухо корейки легко уловило нотку сомнения в моих словах.

– У меня, почему-то, не вышло впечатления, что все действительно в порядке, – произнесла она, – Что-то тебя беспокоит. Может быть ты объяснишь мне, что именно?

Я задумался.

– Даже не знаю, как бы лучше это выразить, – сказал я.

– Мне кажется, что проблема во мне. Ты говорила, что при создании пирамиды мне необходимо любить этих женщин, испытывать к ним самые искренние чувства, и они должны отвечать мне взаимностью. С взаимностью проблем не возникает, да я и сам не могу сказать, что я их не люблю, но любовь, которую я испытываю к ним – какая-то искусственная, словно я выполняю упражнение по созданию определенных эмоций и настроения.

Где-то в глубине души у меня остается странный неприятный осадок, ощущение, которое я не могу определить и не могу понять. Мне нравятся эти женщины, мне хочется любить их, и в то же время что-то внутри меня противится этой привязанности. Время от времени я ощущаю что-то вроде внутреннего барьера, внутреннего отталкивания, которое иногда сменяется чувством вины, а иногда – иррациональным необоснованным страхом. Конечно, моей техники управления эмоциями хватает на то, чтобы подавлять эти неприятные ощущения и испытывать те чувства, которые я хочу, но все же этого недостаточно. Мне не нравится эта раздвоенность чувств.

– Так происходит со всеми, – ободряюще улыбнулась корейка. – Меня бы удивило, если бы тебе удалось этого избежать. Это всего лишь означает, что кое-какие кирпичики твоей модели мира положены криво, и, чтобы добиться успеха со своей пирамидой, ты должен подправить некоторые из них.

– Мне, конечно, нравятся аллегории, – сказал я, – но не могла бы ты объяснить более конкретно?

– Почему бы и нет? – не стала спорить Лин. – Кирпичики, из которых складывается твоя модель мира – это твои убеждения и установки, возникавшие незаметно для твоего сознания в процессе всей жизни. О некоторых своих убеждениях, прошедших цензуру сознания, ты осведомлен, и ты можешь их высказать, если тебя об этом попросить, но убеждения, прошедшие цензуру сознания, составляют лишь небольшую часть твоей модели мира. ее оштукатуренный и подкрашенный фасад, за которым скрывается шаткое и неустойчивое сооружение.

Обычный человек привык жить со своей моделью, он научился уравнивать ее и избегать толчков, способных ее разрушить, но воин жизни сам разрушает свою модель, точнее, видоизменяет ее, восстанавливая сломанные кирпичи и укладывая их ровно и гармонично.

– Учитель обычно говорил о расширении модели мира, а не о ее разрушении, – сказал я. – И я, следуя его указаниям, старался именно расширять ее, чувствуя, как от этого она действительно становится более устойчивой и гармоничной.

– Одного расширения недостаточно, – покачала головой корейнка. – Мозг шизофреника или наркомана под действием безумных фантазий может безгранично расширять модель мира, но эта модель мира не будет устойчивой. Она способна рассыпаться в любой момент, похоронив под обломками своего носителя. На опыте твоего общения с женщинами пирамиды ты сумел убедиться, что расширение модели мира не решает все проблемы.

– А почему ты связываешь мои затруднения именно с убеждениями, с кирпичиками модели мира? – спросил я. – Может быть, все дело в том, что я до безумия влюблен в тебя, и именно поэтому мне сложно испытывать подобные чувства к еще изрядному количеству других женщин? Для подпитывания чувств и эмоций необходимо наличие определенного количества энергии, и иногда мне кажется, что причина заключается именно в нехватке энергии. Я заметил, что когда я переутомлен, мое внутреннее отталкивание заметно усиливается, но как только я отдохну и восстановлю силы, оно исчезает, становясь почти незаметным.

– Просто когда ты чувствуешь себя энергичным и полным сил, у тебя хватает энергии на защиту целостности своей модели мира, и эта энергия, к сожалению, растрачивается впустую. Именно поэтому гораздо целесообразнее выправить модель раз и навсегда, чем защищать ее от самого себя всю оставшуюся жизнь.

– Может быть ты и права, – пожал плечами я. Корейнка прикоснулась к моей руке и пристально посмотрела мне в глаза. Ее лицо стало серьезным и сосредоточенным.

– Ты считаешь, что действительно искренне любишь меня? – спросила она.

– Конечно. Неужели ты в этом сомневаешься? Ты ведь знаешь меня, как никто другой.

– А теперь постарайся быть абсолютно честным со мной и с самим собой. Неужели у тебя никогда не возникает при общении со мной того же внутреннего отталкивания, неприятия или иррационального страха?

Словно спровоцированная ее словами, волна липкого ужаса поднялась у меня внутри. Я одновременно испытывал страх и печаль, желание убежать и желание оттолкнуть, и может быть, даже ударить ее. Я похолодел, чувствуя, как у меня по спине пробегают отвратительные холодные и влажные мурашки. Желудок непроизвольно сжался. Меня подташнивало.

– Лин, что ты сделала? – с ужасом спросил я. – Этого просто не может быть. Я не могу испытывать по отношению к тебе таких чувств. Это неправильно. Со мной никогда такого не случилось.

– Это случилось с тобой, и много раз, – спокойно сказала корейнка. – Ты просто этого не замечал, потому что твое влечение ко мне гораздо сильнее, чем отталкивание. Ты игнорировал эти неприятные сигналы, исходящие из глубин подсознания, считая, что любишь меня, и просто отказывался открыто признать то, что противоречило твоим глубоким и сильным чувствам. Сейчас ты впервые оказался лицом к лицу с тем, чего так долго не хотел признавать – с твоей двойственностью по отношению к женщине.

Я выполнил глубокое дыхание, пытаюсь избавиться от отвратительного спрута, угнездившегося у меня внутри, но напряжение не спадало.

– Ты борешься, – услышал я голос Лин. – Не надо бороться. Просто признай, что эти чувства тоже часть тебя. Это станет первым шагом.

– Первым шагом к чему? – спросил я просто, чтобы что-то сказать.

Разговор отвлекал меня от отвратительных навязчивых ощущений, которые я, несмотря ни на что, в глубине души отказывался признать своими.

Лин обняла меня, прижимаясь ко мне всем телом. Ее губы скользнули вдоль моей шеи и щеки, отыскав, наконец, мой рот. Поцелуй, вначале нежный, стал влажным, жарким и чувственным. Язык девушки, вибрируя, пробежал вдоль моих губ, пробираясь глубже, к деснам, проникая в глубину рта.

Напряжение спадало, и я с огромным облегчением отметил, что на смену так растревожившим меня ощущениям снова приходит глубокая и безграничная любовь к моей возлюбленной.

Лин отстранилась, и из-под упавших на лицо волос блеснул ее лукавый взгляд.

– Так-то лучше, – улыбнулась она. – Не стоит стыдиться своих чувств или отказываться от себя самого. Эти тревожные чувства – всего лишь результат действия некоторых испорченных и перекошенных кирпичиков твоей модели мира. Тебе остается только восстановить и исправить их.

– Как это сделать? – спросил я с внезапно пробудившимся интересом.

– Для начала нужно узнать, как в твоей модели мира оказались именно такие кирпичики, то есть понять, как женщины научили тебя реагировать на них подобным образом.

– Вообще-то мне казалось, что я хорошо реагирую на женщин, – задумчиво сказал я, уже понимая, что на самом деле это не так.

– Когда-то женщины причинили тебе вред, – с уверенностью сказала Лин. – Иначе бы у тебя

никогда не возникало при общении с ними чувства страха и отталкивания.

– Наверное, всем женщины когда-нибудь в той или иной форме причиняют вред, – сказал я. – В жизни каждого человека встречается достаточно травм.

– Так Расскажи мне о своих, – предложила Лин. – А потом мы поговорим о том, как исправить твою модель мира.

Я задумался. Сначала мне вспомнилась мать. Хотя она всю жизнь дарила мне самую искреннюю и неподдельную родительскую любовь, ее жуткие и безобразные ссоры с отцом действительно болезненно отзывались в моей душе. И тут же я понял, что дело тут совсем не в матери. Меня захлестнули воспоминания, часть которых, наиболее мучительную, я ухитрился загнать так глубоко внутрь, что почти никогда об этом не вспоминал. Одним из них было воспоминание о моей первой любви. Долгое время я думал, что эта девушка обманула и бросила меня, и лишь потом я узнал, что она была зверски убита.

Это случилось со мной в начале десятого класса. Всецело поглощенный тренировками по самбо и дзюдо, веселыми развлечениями с приятелями и домашними проблемами, я почти не обращал внимания на девочек. Не то, чтобы я никогда не провожал взглядом стройные фигурки местных красоток, но делал это скорее из солидарности с уже искушенными в этом вопросе друзьями, чем по велению сердца, и менее всего в то время мне могло бы прийти в голову знакомиться с девушками на улице.

Но, несмотря на мое несколько запоздалое развитие в этой области, с Таней я познакомился именно на улице. Орудием судьбы в данном случае послужил местный хулиган по кличке Морозуля.

Я знал Морозулю много лет, нам нравилось встречаться и бродить по окрестностям в поисках приключений. Гормоны заиграли в крови приятеля-хулигана гораздо раньше, чем у меня, и он с увлечением приставал на улице ко всем более или менее смазливой девушкам. Хотя Морозуля считал себя экспертом по женскому вопросу, оставившим далеко позади таких примитивных любителей, как Дон Жуан и Казанова, на его неуклюжие, хотя и напористые ухаживания откликался лишь весьма незначительный процент дам, но мне нравилось наблюдать за самим процессом «охоты», изучая, как реагируют леди на те или иные лестные предложения и комплименты.

В тот день полем для «охоты» Морозуля выбрал центральный парк, и я с удовольствием отправился его сопровождать.

– Вот это телка! – цокая языком от удовольствия, восхитился Морозуля. – Смотри, как я сейчас ее закадрю. Учись, пока я жив!

Девушка действительно была что надо. Я с удовольствием разглядывал ее, пока мой приятель приближался к ней походкой бывшего соблазнителя и говорил очередные стереотипные банальности.

К моему удивлению, девушка посмотрела на меня и сказала что-то, указывая в направлении, где я находился. Казалось, они немного поспорили, а потом оба направились в мою сторону.

– Ну, старик, тебе повезло! – с ходу брякнул Морозуля. – Запомни, за тобой должок. Эта красотка хочет с тобой познакомиться.

Вблизи девушка оказалась еще красивее. Она выглядела на несколько лет старше меня, и это обстоятельство здорово меня смущало. Кроме того, она была первой девушкой, пожелавшей со мной познакомиться, и я с трудом представлял, чего она от меня ждет, и как я должен себя вести.

– Меня зовут Таня, – представилась она. – А ты очень симпатичный, не то, что твой приятель.

Морозуля за ее спиной скорчил рожу в ответ на столь нелестную оценку своих мужских достоинств, затем заговорщически подмигнул мне, дурачась, послал воздушный поцелуй, а потом, как и положено настоящему другу, тихо слинял.

Так начались наши встречи с Таней. Мы гуляли по парку, ели мороженное, и наш роман стремительно набирал обороты. Таня полностью захватила бразды правления, безоговорочно лидируя в наших отношениях. Пока я терзался сомнениями по поводу того, что я должен или не должен делать, припоминая прочитанные мною романы, девушка успела понять, что ничего путного от меня не дождешься, и, заманив меня в укромный уголок парка, принялась целовать и ласкать меня с искусством, свидетельствовавшим о

большом жизненном опыте.

Обычно героини книг так себя не вели, но я не стал сопротивляться, стараясь "сохранить лицо" и не выдать охватившего меня смятения. Красота и искусство Тани пробудили. наконец, во мне природные инстинкты, заглушенные напряженными тренировками, и гормоны забурлили во мне даже сильнее, чем в хулигане Морозуле.

Я влюбился окончательно и бесповоротно. С каждой ноной встречей наши ласки становились все более бурными, и мы поняли, что пора подыскать более пригодное место для встреч. чем улицы и парки Симферополя.

Таня без труда разрешила возникшую проблему, обратив мое внимание на сарай, в котором хранились инструменты для уборки парка. Замок был сломан, поэтому сарай не запирался, и на его полу оставалось достаточно свободного места для нас двоих.

Мы договорились встретиться у сарая на следующий день. Всю ночь я не спал, ворочаясь с боку на бок и пытаясь представить себе, как все произойдет и удастся ли мне с честью выдержать экзамен на звание мужчины. Я прибежал к сараю за полчаса до назначенного времени, волнуясь, как никогда в жизни. Затем потянулось ожидание – час, два, три...

Таня не пришла.

С тех пор я больше не видел ее. У меня не было ее телефона, я не знал, где она живет, чем занимается. Я не мог отыскать ее, да и честно говоря, не хотел.

Боль, причиненная ей, как мне казалось, намеренным обманом, не проходила еще много месяцев. Я не понимал, зачем этой девушке понадобилось дурачить меня таким бессмысленным и жестоким образом, притворяться влюбленной, обещать мне райское блаженство. Первая женщина, которую я полюбил, оказалась для меня загадкой. Я не мог ни предвидеть, ни понять, ни оправдать ее поведения.

Возможно это ощущение униженности и подавленности повлияло и на мои отношения с Морозулей. Я вдруг увидел его в другом свете. Ведь, в сущности, он пытался поступать с женщинами таким же образом, как Таня поступила со мной. Последней каплей, положившей конец нашей дружбе, оказалась обострившаяся брезгливость, которую я испытывал, наблюдая, как, сходя в туалет, он затем неизменно вытирает пальцы о стену.

Даже сейчас, вспомнив, как Морозуля это делал, я брезгливо поморщился.

– Теперь ты видишь, как возникают перекошенные кирпичики модели мира, – сказала Лин. – О твоём отношении к женщинам мы еще поговорим, а сейчас я хотела бы обратить твоё внимание на то, что произошло у тебя с твоим другом. Ты оставил его из чувства брезгливости, причем брезгливость эта оказалось двоякой – с одной стороны чисто физической, а, с другой стороны, эмоциональной, поскольку ты ассоциировал его с предавшей тебя девушкой. Откуда взялись у тебя такие проявления брезгливости?

– Наверное, от матери. – ответил я. – Она просто патологически брезглива, и питает к микробам столь непреодолимое отвращение, что моет руки по пятьдесят раз на дню, так что у нее облезает кожа от постоянного мытья.

– Но ты ведь не боишься микробов?

– Со мной все как раз наоборот, – сказал я. – Я могу спать хоть в ботинках, спокойно сажусь на чистую постель, а к микробам отношусь по принципу "к заразе зараза не липнет". Возможно, это у меня от отца. Он никогда не страдал приверженностью к излишней гигиене, а его брат дядя Федя вообще был искренне убежден в том, что если микробы в организм не попадают, то откуда взяться иммунитету?

– Если бы, не вспоминая историю с Морозулей, кто-нибудь спросил тебя, брезглив ты или нет, что бы ты ответил? – поинтересовалась Лин.

– Я бы сказал, что нет.

– Теперь ты видишь, как сознание фильтрует твою модель мира, выдавая желаемое за действительное. Совершенно неожиданно ты наткнулся на не очень приятную правду о самом себе: ты бросил своего друга из-за неосознаваемых тобою, но исключительно сильных убеждений, совершенно не связанных с его отношением к тебе.

Брезгливость матери не могла не отразиться на тебе. и она передалась тебе в трансформированной форме. Ты видел, сколь нелепо ее чрезмерное пристрастие к гигиене, и отвечал противодействием, подсознательно становясь более неряшливым и небрежным, чем это принято. Уверена, что если бы мать с детства говорила тебе, что после туалета ни в коем случае нельзя вытирать пальцы о стену,

ты бы занимался именно этим, утверждая таким образом свою индивидуальность и право на свободное волеизъявление, и тогда твой приятель-хулиган вместо отвращения, вызывал бы у тебя уважение, как брат по убеждениям.

Но поскольку запрет на вытирание пальцев о стену не входил в действия твоей матери, то в этом смысле ты оказался столь же брезглив, как и она по отношению к микробам.

Мне стало стыдно. Только сейчас я понял, что дружба с Морозулей, несмотря на его многие отнюдь не ангельские черты характера долгое время была важна для меня, и в свете того, что объяснила мне Лин, мое поведение выглядело не очень приятно.

– Тогда я этого не понимал, – сказал я, словно пытаюсь оправдаться, хотя было очевидно, что оправдания тут никому не нужны.

– Не стоит сожалеть о прошлом, – мягко сказала кореянка. – Ты ничего не сможешь в нем изменить. Главное – понять и увидеть то, чего ты раньше не замечал, и избавиться себя от подобных ошибок в будущем. В человеке важно не то, вытирает он пальцы о стену или нет, а его человеческая сущность. Ты должен быть не обличителем, а воспитателем. Если сущность какого-то человека тебе близка, не стоит разрушать ваши отношения из-за каких-то его привычек, неприятных тебе в силу неведомо как сформированных убеждений. Умея общаться с людьми, можно избавиться их от многих дурных стереотипов поведения. Изменить сущность гораздо труднее. Для этого нужно изменить слишком многие кирпичики в модели мира.

– Ты расскажешь мне, как это сделать? – спросил я,

– Расскажу в свое время, – сказала Лин. – А теперь вернемся к травмам, когда-то нанесенным тебе женщинами. – Ты помнишь еще что-нибудь?

– Это трудно забыть, – ответил я. – Это случилось вскоре после исчезновения Тани...

Как я потом узнал, в очередной водоворот событий меня втянул одноклассник Бенья. Как-то раз в разговоре с одной своей очень красивой и чересчур самоуверенной знакомой он рассказал обо мне, о моих спортивных успехах, между делом упомянув и о том пригорбном факте, что я в своем столь почтенном возрасте все еще пребываю в девственности.

Вероника почему-то восприняла это, как вызов, и тут же заключила пари на бутылку коньяка, что за одно свидание сделает из меня мужчину.

Не имея понятия о том, что на меня уже делают ставки, я не почувствовал подвоха, услышав в трубке незнакомый, но приятный женский голос.

– Это Саша? – поинтересовалась незнакомка. – Вы меня не знаете, но нам необходимо встретиться, и как можно скорее. Речь идет о вашей матери.

– О моей матери? – удивился я. – Может быть, вам лучше поговорить с ней самой?

– Нет, – настаивал голос в трубке. – Никому ничего не говорите. То, что я хочу вам сообщить, я могу сказать только ее сыну.

Удивленный и слегка обеспокоенный, я согласился. Углубившись в хитросплетение узеньких улочек старого города, я отыскал небольшой одноэтажный дом с пристроенной застекленной верандой.

Дверь открыла высокая стройная девушка. Ее сильное крепкое тело выдавало пристрастие к спорту.

– Я Вероника, – сообщила она.

Точно с такой же интонацией она могла бы произнести: "я английская королева".

Во взгляде, брошенном на меня, явственно читался высокомерный вызов, приправленный изрядной долей агрессивного женского кокетства.

Предательство Тани сделало меня малочувствительным к специфическим женским взглядам, и я, особо не напрягаясь, спокойно ждал, пока она в течение нескольких секунд оценивала меня, сопровождая это действие соответствующей мимикой.

– Вы хотели поговорить со мной о маме? – наконец, осведомился я.

– Пройдите в комнату и подождите меня. Я сейчас, – приказала Вероника, и изящно развернувшись на каблуках, исчезла.

Я прошел в комнату и остановился у окна, разглядывая обиталище загадочной незнакомки. Погруженный в размышления том, какое отношение все это имеет к моей матери, я не сразу заметил, как девушка очутилась рядом со мной. Когда я понял, что она собирается сделать, было уже слишком поздно.

Раздетая донага. Вероника набросилась на меня, как негр, вышедший из тюрьмы после восьмилетнего заключения, на уличную проститутку. Совершив прыжок, достойный изголодавшейся рыси, она вцепилась в меня мертвой хваткой, пытаясь добраться губами до моего рта, в то время, как ее руки беспорядочно шарили по телу, забираясь под одежду.

От неожиданности у меня перехватило дыхание. Я так и не успел сообразить, что произошло, отреагировав чисто на инстинктивном уровне, как на неожиданное нападение агрессора. Все произошло так быстро, что я даже не успел понять, ударил я ее или просто оттолкнул, но через мгновение я увидел, как она падает на кровать и остается на ней лежать совершенно неподвижно, голая, с нелепо разбросанными руками и ногами. Вероника была без сознания.

Вряд ли я смогу подобрать слова, чтобы описать охвативший меня ужас. С детства воспитанный в глубоком уважении к женщинам, я даже представить себе не мог, что когда-нибудь окажусь способным поднять руку на одну из них. И все-таки это произошло. Я представил, что сказала бы мама и дирекция школы, увидев меня наедине с обнаженной, находящейся без сознания девицей.

Взвыв от ужаса, я ринулся прочь от этого кошмарного места по самому кратчайшему пути – через окно. Высадив своим телом деревянную раму вместе со стеклами, я, как ковбой, вылетающий из окна салуна, кувыркнулся по земле, и, не чувствуя под собой ног, помчался прочь, не разбирая дороги.

Очнулся я лишь у памятника Ленину. Организм уже не выдерживал темпа бешеного галопа, и я, задыхаясь, перешел на быстрый шаг.

Способность соображать постепенно возвращалась. Переживая вновь роковые события, я уже и сам удивлялся тому, что натворил. Мне вспомнилось соблазнительное тело Вероники, которое по горячке я так и не сумел рассмотреть, и которое теперь стояло у меня перед глазами, как навязчивая картинка из «Плейбоя». Видимо, все дело было в испуге от внезапного нападения, к которому я совершенно не был готов. При мысли об упущенной возможности, я сжал зубы и тихо застонал. Вероника была даже красивее, чем Таня. Не знаю почему, но она хотела меня, а я что натворил!

– Это же надо быть такой дурой – ни с того ни с сего набрасываться на человека! – обиженно подумал я. – Можно ведь было сначала поговорить по-людски, а так – чего добились? Валяется там на кровати, как куль с мякиной.

Погуляв еще часика полтора, чтобы окончательно успокоиться, я решил забыть все происшедшее, как страшный сон, надеясь что мне больше никогда не доведется увидеть эту чересчур темпераментную амазонку.

К сожалению, я ошибался. Проигранная бутылка коньяка, а, главное, ущемленное самолюбие доселе не знавшей мужского сопротивления девицы требовали быстрого и жестокого отмщения. И оно не замедлило последовать, по воле благосклонной ко мне судьбы превратившись, буквально чудом, в веселый фарс.

В книге "Тайное учение даосских воинов" я уже упоминал о страсти местной молодежи к дракам на танцплощадках. Танцплощадка, которую все, уж не знаю почему, называли «Ямой», находилась в центральном парке, и я в школьные годы частенько бывал на ней, правда не для того, чтобы потанцевать. Я ожидал захватывающего момента очередной драки между вечно враждующими группировками подростков, чтобы по бодрящему крику: "наших бьют" включиться в общее веселье,

Накануне вечером меня вызвал во двор некто Киля или Килька, один из заводил и заядлых драчунов нашей дружной когорты.

– Ты представляешь, вчера эти гады Васю отделали, – размахивая руками и брызгая слюной от возбуждения, возмущался он. – На Ваське просто живого места не было! Собираемся завтра на танцплощадке. Мы им еще покажем, кто кого. Будут знать, как наших бить.

Скорее из любви к искусству, чем из желания отомстить за избитого Васю, который, по моему мнению, давно напрашивался на неприятности, я точно в назначенный час явился на танцплощадку. Наши уже были в сборе и с нетерпением ожидали часа «икс», то есть вопля: "наших бьют", незаметно рассредоточившись по самой танцплощадке и ее ближайшим окрестностям.

Я стоял снаружи, ожидая появления недругов, но они то ли опаздывали, то ли ре-

шили вообще не приходить, убоявшись мести за обиженного Васю.

Красные «Жигули» съехали с дорожки и затормозили недалеко от меня.

Я удивился. Машинам въезд в парк был запрещен.

– Может, милиция? – подумал я. В присутствии милиции я драться не собирался. Из машины, неторопливо и степенно, как мафиози из итальянских фильмов, выбрались четверо здоровенных парней лет двадцати-двадцати пяти. Затем на траву опустились стройные ножки в изящных туфлях на высоком каблуке, и моему удивленному взгляду предстала Вероника, одетая, как секс-бомба – гроза всех мужчин. На ее лице сияла торжествующая улыбка, в глазах сверкала жажда мести.

– Вот он, – сказала она, величественным, но, по моему мнению, чересчур театральным жестом указывая на меня своим гориллам.

Те, так же степенно и неторопливо, двинулись ко мне с самым недвусмысленным видом, рассредотачиваясь, чтобы окружить меня с четырех сторон.

Я замер на месте, не зная, что делать. Естественно, первым моим импульсом было бежать, но этого мне не позволяла дурацкая гордость. С другой стороны, судя по их многообещающему виду, драка с вероникиными поклонниками обещала быть нешуточной. Мне на ум в очередной раз пришли мама, школа и милиция, и тут судьба в лице расстроенного отсутствием соперников Кильки пришла мне на помощь. По воле случая, он оказался точно посередине между мной и подъехавшей машиной и сориентировался в ситуации гораздо быстрее, чем я,

– Наших бьют! – взвился над площадкой долгожданный крик, и я, так и не успев пошевелиться, увидел, как наша застоявшаяся в бездействии боевая единица дружно бросилась на врага.

Темные быстрые тени перескакивали через ограду танцплощадки, выбегали через дверь, появлялись откуда-то из-за кустов...

Каких-то жалких четыре противника для такого скопления жаждущего отмщения за Васю народа – это же просто насмешка!

Пытаясь хотя бы раз заехать по морде ненавистному врагу, группа поддержки мгновенно погребла дружков Вероники под грудой орущих и дергающихся тел.

Сама же вдохновительница мщения смотрела на крах своей армии с высокомерием, в котором дозировано сочетались презрение и отвращение. Криво усмехнувшись, она села за руль машины, и, резко газанув, укатила, оставив четверку страдалцев на произвол судьбы.

На их счастье, почти тут же подросла милиция, вспугнув драчунов переливистыми трелями свистков. Все бросились врассыпную, милиционеры азартно рванули вдогонку. На меня представители власти не обратили никакого внимания, потому что я как стоял, так и продолжал спокойно стоять, с интересом разглядывая мечущихся туда-сюда друзей и преследующих их милиционеров. Потом я повернулся и неторопливо направился домой, на сей раз уже уверенный, что это еще далеко не последняя встреча с мстительной симферопольской амазонкой. На этот раз я не ошибся.

Я шел по парку Гагарина, глубоко погружившись в свои мысли. Близились выпускные экзамены, а уровень моих познаний, к сожалению, оставлял желать лучшего.

Мой рассеянно блуждающий взгляд остановился на стройных женских ножках, изящество которых выгодно подчеркивал примостившийся рядом громадный угольно-черный дог. Я всегда питал слабость к собакам, и, залюбовавшись этим молодым красавцем, который, даже спокойно сидя у ног хозяйки, явно давал понять, что связываться с ним не стоит, не сразу сообразил поинтересоваться, является ли лицо владелицы дога столь же отрядным зрелищем, как и ее лодыжки.

Закончив созерцание собаки, я перевел глаза вверх и замер от удивления, встретившись взглядом с Вероникой. Ее миловидное личико искажала леденящая сердце торжествующая усмешка. Не веря своим глазам, я наблюдал, как она демонстративно медленно отстегнула карабин поводка и коротко скомандовала:

– Взять!

Собака и я взвились в воздух одновременно. Инстинкт самосохранения не подвел меня и на этот раз, и я ухитрился почти без усилий перемахнуть через двухметровый каменный забор, отделявший парк от дворика с каким-то небольшим административным зданием – кажется, агитпунктом.

Падая, я поцарапался о росшие во дворе кусты, но тут же вскочил на ноги, прикидывая, куда бежать, и в этот момент над забором показалась оскаленная морда дога. Еще мгновение – и громадный пес, перемахнув через препятствие, бросился на меня, нацеливаясь в горло.

У меня не было шанса уклониться или убежать, и единственное, что я смог сделать – это намертво вцепиться обеими руками в кожу под ушами собаки, удерживая ее морду так, чтобы пес не мог впиться в меня зубами.

Толчок мощных лап опрокинул меня на землю, и мы закатились за кусты. Я ухитрился обвить туловище собаки ногами, удерживая его изо всех сил. Лапы дога раздирали мне кожу, но я был так напуган, что ничего не чувствовал, главное – пока мне удавалось удерживать его.

Потом, вспоминая эту ситуацию, я неоднократно мысленно благодарил моего тренера по дзю-до Игоря Васильевича Бощенко. Как раз в то время он показал мне технику удушения ногами, и я, собрав все свои силы, отчаянно сжал бедрами извивающееся тело собаки. Ее дыхание участилось, сделавшись хриплым. Падающая изо рта слюна заливала мне грудь, судорожные биения лап постепенно затихали. Еще немного – и тело дога бесильно обмякло в моих руках. Он был мертв.

С трудом расцепив онемевшие от напряжения ноги, я встал на четвереньки, медленно приходя в себя. Недалеко я увидел калитку, ведущую на улицу. Еще не полностью соображая, что и как, я буквально ползком добрался до ее и, только оказавшись на улице, поднялся на ноги.

Желая узнать, чем сейчас занимается Вероника, я обогнул ограду и вошел в парк. Несостоявшаяся убийца висела на заборе, вглядываясь в густые кусты, скрывшие от нее тело собаки. Она звала дога, и в голосе ее звучали испуганные нотки.

Увлеченная этим занятием, Вероника не заметила, как я оказался у нее за спиной. Схватив ее за изящные лодыжки, я резким движением перекинул девушку через забор. Я был так зол, что в данный момент меня не волновало даже если бы она сломала себе шею. Раздавшийся с другой стороны вскрик свидетельствовал о том, что она осталась жива.

Я развернулся и побежал домой. Меня терзало запоздалое раскаяние. Было что-то ужасно несправедливое в том, что прекрасный молодой пес заплатил жизнью за глупые выкрутасы своей мстительной хозяйки. Я понимал, что у меня не было выбора. Я не смог бы удерживать его слишком долго, и, если бы я его не удушил, пес почти наверняка убил бы меня или, в лучшем случае, очень сильно покалечил. Я надеялся, что эта история послужит, наконец, Веронике уроком, и она отвяжется от меня.

Столь бурный, но несколько разочаровывающий опыт общения с представительницами прекрасного пола отбил у меня охоту к дальнейшим приключениям, и когда, спокойно прогуливаясь по Пушкинской улице, я ощутил толчок в спину и понял, что гибкое женское тело прильнуло ко мне, обвивая за шею руками, я вновь испытал то же самое чувство, что и в квартире Вероники, когда та, голая, набросилась на меня, и едва удержался от инстинктивного импульса ударить или оттолкнуть очередную навязчивую незнакомку.

Прочитав на моем лице откровенную злость, девушка слегка отодвинулась, и я резким движением высвободился из ее объятий.

– Что тебе надо? – не очень вежливо спросил я. Я не хотел новых проблем. Единственное, что мне было нужно – это чтобы женщины оставили меня в покое.

– Извини, я не думала, что ты так отреагируешь, – сказала девушка, видимо не привыкшая к тому, что мужчины вырываются из ее объятий. – Ты не знаешь меня, но я тебя знаю уже давно. Я Аня, подруга Тани. Когда-то Таня издала показывала мне тебя, и ты мне очень понравился, но тогда я не могла даже попытаться познакомиться с тобой, потому что не хотела перебегать дорогу подруге.

– Вряд ли бы тебе удалось перебежать ей дорогу, – хмуро сказал я. – Таня неплохо повеселилась на мой счет и исчезла, не оставив ни ответа, ни привета. По правде говоря, я не хочу даже слышать о ней.

Глаза Ани округлились от удивления.

– Так ты что, ничего не знаешь? – спросила она с какой-то странной интонацией, на которую я, раздраженный ковырянием в старой ране, не обратил внимания.

– А что я должен знать? – поинтересовался я. – Твоя подруга назначила мне свиданье.

ние и так и не появилась. С тех пор о ней ни слуха, ни духа.

– Таню убили, – тихо сказала Аня. – Она не пришла на свидание с тобой потому, что уже не могла этого сделать. Я оторопел.

– Убили? – недоверчиво спросил я.

– А ты действительно ничего не знал? – в свою очередь переспросила Аня.

– У меня не было ее телефона, – растерянно объяснил я. – Я не знал, где ее найти. Я думал, она меня бросила. Как это случилось?

– Ей отрезали голову, – с еще не утихшей болью в голосе сказала Аня. – Тело вместе с головой бросили на железнодорожное полотно, видимо надеясь, что его переедет поезд. Я точно не знаю, что произошло, но по-моему Таня каким-то образом оказалась замешана в криминальные разборки. Она туманно намекала на какие-то тайны, что ей грозит опасность, но я не обращала внимания, думая что это – просто фантазии.

Захлестнувшее меня чувство вины и стыда почти заставило меня застонать от горя. За эти месяцы чего я только не передумал о Тане, обвиняя ее во всех смертных грехах, а она, не сделав мне ничего плохого, закончила жизнь на железнодорожных путях с отрезанной и отброшенной в сторону головой.

Мне было так плохо, что я чувствовал, что просто не в силах продолжать разговор,

– Извини, но мне нужно домой, – сказал я. Аня, казалось, понимала мое состояние.

– Мы могли бы встретиться еще раз? – спросила она.

– Да. Только не сегодня, – сказал я, нетвердой рукой выводя на обрывке бумаги номер своего телефона.

Мы с Аней начали встречаться. Она нравилась мне, но, похоже, я нравился ей гораздо больше. Больше всего меня поражал в Ане ее типично мужской стиль поведения.

Принимая участие в "мужских разговорах" со школьными товарищами, я приобщался вековому опыту оболыщения женского пола.

– Если ты идешь с девушкой по дороге, – говорил один знаток, – и видишь перед собой крышку канализационного люка, – обними ее за талию и скажи: "Осторожно, не споткнись. Там канализационный люк".

– Если ты переходишь с девушкой дорогу, возьми ее за руку, и скажи: "Осторожно, не споткнись о край тротуара", – добавлял другой.

– Если ты сидишь с девушкой в кино, обними ее и положи руку ей на плечо, – советовал третий.

Словно подслушав наши разговоры, Аня, заведя канализационный люк, обнимала меня за талию, говоря:

– Не споткнись, дорогой. Там канализационный люк. При переходе через улицу она заботливо брала меня за руку, напоминая:

– Осторожно. Не споткнись о край тротуара.

Во время киносеансов она неизменно проявляла инициативу, обнимая меня и кладя руку мне на плечо.

Хотя и без всех этих ухищрений я испытывал к Ане довольно сильное влечение, воспоминания о Тане продолжали меня терзать безотчетным чувством вины, и в глубине души я не мог предать ее память, заведя роман с ее лучшей подругой.

Постепенно наши отношения сошли на нет, оставив в моей душе смутное чувство печали, вины и сожаления.

Вот, пожалуй, и все, – закончил я. – Наверное, можно было бы вспомнить еще что-то, но это будет уже позже и не оставит в моей душе такого глубокого следа.

– Для начала этого достаточно, – сказала Лин. – Уже слишком поздно, и, прежде, чем начать перестраивать кирпичики твоей модели мира, нам обоим нужно отдохнуть.

Только сейчас я заметил, что за небольшим окошком времянки уже сгустилась и налилась чернотой ночь без луны и звезд. Воздух был влажным, и ощущение хотя и невидимых в темноте, нависших над крышей нашего убежища туч, смутно ассоциировалось с тревожащим и печальным чувством, навеянным воспоминаниями.

Кореянка мягким, но решительным жестом уложила меня на кровать. Скользнув ко мне под покрывало, она обняла меня, прижавшись всем телом.

– Завтра будет новый день, – шепнула она, – и завтра ты станешь другим. У тебя осталась только одна ночь, чтобы попрощаться со своими старыми воспоминаниями.

– Что ты имеешь в виду? – спросил я. – Ты собираешься стереть мою память?

– Какой ты любопытный! – усмехнулась Лин. – Твое настороженное отношение к женщинам звучит даже в этом вопросе. Это лишь в ЦРУ лишают людей памяти ради достижения нужных результатов. Спокойные не стирают воспоминания. Они лишь меняют фокус внимания, перестраивая их таким образом, чтобы соответствующий кирпичик модели мира прочно встал на свое место и принял нормальную форму.

– А нельзя ли чуть-чуть подробнее? – попросил я.

– Нельзя, – отрезала Лин. – Завтра, значит завтра. Спешка укорачивает жизнь.

Я попытался заснуть, но сон не приходил.

Мое тело автоматически меняло позиции, когда это делала Лин, потом она, как обычно, откатилась от меня на другой край постели.

Я погрузился в тревожную полудрему, наполненную кошмарами. Мне снилось тело Тани, лежащее на железнодорожных путях, поезд, неотвратно надвигающийся и перемалывающий его колесами и окровавленная голова, скатывающаяся под откос.

Эти видения сменились сценой в доме Вероники. На этот раз обнаженная девушка подкрадывалась ко мне с огромным кухонным ножом, и я, в последний момент заметив опасность, ударил ее изо всех сил, спасая свою жизнь.

Она вновь лежала на кровати, но на этот раз у нее изо рта и ушей текла кровь, и я не знал, жива она или уже мертва.

Видимо, я закричал во сне, потому что Лин проснулась и пододвинулась ко мне.

– Спи, – прошептала она. – Не позволяй воспоминаниям мучить тебя.

Я почувствовал ее тепло. Она была реальна, и она находилась рядом со мной. Все остальное не имело значения.

Глава 11

– Говоря о кирпичиках модели мира, – сказала Лин, – Спокойные подразумевают нечто, в большей мере поддающееся осмыслению и осознанию на интуитивном уровне, познающееся через медитации, относящиеся к упражнениям нити жизни.

Однако прежде чем переходить к интуитивному осознанию этого понятия, надо попытаться дать ему словесное описание, если и не совсем точное, то хотя бы достаточно приближенное.

Итак, каждый кирпичик, заложенный в здание твоей модели мира – это конгломерат, состоящий из установок, убеждений, вынесенных на основе какого-то прошлого опыта, и условных рефлексов, вызывающих к жизни специфические впечатления и чувства в ситуациях, чем-то напоминающих опыт, на основе которого сформировался данный кирпичик. В него же входят записанные и закрепленные в подсознании чувства, ощущения, воспоминания, личная подсознательная интерпретация заложенного в его основание опыта, произведенная на базе ранее сформированных кирпичиков модели мира, и многое другое.

Кирпичик модели мира можно сравнить с детским конструктором из разноцветных одинаковой формы пластмассовых частей, которые соединяются друг с другом и из которых можно создавать всевозможные формы. В руках одного ребенка эта игрушка превращается в красивую гармоничную конструкцию с удачно сочетающимися цветами ее деталей, а творение другого ребенка вполне может выглядеть монстром формы и цвета.

Подсознание человека закладывает кирпичики в основание его модели мира с самого его рождения, и чем удачнее получаются первые кирпичики, тем больше шансов, что и последующие, формирующиеся во многом не только на конкретном опыте, но и на всем предыдущем здании, тоже окажутся достаточно гармоничными и устойчивыми.

Кирпичик каждого опыта создается в первую очередь концентрацией внимания на каких-то частях этого опыта, а концентрация внимания достигается за счет обостренности чувств и впечатлений.

Вспомни о своем опыте с Таней. Сосредоточься на нем. В твоих воспоминаниях наиболее ярким будет именно то, что в наибольшей степени привлекло твое внимание. Расскажи мне о своих чувствах и вообще, обо всем, что ты вспомнишь.

После кошмаров предыдущей ночи вернуться к воспоминаниям о Тане оказалось слишком легко. Я прикрыл глаза и погрузился в медитацию воспоминаний. Прошлое вновь захлестнуло меня,

Я ощущал прикосновения ее тела, словно она вновь обнимала меня, и свое собственное смущение и неловкость от отсутствия опыта в подобных ситуациях и своей неподобающей мужчине нере-

шительности. Мое тело вновь откликнулось на присутствие женщины первыми яркими и сильными, но слишком непривычными реакциями, и к радости и возбуждению от общения примешивался страх совершить ошибку, сделать что-то не так.

Я видел смутные обрывки проплывающих перед глазами картин – смеющееся Танино лицо, когда она целует меня, забавляясь над моим смущением, слышал ее смех и какие-то милые забавные фразы, которыми она поддразнивала меня, подшучивая над моей неопытностью, столь неподходящей парню моего роста и сложения.

С каждой новой встречей моя уверенность в себе росла, и вместе с ней росла моя привязанность к Тане. Я уже успел изучить реакции своего тела, больше не удивлялся им и перестал чувствовать смущение.

Избавившись от поглощенности собственными ощущениями, я уже мог обращать больше внимания на Таню, изучая ее, привыкая к ней, начиная ее понимать и доверять ей. Рядом с ней я выросл на глазах, уже почти без страха готовясь к тому, чтобы впервые познать любимую женщину и из мальчишки превратиться в мужчину.

Потом я вспомнил, как ждал ее у сарая, постепенно приходя к выводу, что она не придет. Уверенный в ней, я решил тогда, что что-то случилось, что-то, что помешало нашему свиданию. Дни шли, а Таня не объявлялась. Я уже понял, что она больше не позвонит, и боль разочарования была почти нестерпимой. Моя первая женщина меня обманула, и я не понимал, зачем ей это было нужно.

– Почувствуй кирпичик, построенный на этом опыте, – услышал я голос Лин. – Он некое целостное образование, хранящееся в твоей душе, но о существовании которого ты никогда раньше не отдавал себе отчета. Сейчас ты должен осознать его в медитации и понять, из чего соткана его структура.

Я сосредоточился, переводя медитацию воспоминаний в медитацию осознания. Таня отступила на задний план, и где-то внутри меня начал формироваться тяжелый, увеличивающийся в размерах шар. Этот шар казался живым и независимым от меня и моего сознания. Он существовал сам по себе, и под его замкнутой оболочкой угадывалась какая-то напряженная жизнь, напряженное движение. В нем были заключены чувства и мысли, видения и звуки.

Шар словно хотел передать мне что-то, сообщить нечто очень важное, и мне казалось, что в нем заключено некое откровение, близкое к озарению, которое вот-вот откроет мне великую истину, и в то же время что-то во мне сопротивлялось, не желая знать того, что мог сообщить мне шар. Я погрузился во внутреннюю борьбу, и, видимо, это отразилось на моем лице.

Я почувствовал, как рука Лин мягко легла мне на плечо. – Не отвергай эту часть себя, – сказала она. – Даже если ты узнаешь то, что тебе неприятно, это не имеет значения. Достаточно лишь отключиться от чувств и стать чистым сознанием, чтобы то, что происходит, перестало тебя волновать. Этот кирпичик – не ты, а всего лишь неправильно интерпретированная и интегрированная в твою личность часть травмирующего опыта. Нет смысла бороться с ней, отрицая ее. Так она никуда не исчезнет.

Воин жизни осознать и признает деформированные кирпичики своей личности, а потом он избавляется от деформации, перестраивая их в позитивные и жизнеутверждающие единицы осознания.

Войди внутрь того, что ты не хочешь признать, и о чем ты не хочешь вспоминать. Будь только осознанием, наблюдающим то, что находится там. Отключи свои чувства.

Двумя руками я прогладил лицо жестом «спокойствие», и это действие почти мгновенно вернуло мне состояние отрешенности. Я снова почувствовал в себе стороннего наблюдателя, и то, что происходит, стало для меня всего лишь очередным упражнением вроде тренировки с Учителем по преодолению боли. Если мне удавалось переносить сильнейшую физическую боль, разве могли испугать меня кирпичики тяжелых воспоминаний?

Мое сознание сконцентрировалось, превратившись в нож или стрелу, и это острое сознания вонзилось в темную массу шара, давящего меня изнутри.

Что-то взорвалось во мне, и я увидел себя раздвоившимся. Одной моей частью был сторонний наблюдатель, а другим – я сам, отождествившийся с тем самым кирпичиком моей личности. Мое второе «я» не очень-то нравилось мне.

– Женщины – проклятые лгуны, им нельзя доверять, – сказал я неприятным, искаженным от ненависти голосом.

– Это установка, – спокойно сказала Лин. – Иди дальше.

– Они агрессивны. Они навязываются тебе, чтобы затем причинить боль и посмеяться над тобой. Если я снова свяжусь с женщиной, она опять причинит мне боль. Я не должен этого допустить.

– Это уже убеждение, – сказала кореянка. – Теперь обратись к своим чувствам

– Мне больно, – сказал я. – Я не заслужил этого. Я любил ее. Я не сделал ей ничего плохого. Она не имела права так поступать со мной. Я обижен, разочарован и зол.

– Твоя реакция?

– Мне хочется плакать, но я знаю, что я не должен плакать, потому что я мужчина. Было бы унижительно проливать слезы из-за обманувшей меня девицы.

– И как ты справляешься с болью?

– У меня достаточно сильная воля, чтобы контролировать себя. Это было тяжело, но все должно уйти в прошлое. Я забуду о Тане и забуду о боли, которую испытал по ее вине. В жизни есть слишком много приятных вещей, которые стоят моего внимания и которые позволят мне забыть о своей душевной травме.

– Какие ты делаешь выводы?

– Я извлек из истории с Таней хороший урок. Я больше никогда не позволю женщине причинить мне страдания. Я не допущу, чтобы мои чувства к женщине стали настолько сильны, чтобы ее поведение смогло травмировать меня.

– Теперь выйди из этого кирпичика твоей модели мира, который мы условно назовем "первым кирпичиком Тани" в позицию стороннего наблюдателя, – предложила корейка.

Я знал, какую технику нужно было выполнить для подобного перехода. Учитель не раз использовал ее в упражнениях по расширению, сужению и разделению сознания.

На миг у меня перед глазами потемнело, и я почувствовал, как мое тело и сознание темным бесплотным вихрем скользнули в какую-то иную позицию. Теперь я был отрешенным наблюдателем, изучающим "первый кирпичик Тани" со стороны.

– Что ты можешь сказать по поводу того, что пережил, находясь в "кирпичике"? – спросила Лин.

– Странно, – сказал я. – Я ведь прекрасно знаю, что Таня не собиралась меня обмануть, что она ни в чем не виновата, но продолжаю реагировать так, как если бы она меня действительно обманула. Это же абсурд. Такого просто не должно быть.

– В этом и заключается ловушка человеческого сознания и восприятия, – объяснила корейка. – Построение модели мира подчиняется не логике и здравому смыслу, а совсем иным законам. Ее формируют чувства, а не разум, и убеждения, возникающие в первую очередь на основе личного чувственного опыта, а не на логических заключениях.

Для твоей модели мира неважно – была виновата Таня или нет. Главным было то, что женщина причинила тебе боль, и в твою модель мира заложился кирпичик опыта, предназначенный для защиты тебя от подобной боли любой ценой, даже если эта защита обойдется тебе гораздо дороже, чем возможные страдания, которые могла бы тебе причинить другая женщина. Чувства не способны рассчитывать и рассуждать. У них иное предназначение. Чувственный опыт позволяет человеку на инстинктивном уровне понять, что для него хорошо, а что плохо, что нужно для его выживания и преуспевания, а что может раздавить и уничтожить его. Механизм чувств – великолепный механизм, но, к сожалению, он не совершенен.

Если ребенок сунет руку в огонь, он почувствует боль.

Этот опыт заложит в его модель мира крошечный кирпичик рефлексов и убеждений, который впредь заставит ребенка остерегаться огня не только на сознательном, но и на подсознательном уровне. В данном случае механизм чувственного формирования кирпичиков модели мира оказывает ребенку услугу.

В твоём опыте с Таней ты испытал гораздо более сильную боль, чем боль от ожога. Было бы логично сделать заключение, что доверять Тане опасно, ведь это именно она причинила тебе боль, а не какая-то другая женщина. Но механизм действия кирпичиков модели мира заключается именно в обобщении опыта и, в соответствии с этим обобщением, к выработке защитного механизма. Если бы опыт не обобщался, то ребенок мог бы заключить, что опасно совать руку именно в этот конкретный костер, но можно безбоязненно трогать пламя свечи или газовой горелки. Несовершенство чувственного формирования кирпичиков модели мира заключается как раз в невозможности избежать обобщений, которые иногда оказываются с точки зрения разума даже более, чем абсурдными, и, в результате, могут причинить человеку гораздо больше страданий, чем само событие, послужившее толчком к формированию убеждения, которое легло в основу очередного кирпичика модели мира.

– У моих друзей есть собака, – сказал я. – которую когда-то ударил метлой дворник, одетый в телогрейку. С тех пор она ненавидит всех людей, которые носят телогрейки или которые держат в руках метлу. Завидев подобного человека, она лает, как безумная, на всякий случай находясь на безопасном расстоянии и поближе к хозяину.

– В своих реакциях люди недалеко ушли от животных, – сказала Лин. – Хотя наиболее разумные из них и пытаются погасить подобные реакции, основанные на сделанных когда-то неправильных обобщениях, им, как в твоем случае общения с женщинами, удастся лишь подавлять свои защитные рефлексy и до поры до времени не замечать их, но сам внутренний конфликт от этого не исчезает, и огромное количество энергии расходуется впустую, подтачивая организм и постепенно разрушая здоровье человека. А теперь давай посмотрим, как негативный опыт с Таней повлиял на твою первую встречу с Вероникой. Оставь позицию стороннего наблюдателя и вернись в медитации воспоминаний на нить твоей жизни к моменту разочарования от предательства Тани.

Я выполнил это, и чувство боли, обиды и злости снова захватили меня, правда, теперь уже с меньшей силой, чем когда я находился непосредственно в "первом кирпичике Тани".

– Не старайся подавить эти чувства и избавиться от них, услышал я голос возлюбленной. – Не повторяй ошибку, которую ты когда-то совершил. Двигайся вперед по нити жизни к моменту, когда голая Вероника набросилась на тебя.

Я сделал то, что она просила. Неясные образы и ощущения проносились мимо и исчезали где-то позади, пока я двигался сквозь время. Потом я очутился в комнате Вероники, ожидая, пока странная девушка объяснит мне, какие проблемы связаны с моей матерью.

– В нужный момент останови время, – сказала корейка. – Это даст тебе возможность увидеть скрытые мотивы твоего поведения и вспомнить детали, которое сознание стерло из твоей памяти, чтобы защитить тебя от угрызений совести и внутренних конфликтов.

Вероника была уже в комнате, и через мгновение она бросилась на меня, целуя и шаря руками по моему телу.

Я остановил, вернее, замедлил время, так как полностью остановить его мне не удалось, как раз в тот момент, когда я оторвал девушку от себя и ударил ее. Теперь я точно знал, что я именно ударил ее, а не только оттолкнул.

– Что ты чувствуешь? – откуда-то издали донесся до меня голос корейки.

– Это ужасная женщина, – изменившимся до неузнаваемости голосом пробормотал я. – Она еще хуже и агрессивней, чем Таня. Она обманом заманила меня сюда, и она набросилась на меня, даже не интересуясь моими желаниями. Она отвратительна и опасна. Она хочет причинить мне вред. Я ненавижу ее и боюсь. Я ненавижу ее еще больше за тот страх и отвращение, которые она мне внушает. Я должен защищаться. Я должен выбраться отсюда любой ценой.

– Сдвинься чуть-чуть дальше по линии времени, – сказала Лин. – Что ты видишь и чувствуешь сейчас?

– Она лежит на кровати. Какой кошмар, похоже, она без сознания. Неужели это я ее ударил? Я бы никогда не смог ударить женщину. Зачем она все это сделала? Мне страшно, противно и страшно. Противно от ее поведения и от себя самого. Я не хотел ее бить. Я всегда относился к женщинам с уважением. Она лишила меня этого уважения. Мне отвратителен сам факт, что женщина может быть такой.

– А теперь ты должен увидеть еще один кирпичик твоей модели мира, который мы назовем "первым кирпичиком Вероники". Какое убеждение и какое обобщение заключено в нем?

Я прислушался к своим ощущениям, и снов а почувствовал как очередной кирпичик убеждений увеличивающимся в размерах шаром наливается тяжестью внутри меня. Все во мне протестовало, не желая принимать, не желая признавать его, отказываясь видеть то, что заключалось под его оболочкой.

– Войди в него, – мягко сказала Лин. – Пока это лишь темная часть тебя самого, и естественно, что тебе неприятно заглядывать в то, что ты не хотел бы признавать, но, поверь, когда мы закончим упражнения, все изменится. Ты сможешь смотреть на эту часть здания твоей модели мира без боли и отвращения.

Отвращение, пожалуй, было слишком мягким словом для того, чтобы описать мои ощущения, когда я вошел в "первый кирпичик Вероники". Она довершила дело, начатое Таней, разрушив с детства укоренившееся в моей душе прекрасное, пусть и чересчур идеализированное представление о женщине и возлюбленной.

Жизнь с моей матерью и, особенно, сестрой, научила меня тому, что женщины могут быть сварливыми, капризными, нетерпимыми и скандальными, но в то же время, все их отрицательные качества компенсировались в моем воображении добрым и щедрым сердцем, благородством души и глубоким чувством собственного достоинства. В том, чтобы заманить в дом совершенно незнакомого школьника и бросаться на него, раздевшись догола, было, по моему первому ощущению, нечто столь унижительное и отвратительное для всего женского рода, что меня чуть не стошнило от обиды, раз-

очарования и отвращения.

– Мне противна Вероника, противна до тошноты, – сказал я. – Меня пугает до безумия сама ситуация, когда я оказался запертым в комнате с голой, находящейся в бессознательном состоянии девушкой.

– Какие выводы ты делаешь из этой ситуации?

– Женщины отвратительны и опасны. Я должен быть достаточно умен, чтобы больше никогда не позволить им заманить меня в ловушку и обмануть меня. Я не позволю им пользоваться мной. Я никогда не буду пешкой в их игре.

– Хорошо, – сказала корейка. – А теперь переместись в позицию стороннего наблюдателя.

Я помассировал онемевшую от напряжения шею. Тело казалось неуклюжим и одревеневшим, как после долгого вынужденного сидения в неудобной позе. На смену эмоциональному напряжению пришло безразличие усталости.

– А это занятие прилично выматывает, – пожаловался я. – Не очень-то приятно сталкиваться лицом к лицу с правдой о своих убеждениях и скрытых мотивах своего поведения.

– Твои искаженные кирпичики модели мира – это еще цветочки, – ободряюще улыбнулась Лин. – Если бы ты знал, какие сюрпризы можно обнаружить в модели мира обычного среднего европейца, ты бы действительно ужаснулся. В негармоничных моделях мира, как и в болезни, мало привлекательности, но болезни можно лечить, а модели мира можно исправлять, так что к подобным вещам нужно относиться с мудростью и пониманием. Ложись на кровать. Я сделаю тебе массаж, и мы продолжим наши игры.

Я обнял возлюбленную, притягивая ее к себе, и мы оба опрокинулись на кровать. Ощущение ее сильного, горячего тела немедленно пробудило во мне вихрь оргазмических ощущений, оживляющих меня и наполняющих новой силой и энергией. Юношеские травмы ушли куда-то далеко, и сейчас мне казалось невероятным, что я был способен испытывать к женщинам такой впечатляющий спектр негативных чувств.

– Когда ты рядом, все женщины мира кажутся мне прекрасными, – сказал я.

– Ты опять обобщаешь, – рассмеялась корейка. – Похоже, ты не жить не можешь без этого.

После непродолжительного, но окончательно взбодрившего меня массажа мы вновь приступили к занятиям.

– Мы на время отложим исследование новых искаженных кирпичиков твоей модели мира и попробуем привести в состояние, приближающееся к норме уже известные нам, – сказала Лин. – Начнем с "первого кирпичика Тани".

– Что ты имеешь в виду под приведением в норму? – спросил я. – Разве для кирпичиков модели мира существует какая-то универсальная норма?

– В данном случае это такая же норма, как и норма в состоянии здоровья. Если каждый орган, каждая клеточка функционируют исправно, не нарушая общую картину здоровья человеческого организма, то говорят, что сами органы и организм в целом находятся в норме, то есть здоровы.

Кирпичики модели мира – это своеобразные клеточки психического организма человека. Если каждая такая клеточка функционирует нормально, то психический организм человека способен хорошо адаптироваться к внешним условиям и возникающим ситуациям, и человек может действовать адекватно обстоятельствам, выбирая наиболее оптимальные варианты поведения. Но если убеждения и программы, записанные в кирпичиках модели мира, мешают человеку адекватно реагировать на ситуацию, приспосабливаться к ней и действовать наилучшим образом, это значит, что эти кирпичики отклоняются от нормы, и для их восстановления необходимо соответствующее "лечение".

– В чем оно заключается? – спросил я.

– Самая трудная задача – это отыскивать искаженные кирпичики и формирующие их убеждения. Обычно возникновение таких кирпичиков связано с травмирующими ситуациями, которые за счет защитной реакции психики вытесняются в подсознание, и человек оказывается просто не способен их осознать и принять как часть самого себя.

Если искаженных кирпичиков мало, то человек может казаться вполне благополучным, уравновешенным и гармоничным. В случае же, когда значительная часть здания модели мира подвержена искажениям, личность человека как бы разделяется на «светлую» – принимаемую и осознаваемую сторону и "темную сторону", проявления которой человек не может не замечать, но наличие которой как части своей личности он категорически отвергает. В подобном случае он может произносить фразы типа: "что-то заставило меня сделать это" или "что-то заставляет меня испытывать отчаяние" или "я хочу радоваться жизни, но какая-то тяжесть в моей душе не позволяет мне испытывать радость". О наличии «темной» стороны всегда свидетельствуют высказывания о чем-то в самом чело-

веке, не являющимся этим человеком.

Встречаются ситуации, когда человек пытается отрицать даже не часть своей личности, а какие-то части или функции своего организма, как бы отделяя их от себя самого. Например девушка впервые приходит в ресторан с понравившимся ей молодым человеком, они мило беседуют, и тут ей нестерпимо хочется пойти в туалет, но она по каким-то причинам стесняется сделать это. Вполне возможно, что она подумает что-то вроде этого: "ну почему этот проклятый мочевого пузырь подводит меня в самый неподходящий момент, хотя обычно он ведет себя вполне нормально? Я хочу быть с моим другом и выглядеть в лучшем свете. Почему это должно было случиться со мной?"

В подобном внутреннем монологе девушка отделяет свой мочевого пузырь от себя самой, воспринимая его как самостоятельный и чуть ли не враждебно настроенный орган, который может испортить ее свидание. Если бы в соответствующих кирпичиках ее модели мира все было в порядке, она бы спокойно и с пониманием отнеслась к потребностям собственного организма, считая вполне естественным, что если бы ее спутнику понадобилось облегчиться, он бы сделал это, не опасаясь произвести на нее плохое впечатление.

В случае, если наша воображаемая девушка все-таки пойдет в туалет, и молодой человек отреагирует насмешкой, или если ей покажется, что он так реагирует, стереотип отделения себя от вредного мочевого пузыря может закрепиться, и один из кирпичиков ее модели мира способен настолько исказиться, что у нее возникнет невроз, при котором в присутствии симпатичных ей молодых людей она будет неизбежно хотеть пойти в туалет.

– То, что ты сказала, напомнило мне историю, которую я услышал от одной своей подруги, – перебил я кореянку. – Она говорила, что в подростковом возрасте страшно стеснялась при посторонних людях ходить в туалет. И вот однажды на день рождения ее подруги пришел исключительно красивый молодой человек, который прямо с порога, ничуть не смущаясь, с милой улыбкой попросил прощения и сказал, что ему срочно нужно пойти в туалет.

Тот факт, что ему самому и окружающим людям это показалось совершенно естественным, и никто даже не обратил на это внимания, раз и навсегда убедил мою подругу в том, что в отпущении естественных потребностей нет ничего постыдного, и она перестала стесняться ходить в туалет при посторонних.

– Фактически она объяснила тебе, как у нее сформировался правильный кирпичик модели мира, – прокомментировала Лин. – Обрати внимание, что он образовался именно за счет чувств, а не рассудка. Если бы молодой человек не произвел на твою подругу такого сильного впечатления своей красотой и обаянием, для нее бы не стал значимым тот факт, нужно или не нужно ему в туалет.

В данном случае наблюдалось наложение волны оргазмических ощущений, вызванных понравившимся объектом мужского пола, на волну оргазмических ощущений смущения и замешательства, возникших у твоей подруги, когда он попросил позволения сходить в туалет, потому что она в этот момент на какое-то время отождествила его с собой. Это положительно окрашенное эмоциональное отождествление, подкрепленное нормальной реакцией на его поведение окружающих, закрепилось, и с нужным обобщением записалось в нормальный кирпичик модели мира, создав убеждение, что ходить в туалет в присутствии других людей ни капельки не стыдно.

– Но ведь это же случайность, – воскликнул я, пораженный пришедшей мне в голову мыслью, – и это же такая мелочь! Ты хочешь сказать, что на каждую деталь поведения существует свой определяющий кирпичик модели мира, который сформировался скорее по воле случая, чем при направленном участии сознания? Сколько же тогда подобных кирпичиков заложено в здание модели мира?

– Не знаю сколько, но их действительно огромное количество, – подтвердила кореянка.

– Но в таком случае моя личность – это результат наложения множества случайностей, и если принять, что хотя бы один процент кирпичиков модели мира искажен, то сколько же времени и сил нужно потратить на то, чтобы моя модель мира стала гармоничной?

Похоже, что в моем голосе прозвучало такое безнадежное разочарование, что Лин звонко расхохоталась.

– Не драматизируй, – успокоила меня она. – Я понимаю, что для европейца немного унижительно признать, что его бесценная и уникальная личность – всего лишь плод наложения множества случайных воздействий и событий, но ведь и твое появление на свет – тоже не главное происшествие во Вселенной, что не мешает тебе, однако, быть счастливым и радоваться жизни.

С моделью мира дела тоже обстоят не так страшно, как можно было бы вообразить. Конечно, лучше всего, когда правильная и гармоничная модель мира формируется с детства, в клане подготовленных специальных образом людей, и когда малейшие искажения в мироосознании ребенка легко и безболезненно исправляются и устраняются. Но и для тебя еще не все потеряно.

Учитель уже рассказывал тебе, что учение о воинах, городах и крепостях, которое используется для укрепления и лечения тела, справедливо и для гармонизации модели мира, и для восстановления ее искаженных кирпичиков.

Отдельный составляющий элемент кирпичика модели мира можно сравнить с клеткой человеческого организма.

Если ты будешь думать о том, как вылечить каждую отдельную клетку, ты сойдешь с ума, но как клетки организма образуют отдельные специфические зоны или «города», так и кирпичики модели мира тоже по определенным признакам объединяются в зоны или «города», «поселки» и «крепости» модели мира.

Как и болезненные зоны тела, искаженные зоны модели мира откликаются на воздействие на них особыми, отличающимися от нормы реакциями. Восстановление и гармонизация модели мира происходят точно также, как и лечение и оздоровление человеческого тела, отличаясь лишь методами воздействия.

– Наверное, ты права, – сказал я, немного успокаиваясь. – Учитель действительно упоминал об этом. Странно, что мне самому не пришло это в голову. Похоже, я просто запаниковал, представив, что мне придется пройти через множество травмирующих воспоминаний, связанных с искаженными кирпичиками моей модели мира. Для меня неприятна даже память об Тане и Веронике, и мне не хотелось бы провести остаток своих дней, копаясь в собственных душевных травмах.

– Не забывай, что Спокойные предпочитают огибать препятствия и решать свои проблемы с наименьшими затратами энергии, – сказала Лин. – Поверь, все совсем не так страшно, как ты думаешь.

– Это просто с непривычки, – сказал я. – Сейчас, когда ты все объяснила, я действительно вижу значительное количество аналогий с методами, которые применял Учитель в отношении человеческого тела.

– Тогда нам пора приступить к делу, – улыбнулась моя возлюбленная. Сейчас тебе предстоит вновь вернуться в состояние, когда сформировался «первый кирпичик Тани», и завершить то, что ты тогда не завершил.

– Что именно я должен сделать? – спросил я, поскольку Лин ненадолго замолчала.

– Ты должен вернуться в прошлое и исчерпать свои чувства, перестроив ситуацию таким образом, чтобы вместе с ними изменился и кирпичик, который лег в здание твоей модели мира.

– Что значит перестроить ситуацию? – спросил я. – Я должен изменить события прошлого, представив, что все происходило не так?

– Нет, этого не требуется, хотя в некоторых случаях для гармонизации модели мира действительно используется техника «плетения нити», то есть изменения прошедших событий или добавления к своему прошлому новых, реально не имевших место воспоминаний. Эта техника во многом близка к медитациям «воспоминаний о том, чего не было», но сейчас нам не нужно изменять обстоятельства твоей жизни. Тебе будет достаточно пересмотреть их уже не глазами романтического и наивного школьника, а с точки зрения человека, следующего по пути воинов жизни. Так ты изменишь содержание кирпичика, убрав из него вредное для тебя обобщение о лживости и опасности женщин. Войди в состояние «первого кирпичика Тани».

Со вздохом я подчинился. Пережитые ощущения были слишком неприятны, и что-то во мне (наверное, моя «темная» сторона) отказывалось возвращаться в прошлое. Но, видимо, массаж, так умело выполненный моей подругой, вселил в меня новые силы, и я, войдя в медитацию воспоминаний, спустился по нити жизни и вновь проник в пространство нужного кирпичика. Боль, обида и разочарование, обрушившиеся на меня, были так сильны, что я не сразу вспомнил, зачем я здесь нахожусь, и что я должен сделать.

– Проживи свои чувства и приведи их к логическому завершению, – услышал я голос Лин.

– Как это сделать? – хотел я спросить, но голос меня не слушался, и, боясь, что слова выведут меня из нужного состояния, я так и не смог произнести свой вопрос.

Словно отвечая на мои мысли, корейка заговорила ровным монотонным голосом, в особой манере Учителя.

– Душевная боль бывает сильнее боли физической, – говорила Лин. – Ты знаешь, что воин жизни не пытается бороться с физической болью, не отрицает ее и не делает вид, что ее не было и больше не будет. Если воин жизни испытывает физическую боль, он принимает ее, как должное, зная, что он способен контролировать ее и управлять ею до тех пор, пока она не исчезнет, полностью изжив себя и не оставив следа. Точно так же ты должен поступить со своей душевной болью.

Несколько лет назад ты столкнулся с тем, что ты считал обманом со стороны девушки, которую

любил. Неопытный школьник, каким ты был в то время, мог найти лишь один выход справиться с болью – забыть о ней, превратив в опыт, из которого он извлек ложное заключение, что женщины опасны, потому что они причиняют боль. Теперь ты – даос, и ты знаешь, что в мире нет однозначных решений, и сейчас ты, вернувшись к прошлой боли, должен избрать другой способ справиться с ней и извлечь из нее иные выводы. Какие – решать тебе самому.

Я пытался последовать совету Лин, но что-то мне мешало. Хотя я действительно был иным, мне казалось, что, вернувшись в прошлое, я обрел свое прежнее мироосознание. Мой нынешний опыт относился, скорее, к личности стороннего наблюдателя, но он находился вне ситуации.

– Не пытайся думать, – вновь заговорила корейка. – Я уже говорила тебе, что кирпичики модели мира формируются на основе чувств, а не мыслей. Размышляя, ты не можешь изменить свои чувства. Их могут изменить лишь воля и осознание.

В моей душе словно рухнула какая-то плотина.

– Мужчина не станет плакать из-за обманувшей его девицы, – услышал я откуда-то издали свой собственный, более молодой и звенящий от напряжения голос.

Я понимал, что эти слова отражают очередную неверную установку, принадлежащую еще одному искаженному кирпичику моей модели мира. Я был свободен в своем выборе. Теперь я знал, что нет ничего унижительного в том, чтобы плакать от душевной боли.

Слезы градом полились у меня из глаз. Судорожно всхлипывая и буквально сотрясаясь от рыданий, я оплакивал свою первую несостоявшуюся любовь и свое первое огромное разочарование. Незаметно для себя, я сдвинулся вперед по нити жизни, переместившись в связанный с предыдущим новый искаженный кирпичик моей модели мира, который Лин назвала бы "вторым кирпичиком Тани".

В нем я вновь испытал уже иную боль, узнав, что Таня погибла мучительной насильственной смертью. На сей раз это была боль отчаяния и бессилия, боль раскаяния и жгучего стыда. Я понял, какие обобщения содержались в этом втором кирпичике. Хотя Таня была ни в чем передо мной не виновата, она, даже мертвая, ухитрилась причинить мне еще более сильные страдания. Если раньше в моем опыте женщина могла лишь обмануть меня, то теперь я знал, что она может еще и умереть, навсегда лишив меня возможности увидеть ее еще раз, испытать облегчение, попросив прощения за свои ошибки. Танина смерть была необратимым завершением всего, что между нами было. Она ранила меня еще сильнее, чем ее воображаемый обман. Тогда я тоже не плакал. Я не хотел плакать из-за женщин. Я больше не хотел страдать из-за них.

Слезы лились, опустошая мою душу, и вместе с ними меня оставляли боль и печаль. Что-то, что я мог бы, хотя и не совсем точно, назвать волей, стержнем самоосознания, сформированного во мне учением Спокойных, заполняло образовавшуюся пустоту новой интерпретацией происшедшего.

Хотя это казалось мне ужасным, я был счастлив. Мои отношения с Таней представились в новом свете. Теперь я помнил не боль, а радость наших первых встреч, волнение от первых поцелуев, нестерпимое желание, охватывающее меня от ее смелых ласк. Мне повезло встретить удивительную и прекрасную девушку. Она действительно любила меня и не хотела меня предавать. Нас разлучили обстоятельства, но в этом не было нашей вины, и сейчас, будучи воином жизни, я знал, как бороться с обстоятельствами и как терпеть душевную боль. Горечь разлуки ничего не значила по сравнению со счастьем наших встреч, с радостью, которую мы оба доставляли друг другу. Нам было хорошо вместе, и это было главное. Все остальное я смогу пережить.

Я буквально физически чувствовал, как меняется кирпичик моей жизни. Он менял свою форму и содержание, приобретая гармоничные и жизнеутверждающие черты. Теперь я знал, что женщины, как и сама жизнь, могут дарить и радость и боль, но лишь моим выбором было, что предпочесть, что черпать из окружающего мира – удовольствие или печаль, наслаждение или отчаяние и страх.

Я вытер слезы и, как мне показалось, с блаженной улыбкой идиота взглянул на мою возлюбленную.

– Ты не поверишь, но я счастлив, – сказал я.

– Так и должно быть, – улыбнулась Лин.

Глава 12

В течение нескольких дней мы работали над перестройкой искаженных кирпичиков моей модели мира, возникших на основе травмирующих воспоминаний, связанных с женщинами.

Лин показала мне много новых и исключительно интересных способов гармонизации моделей мира, связанных как с учением о "духовных воинах, городах и крепостях", так и с различными меди-

тациями и психотехниками.

На практике общения с «камнями» пирамиды я смог убедиться в том, что мое отношение к ним стало гораздо более сердечным и искренним. Исчезли сдерживавшие меня внутренние барьеры, необоснованные иррациональные страхи и ощущение искусственности моих чувств. Я был откровенно горд своими успехами, когда Лин буквально ошарашила меня следующим заданием.

– Тебе удалось выправить некоторые искаженные кирпичики твоей модели мира, – сказала она, – но ты так до сих пор и не избавился от не совсем приятных чувств, сохранившихся у тебя по отношению к Ане и, особенно, к Веронике.

– И что я должен сделать? – поинтересовался я.

– Тебе придется отыскать их, полюбить и вступить с ними в интимные отношения, – явно наслаждаясь моими реакциями, с ехидной усмешкой заявила корейка.

– Ты это серьезно? – опешил я.

– А разве я бываю несерьезной? – в свою очередь спросила Лин.

К заданию отыскать Веронику и Аню и сделать их своими любовницами я отнесся без особого энтузиазма, особенно в отношении Вероники.

Препятствием в моих отношениях с Аней стало как чувство вины перед ее погибшей подругой, хотя я прекрасно понимал, что моя верность ей была никому не нужна и ничего не могла изменить, так и смущение, которое вызывало во мне ее слишком агрессивное и наступательное поведение в отношении меня. Аня была на несколько лет старше и уже имела богатый сексуальный опыт.

В то время как в ее поведении откровенно доминировали чувственность и сексуальность, то есть в первую очередь это была женщина тела, во мне, как во многих юношах того времени, воспитанных на книгах, в которых основной акцент в отношениях между мужчиной и женщиной делался на эмоциональном влечении и духовной близости, эмоционально-интеллектуальная направленность в то время превалировала над чисто сексуальным влечением.

Естественно, что меня возбуждали красивые девушки, но мне хотелось видеть в женщине еще и живой ум, и доброе и отзывчивое сердце. Мне хотелось, чтобы мой первый сексуальный контакт с женщиной основывался именно на любви, на взаимном эмоциональном и физическом влечении. Мне было неприятно чувствовать себя обычным самцом, откликавшимся на призыв сексуально озабоченной самки, тем более, если она пыталась полностью взять на себя лидерство в наших отношениях, отводя мне лишь роль пассивного соучастника.

Аня, как профессиональный ухажер, водила меня в кафе и рестораны, первая обнимала меня и делала недвусмысленные намеки, но я, не вступая с ней в открытый конфликт, оставался тверд в своих принципах и не поддавался соблазну, несмотря на то, что моя плоть самым недвусмысленным образом откликалась на ее призывы.

На интуитивном уровне я, даже не имея еще достаточного опыта в отношениях с женщинами, чувствовал, что в попытках Ани заполучить меня главную роль играла не любовь, а желание раскусить этот крепкий орешек, который в свое время привлек внимание ее подруги и, одновременно, соперницы в борьбе за сердца мужчин.

Зная, что я собирался заниматься любовью с Таней, Аня болезненно воспринимала мое сопротивление, опять-таки не из любви ко мне, а, скорее, из уязвленного самолюбия. То, что я видел все это, создавало у меня нарастающее чувство неловкости отношению к Ане. Мне было неудобно отказывать ей в том, чего она так хотела, но уступить ей означало предать что-то очень важное в моей душе.

Убедившись, что, что бы она ни делала, это не срабатывает, Аня сама прекратила наши встречи. Мне врезалась в память ее последняя фраза, которую она произнесла с обидой и презрением:

– Если захочешь стать мужчиной, приходи, – бросила она.

Кстати, подобные ситуации – явление довольно распространенное. В прежние времена конфликт между телом и сердцем, то есть между сексуальностью и эмоциональностью чаще наблюдался у эмоциональных, романтически настроенных девушек или женщин, вступающих в любовную связь с чувственными и опытными мужчинами, и нередко он становился причиной женской фригидности, иногда даже на всю оставшуюся жизнь.

Женщина, чья еще не разбуженная и не осознаваемая ею чувственность могла быть задействована лишь через эмоциональную сферу, испытывала отвращение и страх, поскольку мужчина действовал с незнакомых и непонятных ей, а потому вызывающих отвращение и страх позиций. Все происходило совсем не так, как это не раз проигрывалось в ее романтическом воображении, и это несоответствие реальности фантазиям, то есть ее ограниченной модели мира, становилось причиной психических травм.

Женщины, чья половая жизнь началась столь неудачно, даже имея впоследствии много мужчин, часто на эмоциональном уровне продолжали оставаться «девственницами», ожидая от каждого нового мужчины, что он-таки станет тем самым рыцарем, который разбудит ее тело и душу в соответствии с ее подростковыми романтическими представлениями. Каждая новая неудачная попытка загоняла ее все глубже и глубже в пучину закомплексованности, и она, верная своим принципам, начинала произносить столь любимые дамами фразы о том, что "настоящие мужчины перевелись" и "рыцарей теперь уже не встретишь", не задумываясь о том, что столь близкий их сердцу образ средневекового рыцаря, то есть настоящего мужчины, распевającego серенады под окнами и достающего уроненную дамой перчатку из клетки со львами настолько далек от реальности, что лучшим лекарством от этой иллюзии было бы провести пару часов наедине с этим существом, не имеющим, по европейским средневековым традициям, обыкновения мыться, считающим высшей добродетелью проявление дикой мужской агрессивности в разборках, кто более крутой, он или тупой козел Джон из Йорка, и чья романтическая настроенность по отношению к женщинам являлась лишь формой сублимации сексуальных желаний, которые католическая церковь считала греховными и порочными, и которая исчезала после того, как сексуальный голод оказывался удовлетворенным. К сожалению, подлинные рыцари действительно перевелись, и прекрасные дамы, не имея возможности сравнивать, традиционно продолжают питать несбыточные иллюзии по поводу их воображаемых достоинств и проклинать никчемных современных мужчин.

В последние годы последствия сексуальной революции проявляются все более ярко, и теперь ситуация изменилась. Теперь не только невинные девушки становятся невольными жертвами опытных мужчин, но все чаще романтически настроенные мальчики имеют свой первый сексуальный опыт с женщиной более старшей, опытной и чувственной.

Мы снова сталкиваемся с конфликтом тела и сердца, сексуальности и эмоциональности. Юноши, чувственность которых элементарно пробуждается через эмоциональность, и которые, при правильном подходе, могли бы продемонстрировать великолепные сексуальные возможности, оказываются жертвами чувственных и опытных подруг, которые, не получив на свои агрессивные ласки мгновенного отклика, буквально «кастрируют» мужчин, выражая им свое разочарование и пренебрежение. Травма, нанесенная юноше в таком важном вопросе, еще больше затрудняет возможность его эмоциональной «раскрутки», и если травмирующий опыт впоследствии повторится, он может стать даже причиной импотенции.

Именно поэтому знание даосских классификаций типов мужчин и женщин и умение взаимодействовать с каждым из типов так, чтобы общение или сексуальные контакты с ним были удовлетворяющими и плодотворными, без конфликтов и взаимных травм и обид, так важно для современного человека.

"Спокойные" с детства равномерно развивали у членов клана качества всех стихий – воды, огня, земли, воздуха и дерева, и также планомерно воспитывали их чувственность, эмоциональность и интеллект. Вступая в сексуальную связь с партнером даже девственник, воспитанный надлежащим образом, знал, какую часть своего «я» он должен задействовать для того, чтобы контакт стал взаимодовлетворяющим. На чувственность он откликался чувственностью, на эмоциональность – эмоциями, на интеллектуальные изыски – гибкостью своего ума. Если бы я во время своих первых контактов с девушками обладал подобными знаниями, мне не пришлось бы сейчас разыскивать Веронику и Аню, чтобы исправить ошибки, совершенные когда-то и внесшие искажения в мою модель мира.

Аня, несмотря на свою настойчивость, никогда не пыталась причинить мне вред, и я не испытывал к ней отрицательных чувств. С Вероникой все было по-другому. Встречи с ней оставили во мне взрывчатую смесь ненависти и отвращения, которую мне с помощью техник управления эмоциями удавалось подавить, но полностью избавиться от нее я не мог.

Я вспоминал ее наглые высокомерные манеры, злобность самовлюбленной шлюхи, любящей натравливать мужчин друг на друга и уверенной, что каждый из них сочтет за честь умереть ради сомнительной возможности обладать ее телом. Я до сих пор чувствовал ужас, пережитый мной, когда дог, перепрыгнув забор, бросился на меня и повалил на землю. Было чудом, что я остался жив и даже не искалечен, и эта маленькая сучка действительно была готова пойти на убийство только из-за того, что я не захотел с ней переспать, и она проспорила бутылку коньяка.

При мысли о том, что я должен найти Веронику и заняться с ней любовью, меня чуть не затошнило, но дело есть дело, и я должен был выполнить задание Лин. В глубине

души я понимал, что корейка права, что я действительно должен избавиться от травм, не позволяющих мне полностью раскрываться в отношениях с женщинами, но Вероника не становилась от этого более желанной.

Вздыхнув и стараясь не думать о том, что меня ожидает, я отправился по адресу, который Вероника когда-то продиктовала мне по телефону, выдумав историю, что должна срочно поговорить о моей маме.

Хотя прошло немало времени, я легко отыскал дом, еще более обветшавший с тех пор. Рама, высаженная мной, была на месте, и я усмехнулся, вспоминая, как я, насмерть перепуганный, выскакивал в окно.

Я позвонил в дверь. Изнутри слышались неторопливые шаркающие шаги. Мне открыла пожилая усталая женщина.

– Простите, Вероника здесь живет? – спросил я.

– Не знаю никакой Вероники, – недовольно ответила женщина. – Это моя квартира.

Я выяснил, что когда-то квартиру сдавала дочь этой женщины, которой сейчас нет в городе, и узнать что-либо о квартирантах, живших здесь несколько лет назад, просто невозможно.

По-правде говоря, у меня камень с души свалился. Я решил начать с Вероники, чтобы побыстрее покончить с самой неприятной частью задания. Кроме того, у меня была хоть какая-то информация о ней. Аня, подобно Тане, всегда сама звонила мне и назначала встречи. Я не представлял, где ее искать. Возможно, подобные игры в таинственность доставляли девушкам удовольствие, и в то время среди определенного типа дам они были в ходу, но мне это задачу не облегчало.

Решив про себя, что Вероника, наверняка, как и дочь той женщины, уехала из Симферополя, я почувствовал облегчение и приступил к поискам Ани.

В книге "Тайное учение даосских воинов" я уже рассказывал, как мои друзья и ученики время от времени перевоплощались в сыщиков, помогая мне обнаруживать слежку и выпутываться из столкновений с бандитами. Подобное проведение досуга всегда вносило в их жизнь свежую струю, и мои ученики с энтузиазмом согласились вновь поиграть в детективов, тем более, что объектом поиска была красивая молодая женщина.

Живи я в то время в Москве или Ленинграде, шансы отыскать Аню, фамилию которой я тоже, кстати, не знал, были бы почти нулевыми. Но у Симферополя было одно преимущество – «Пушкар» или Пушкинская улица – центральная пешеходная улица города, по которой рано или поздно отправлялся гулять любой обитатель столицы Крыма, способный самостоятельно передвигаться.

Пост наблюдения я установил около "Черной аптеки" – той самой, где когда-то я впервые увидел Учителя. Дежурившие по двое с утра до одиннадцати ночи ученики, вооруженные словесным портретом Ани, сменялись каждые два часа.

Завидев подходящую под описание красотку, один из учеников должен был подойти и спросить:

– Извините, вы случайно не Аня?

Если на лице девушки, отрицавшей, что ее так зовут, появлялось смущение или подозрительная нервозность, другой ученик должен был незаметно проследить за ней, выяснив, где она живет. Затем уже я занимал пост у ее подъезда, или выясняя в разговорах с соседями, как зовут нужную мне красотку, или поджидая, пока она сама не появится во дворе.

Аня оказалась четвертой подозрительной девушкой, категорически отрицавшей, что ее так зовут. Ученик довел ее аж до новостроек Новоромановки. Гордый своими детективными талантами, он сообщил мне, что предполагаемая Аня обитает в квартире вместе с большой черной собакой, и что к ней периодически приезжает на машине представительный мужчина средних лет, который иногда остается ночевать.

Мысленно я поблагодарил скучающих на скамейках бабушек, знающих все и про всех, и всегда готовых поделиться информацией просто из любви к искусству.

Ученик отправился дежурить у подъезда, я должен был подъехать чуть позже с тем, чтобы он указал мне на девушку, если она вдруг появится на улице. Не было никакой гарантии, что в этот раз нам повезет больше, чем с тремя предыдущими кандидатками.

Заворачивая за угол при подходе к нужному дому, я неожиданно, буквально нос к носу столкнулся с Аней. Эта столкновение ошеломило нас обоих. На лице девушки отра-

зилась целая гамма чувств – радость, удивление, недоверие, и ее эмоциональный настрой передался и мне, стирая всю неловкость наших прошлых отношений.

– Милая, я пришел к тебе, чтобы стать мужчиной, – сказал я, вспоминая, как мы прощались.

Анино лицо исказила странная гримаса. Казалось, еще мгновение – и она заплачет, выплескивая переполнявшие ее чувства, но она сдержалась. Быстро повернув голову направо и налево, она осмотрелась, убеждаясь, что поблизости нет знакомых, потом с глубоким вздохом, почти стоном, схватила меня за руку, и, плотно зажав ее под мышкой, быстрым решительным шагом почти поволокла меня к дому.

С огромным удовольствием я отметил, как при виде этой сцены вытянулось лицо ученика, ожидающего меня у подъезда. Незаметно для своей спутницы я дал ему знак уйти.

Мы взбежали вверх по лестнице, Аня торопливо повернула ключ в замочной скважине, и огромная черная собака бросилась к нам, подпрыгивая от радости и ласкаясь.

Схватив несчастного пса за ошейник, Аня безжалостно запихнула его в ванную комнату и заперла дверь, а потом ринулась ко мне, все еще стоящему в прихожей. Она торопилась, словно не веря, что все это происходит на самом деле. Я "стал мужчиной" прямо тут, в прихожей, на полу, на коврик у входной двери.

Падая, мы даже не заметили, как опрокинули вешалку, и оргазм настиг нас три раза еще до того, как мы полностью освободились от одежды. В этот момент мне было не до даосского секса.

Когда радость встречи слегка истощала свои резервы, и мы оказались способны просто поговорить, я поставил на место вешалку, и как следует познакомился с освобожденной из заточения черной собакой, оказавшейся довольно ревнивой по отношению к хозяйке и откровенно обиженной на то, что Аня на какое-то время предпочла меня ей.

Мы приняли душ, смывая пот и налипшую с пола грязь, и отправились пить чай в маленькую кухню небольшой двухкомнатной квартиры. Аня рассказала мне, что эту квартиру снимает для нее один ухажер – богатый человек, занимающий важный пост и к тому же большой друг аниного отца. Отец был во многом обязан этому человеку, и именно по просьбе отца Аня согласилась стать его любовницей. Отчасти она пошла на это из-за типичного для большинства симферопольцев квартирного вопроса.

Отец хотел, чтобы его квартира досталась аниной сестре, а Аню прописал в бабушкину однокомнатную. Бабушка умирать не собиралась, и, удрученная своим безрадостным существованием, девушка отнеслась к идее завести богатого покровителя философски – без особой радости, но и не рыдая от угрызений совести.

Аня рассказала, что ее друг очень ее любит, но в сексуальном плане у них жизнь никак не ладится.

– Он совсем не возбуждает меня, – объяснила она, – и, видимо, поэтому мне тоже не удастся его завести. Фактически, несмотря на все мои старания, он остается импотентом. По-настоящему между нами так ни разу ничего и не было. Он хороший человек, и мне жаль его. Мне бы хотелось, чтобы у нас все было нормально, но, увы, природу не победишь.

Аня помолчала, погрузившись в свои невеселые мысли, и вдруг встрепенулась.

– Ой, тебе уже давно пора уходить, – воскликнула она. – Иван может появиться с минуты на минуту.

– Я умею побеждать природу, – сказал я. – Если ты действительно хочешь наладить вашу сексуальную жизнь, я могу помочь, но для этого я должен встретиться с вами обоими.

– Ты что, действительно можешь помочь? – не поверила Аня.

– А зачем мне тебя обманывать? – удивился я. – Надеюсь, ты заметила, что я слегка попрос после нашей последней встречи и не очень напоминаю застенчивого школьника.

Какое-то новое чувство промелькнуло на анином лице. Я понял, что только сейчас она отдала себе отчет в том, что с тех пор, как мы расстались, действительно много воды утекло, и я здорово изменился.

– Ладно, я устрою вашу встречу, – сказала она.

Прежде, чем встретиться с Иваном, я еще раз посетил Аню. На этот раз нам уже удалось добраться до кровати, и потом, наслаждаясь заслуженным отдыхом, я рассказал

ей о возможных причинах импотенции и о даосских методах ее лечения.

Благодаря методикам лечения Спокойных, которые я узнавал от Учителя, я приобрел в Симферополе довольно обширную клиентуру. Я практически всегда лечил бесплатно, мне было просто приятно помогать людям, заодно осваивая на практике приемы, показанные мне Ли. Лечение помогало, и я приобрел устойчивую репутацию знахаря. Я рассказал о некоторых случаях из моей практики Ане, чтобы она могла спланировать, как лучше представить меня Ивану.

Аня рассказала ему все обо мне – о том, как мы познакомились, как ей так и не удалось меня соблазнить и даже о наших последних встречах, когда мы, наконец, стали любовниками.

Иван оказался действительно умным и рассудительным человеком. Он воспринял рассказ девушки спокойно, понимая, что коль скоро он сам не способен удовлетворить ее в сексуальном плане, пусть уж лучше она решает свои проблемы, не обманывая его и по-прежнему продолжая поддерживать их отношения.

К идее попробовать решить с моей помощью их сексуальные проблемы Иван отнесся с энтузиазмом. Импотенция всегда была одним из самых тяжелых испытаний для мужчины, и я прекрасно понимал, что день за днем находясь рядом с волнующим телом Ани, лаская его, и не имея возможности вкушать плоды наслаждения, он должен был испытывать поистине танталовы муки.

Для разговора мы собрались на кухне, традиционно попивая чай и закусывая его всевозможными сладостями.

Я предложил Ивану ряд даосских упражнений по укреплению мужской силы – с тестикулами, с анальным отверстием, медитации и психофизические упражнения. Затем я провел ему сеанс иглоукалывания и научил, как самостоятельно прижигать полынной сигаретой нужные точки. Ум и искренняя заинтересованность Ивана дали мне понять, что для человека такого склада излечение не станет тяжелой проблемой.

Затем я принялся показывать им некоторые элементы "спящей собаки", начиная с "игры крабов" и "плавания рыб" – техники обласкивания рук.

Я демонстрировал эту технику на Ане, и, наблюдая, как она реагирует, заводясь, как безумная, от простых прикосновений пальцев, Иван, напрочь позабыв о своей импотенции, возбудился, как подросток, украдкой разглядывающий порножурнал. Затем он начал сам выполнять с Аней те же упражнения, и я с удовлетворением увидел, как на сей раз они оба заводятся друг от друга.

– Ладно, вы тут поупражняйтесь, а я пока пойду посмотрю телевизор, – сказал я, плотно притворил за собой дверь и, посмеиваясь, отправился в комнату с чувством исполненного долга.

Я действительно включил телевизор и отыскал какой-то более или менее сносный фильм. Я смотрел его, потягивая кофе, чашечку которого я предусмотрительно захватил с собой, и с интересом прислушиваясь к звону посуды, ударам и скрипу раскачивающегося кухонного стола и возбужденным протяжным стонам, доносящимся из-за стены.

Результат превзошел все самые смелые ожидания аниного покровителя, и, вдохновленный, он великодушно разрешил нам продолжать наши встречи, желая лишь время от времени получать новые уроки техник даосского секса.

К чести Ивана надо сказать, что он, восстанавливая нормальное функционирование своих половых органов, не полагался только на вдохновение и с похвальной регулярностью выполнял все данные мной рекомендации. И, хотя в дальнейшем проблем у него не возникало, мы все же продолжали время от времени встречаться втроем, я показывал новые техники ласк, и он, наблюдая, как я ласкаю его любовницу, возбуждался до самых невероятных пределов, гораздо сильнее, чем просто с ней наедине.

Иван снял для наших встреч с Аней отдельную квартиру, которую оплачивал вкладчину с несколькими своими друзьями, также нуждавшимися в любовном гнездышке, где они могли отдохнуть со своими подружками от семейного счастья.

Меня радовало, что отношения Ани и Ивана по мере улучшения их сексуальной жизни становились все лучше и лучше. Опыт с Аней многому научил меня. Я уже начинал понимать, как важно для человека иметь многих и разнообразных партнеров. Я никогда не смог бы дать Ане то, что давал ей Иван, и он никогда не дал бы ей то, что она получала от меня. Только со мной или только с ним

она не была бы счастлива.

Наш тройственный союз оказался подарком судьбы для всех нас.

Если бы Иван не имел за плечами богатого жизненного опыта и не оказался достаточно мудр, чтобы найти правильное решение проблемы любовного треугольника, а принялся, следуя типичным для европейской морали реакциям, щедро швырять камни упреков и обвинений в Аню и в меня, крича, что все женщины – предательницы и шлюхи, это не принесло бы пользы никому, и окончательно бы ухудшило его сексуальных потенциал, если в тот момент вообще было возможно его ухудшить.

Жизнь подтверждала мудрость даосизма.

Глава 13

За тренировками и встречами с Аней я как-то совсем забыл о Веронике. Перспектива снова встретиться с ней и, тем более, переспать, была мне достаточно отвратительна, так что произошло нечто вроде вытеснения мыслей о необходимости выполнить это задание, и, поскольку Лин больше не напоминала мне об этом, я решил, что судьба ко мне благосклонна, и об этом этапе обучения женщиной я могу благополучно забыть. Однако жизнь распорядилась иначе.

Весь город готовился к традиционной осенней ярмарке, приуроченной к седьмому ноября. Конечно, эта ярмарка не шла ни в какое сравнение со знаменитой ярмаркой в Севилье, но для крымчан она была не менее важным мероприятием.

На площади возводили ярко разукрашенные торговые павильоны, шла подготовка к народным гуляньям, кустари заготавливали впрок всевозможные поделки, устанавливались жаровни для шашлыков, плова и разных национальных блюд.

Ярмарка продолжалась два дня, субботу и воскресенье, и за эти два дня симферопольцы должны были запастись на всю зиму дешевой картошкой, морковкой, соленьями и прочими разносолами.

Народ плясал, пил, гулял, веселился и, с запасливостью предусмотрительного хомяка, мешками ташил в дом дары полей.

Я, если исключить выпивку, занимался тем же самым, активно включаясь в общее веселье, и с живым интересом бродил по ярмарке, слушая музыку, разглядывая павильоны и принимаясь к ароматам кухонь народов СССР, прикидывая, чего бы еще такого попробовать.

Симферопольская ярмарка, с детства ставшая важной частью моей жизни, наряду с восторженными и радостными чувствами, неизменно отзывалась у меня в душе смутной тревожной грустью. Она была своеобразным рубежом, последним всплеском активности и веселья перед наступлением долгой и унылой зимы. С ярмаркой уходили последние, иногда по-летнему теплые дни крымской осени, и вместе с ними уходил в прошлое очередной этап моей жизни.

Шел последний день ярмарки, когда покупательский ажиотаж достигал апогея, и у меня просто не оставалось времени размышлять о связанных с приближением зимы душевных переживаниях.

Я бодрым аллюром курсировал между ярмаркой и домом с закинутыми на плечи мешками овощей и фруктов. Мать, для которой осенние заготовки оказывались гораздо более важным событием, чем для Рокфеллера приобретение новых и исключительно доходных нефтяных месторождений, пребывала в состоянии крайнего возбуждения и громовым командирским голосом отдавала все новые распоряжения, которые я должен был исполнить как минимум со сверхзвуковой скоростью.

Под громовые раскаты хорошо поставленного голоса Александры Авериновны я скинул с заливки огромный мешок с картошкой, и, отирая пот со лба, тут же бодрой рысцей потрусил обратно к чадающему разгулу ярмарки. К счастью, основная часть работы была выполнена, и оставалось купить какую-то мелочь. Сокращая путь, я двинулся наискосок через парк Тренева, лавируя среди толпы озабоченных, нагруженных покупателями граждан. Я как раз собирался обогнать девушку, шедшую впереди меня с тяжелой авоськой, набитой картошкой, как вдруг ручка авоськи оторвалась, и картошка посыпалась на землю.

Пытаясь подхватить оторвавшийся край другой рукой, девушка резко развернулась,

и, наткнувшись на меня, выронила авоську и оказалась прямо в моих объятиях.

Наградив меня убийственным злобным взглядом, она начала было какую-то малолестную для меня фразу и осеклась на полуслове. Мы с Вероникой ошеломленно уставились друг на друга, и я прочел в ее глазах пришедшее на смену злости узнавание, в свою очередь сменившееся черной ненавистью, смешанной с испугом.

Когда я понял, кто передо мной, все неприятные воспоминания, ненависть и отвращение, так долго хранившиеся в моей душе, вдруг испарились словно по мановению волшебной палочки.

Я не знал, чему я был обязан столь неожиданным поворотом сюжета – судьбе или личной силе. Для меня несомненным было одно: эта встреча не была случайной. Она должна была произойти, хотел я того или нет, потому что это был необходимый этап обучения. Я вспомнил, что с Аней я столкнулся почти так же, неожиданно и нос к носу. Теперь, когда работа с Аней была завершена, судьба привела в мои объятия Веронику. В такой ситуации я не мог цепляться за старые детские чувства и обиды. Я готовился стать воином жизни, и я должен был действовать, как даос.

Все эти мысли промелькнули у меня в голове буквально в доли секунды, и, честно говоря, хотя я и решил действовать, как даос, я не имел ни малейшего представления, что должен делать даос в подобном положении. Поскольку ничего путного мне в голову так и не пришло, я, на всякий случай покрепче сжав ее запястья, попавшие мне в руки во время столкновения, поцеловал в щечку сочащуюся ненавистью, как бультерьер при виде волка, девушку.

Вероника ошалело отпрянула, ее руки напряглись в попытке вырваться из захвата, и я едва успел заблокировать подъемом вверх согнутой ноги яростный удар коленом, направленный мне в пах. Казалось, она находится на грани истерики.

Я понял, что памятуя о мучительной смерти когда-то натравленного на меня дога, девушка собирается дорого продать свою жизнь, и будет сопротивляться до последнего.

В попытке обезопасить себя, я резко присел, выполнив технику "прыжок с камня", и одновременно завел ее руки за спину. Сомкнув кольцо рук у нее под ягодицами, я резко выпрыгнул вверх, прижимая ее к себе и лишая таким образом возможности размахивать конечностями с целью нанесения мне тяжелых телесных повреждений.

Туфелька, свалившись с ноги Вероники, покатилась по асфальту, и я понял, что она сейчас завопит, как пожарная сирена.

– Успокойся! Я тебя не трону! – скороговоркой начал объясняться я, надеясь предотвратить ее вопль. – Я был маленьким и глупым. Я не знал, что такое женщина. Ты меня насмерть перепугала, когда набросилась на меня. Забудем прошлое. Такие женщины, как ты – редкость. Ты – прелесть. Ты красавица.

Я подумал, что насчет прелести я, пожалуй, чуть-чуть переборщил, но в общем получилось неплохо.

Вопль застрял у нее в глотке, так и не вырвавшись наружу, тело начало расслабляться, а на лице даже появилась полуистерическая усмешка. Вероника пребывала в промежуточном состоянии, все еще не сообразив, стоит ли орать и пытаться выцарапать мне глаза, или лучше приступить к мирным переговорам.

Желая закрепить успех, я решил перейти к неожиданным действиям в ее собственном стиле, и, вцепившись зубами в верхнюю пуговицу ее кофточки, неловким движением оторвал ее и выплюнул на землю. Раздвигая носом мешающие мне края кофточки, как собака кучу листьев в поисках упавшего в них кусочка колбасы, я принялся покрывать жаркими поцелуями ее грудь.

Ошеломленный зрелищем народ, позабыв о своих авоськах и симферопольской ярмарке, окружил нас плотным кольцом, на разные голоса комментируя происходящее.

Приученный в тренировках с Учителем даже во время напряженного поединка с врагом уделять внимание тому, что происходит вокруг, я уловил настойчиво повторяющиеся предложения вызвать милицию, и понял, что пора принимать срочные меры. Объясняться с милицией мне не хотелось.

С громкими криками:

– Я нашел свою любовь! Я нашел свою любовь! – я закружился на месте, продолжая сжимать Веронику в объятиях, и, когда по моим расчетам, ее голова должна была закружиться до такой степени, чтобы ей и на ум бы не пришло опровергать мои громогласные

утверждения, я поставил ее на ноги и разжал руки, на всякий случай готовясь заблокировать увесистую оплеуху.

– Чего не сделаешь ради Учения, – обреченно подумал я. – Может и не стоит защищаться от ударов? Должна же дама в конце концов получить удовлетворение.

Но оплеух не последовало. Смуглые руки Вероники скользнули вдоль моего тела, и она резким порывистым движением прижалась ко мне изо всех сил.

Разочарованный народ, убедившись, что скандала не будет, стал понемногу расходиться.

Только теперь я понял глубину мудрости Лин, говорившей о том, как ограничивает мужчину привязанность лишь к одной женщине. Как бы ни была прекрасна партнерша, всегда найдется другая женщина, способная разжечь в душе мужчины не менее сильные, хотя и совершенно иные чувства, и при правильном отношении к вопросу связь с разными женщинами может подарить счастье как самому мужчине, так и многим его любовникам.

Я извлек из воротника всегда хранящуюся там булавку и, отыскав на земле оторванную пуговицу, аккуратно подколол ее к кофточке, чувствуя, что Вероника так и не пришла в себя и до сих пор не может поверить в происходящее.

Затем я вытащил из кармана "коготь каменной птицы" – короткую палочку, до блеска отполированную моими руками, и моток веревки, которые я тоже всегда носил с собой, во время прогулок по улицам выполняя с ними необходимые тренировочные упражнения.

Собрав в авоську рассыпанную картошку, я перевязал ее, приспособив «коготь» в качестве ручки.

– Давай, я провожу тебя домой, – предложил я. Реакция Вероники тронула меня до глубины души. Исчезли без следа ее вечная напыщенность, злоба и высокомерие. На меня смущенно и чуть виновато смотрела обыкновенная красивая девушка.

– Я буду тебе очень благодарна, – тихо сказала она.

– Удивительно, как легко оказалось сломать барьер вражды между нами, – подумал я. – Правду говорят, что от любви до ненависти один шаг. Похоже, что от ненависти до любви – тоже.

Я подхватил авоську, и мы рядом пошли по парку, как старые добрые друзья.

Вероника жила вместе со старенькой матерью. Я быстро очаровал старушку, и мы отправились на кухню попить чая с тортом. Потом мы с Вероникой вернулись на ярмарку, и я помог ей отнести домой очередные покупки.

Той же ночью мы были вместе. Мама мирно посапывала в соседней комнате, а мы, стащив с кровати на пол матрас, чтобы не шуметь, совершили, наконец, то, от чего я так легкомысленно отказался, будучи школьником.

В три часа ночи, в последний раз поцеловавшись в прихожей, мы расстались. Окрыленный, я бежал домой по пустынным улицам, предвкушая, каким отличным рассказом я смогу порадовать Лин.

Вероника была ярчайшей представительницей стихии огня. Наша встреча зажгла в ней сумасшедшую страсть. Каждое наше свидание в постели превращалось в неистовый поединок желаний и плоти.

С учетом моего и без того насыщенного расписания я не мог уделять Веронике слишком много времени, и, естественно, ее характер и темперамент не позволяли ей мириться с таким ходом вещей. Она звонила мне домой, тоном, не принимающим отказа, заявляя:

– Чем ты там занимаешься? Я тебя хочу!

Она поджидала меня около института и у дома родителей, и мне приходилось пускать в ход самые изощренные дипломатические приемы, чтобы уклоняться от ее чересчур пристального внимания и в то же время продолжать поддерживать хорошие отношения.

Вероника относилась к редкому типу спирального построения с преобладанием эмоциональности, находящейся на внешней стороне спирали. Классификация женщин по сексуальным, эмоциональным и интеллектуальным показателям, приведенная выше, относилась к линейному построению, и не полностью подходила к описанию личности Вероники. Построение по спирали – более сложное, и о нем я расскажу в одной из последующих книг.

Тело и сердце, сексуальность и эмоциональность были в ней накрепко спаяны и неразделимы, образуя гремучую смесь, способную как воспламенить мужчину, так и спалить его дотла.

Сложная смесь жажд, начиная от жажды господина и кончая жаждой опасности, заставляли ее постоянно ставить себя в ситуации на грани фола. Ей не нужна была любовь или нежность. Веронику заводила именно борьба полов, борьба, в которой она неизменно должна была побеждать, хищно и умело манипулируя чувствами и поведением мужчины.

Одним из ее любимых развлечений было сталкивать своих поклонников, провоцируя их умирать от ревности и бороться за нее. Вероника получала наслаждение, унижая мужчин и сравнивая их с другими, более мужественными, удачливыми и сексуальными. Фактически, она паразитировала на их эмоциях, испытывая оргазмические ощущения при виде их ярости, ревности, обиды или разочарования.

Одной из причин наших достаточно долгих и хороших отношений с Вероникой было то, что я ко всем ее вывертам относился совершенно безразлично.

Лин однажды сказала мне:

– Ты никогда не должен обращать внимание на женские эмоции, если чувствуешь, что женщина провоцирует тебя, сознательно или подсознательно желая добиться определенной реакции, доставляющей ей скрытое или явное психологическое удовлетворение. Естественно, в данном случае речь не идет о направленных на тебя искренних положительных эмоциях – бескорыстной любви, дружбе, желании сделать что-либо приятное. Такие эмоции со стороны любого человека ты должен воспринимать, как подарок, и откликаться на него всем своим сердцем.

К сожалению, искренние и бескорыстные эмоции со стороны женщин встречаются не слишком часто. По большей части их эмоциональные взрывы и проявления связаны с достижением какой-либо четко определенной цели, зачастую неосознаваемой, но обычно направленной на удовлетворение какой-либо из жажд.

Так, женщина с жаждой жалости к себе может великолепно изображать беспомощное и сломанное в столкновении с суровой действительностью или с твоей собственной мужской жестокостью существо для того, чтобы, как вампир, утолить свою жажду возникающими у мужчины чувствами сострадания, жалости или собственной вины. Если же реакция мужчины оказывается отрицательной, ее устраивает и этот вариант, поскольку в нем она черпает дополнительную поддержку и подтверждение своей жажды жалости.

Женщина с жаждой ощущений может провоцировать скандалы или столкновения между мужчинами для получения необходимых ей ощущений. Существуют сотни приемов эмоциональной «раскрутки» мужчин для достижения желаемых результатов, и мужчины с печальной неизбежностью вновь и вновь попадают в подобные ловушки.

Встретить в современном обществе женщину с гармоничной моделью мира исключительно трудно, и почти все встреченные тобой женщины будут в той или иной степени страдать от внутренних конфликтов или деформирующих их психику жажд. Ты должен относиться к этому факту спокойно и с пониманием.

Лишь оставаясь отрешенным наблюдателем в момент, когда женщина будет пытаться манипулировать тобой с помощью различных эмоциональных зацепок, ты сможешь изучить ее внутренний мир и понять механизмы функционирования ее личности. Но, не поддаваясь на ее уловки, ты, тем не менее, должен неизменно демонстрировать женщине, что в целом она очень нравится тебе как личность, и лишь некоторые аспекты ее поведения не всегда вызывают твое одобрение. Тогда, если женщина действительно в тебе заинтересована, она постепенно изменит свое поведение на более приемлемое, тем более что ее трюки все равно не будут приносить желаемый результат.

Именно таким образом – спокойно и без эмоционального отклика я реагировал на скандалы и вызывающие выходки Вероники, и она, интуитивно чувствуя черту, которую не стоит переступать, понемногу укрощала свой темперамент.

Я уже упоминал, что одним из ее любимых развлечений было стравливать мужчин между собой. Она несколько раз демонстрировала мне своих любовников, описывая их несказанные мужские достоинства. Я реагировал на это вполне благожелательно, но моя огненная подружка не желала прекращать своих попыток в тщетной надежде, что однажды я, снедаемый ревностью, подобно Отелло, тоже попытаюсь ее задушить, но в нашем случае история будет иметь счастливый конец, завершившись бурным и страстным сек-

сом. Одна из таких попыток обернулась против нее самой, раз и навсегда отбив охоту к подобным играм.

Вероника назначила мне свидание в кафе. Я, неожиданно освободившись от каких-то дел, появился на месте минут на пятнадцать раньше назначенного времени, и, заказав кофе и пирожные, устроился у стойки.

– Привет, Саша, – услышал я. – Что ты здесь делаешь?

С чашкой кофе в руке ко мне подходил Егор, мой давний приятель и ученик.

– Девушку жду, – ответил я. – А ты тут какими судьбами?

– Шерше ля фам, – заговорщицки подмигнул он. – А что у тебя за девушка?

Несколько минут спустя мы убедились, что Вероника назначила свидание нам обоим.

Через оконное стекло мы одновременно заметили приближающуюся к кафе провокаторшу. В предвкушении удовольствия на ее лице играла гнусовательная усмешка.

– Мы незнакомы, – шепнул я, и, отодвинув тарелку с пирожными, демонстративно повернулся к Егору спиной.

Вероника грациозно впорхнула в кафе, и мы дружно двинулись ей навстречу, чуть ли не одновременно поприветствовав ее и попытавшись ее обнять.

С одобрением отметив наше хорошо разыгранное удивление, девушка отстранилась, и, поправив прическу, сказала:

– У меня сегодня было настроение повидаться с вами обоими.

– И как ты себе это представляешь? – поинтересовался я.

– Даже не знаю, – капризно скривилась Вероника. – По-правде говоря, я не могу выбрать. Решите этот вопрос между собой, как настоящие мужчины. Я буду с тем, кто одержит верх.

Егор с задумчивым видом почесал в затылке.

– Не думаю, что настоящим мужчинам имеет смысл ссориться из-за женщины, – рассудительно заявил он. – Их слишком много, чтобы понапрасну напрягаться в такой приятный день.

Радость на лице Вероники сменилась легким удивлением. Она выразительно посмотрела на меня, в надежде, что хотя бы я соглашусь поддержать марку настоящего мужчины.

– Полностью с тобой согласен, – присоединился я к мнению соперника. – Я вообще не вижу особого смысла выяснять отношения из-за женщины. Меня не удивляет, что многие настоящие мужчины, чтобы не портить себе нервы из-за капризных баб, предпочитают любить друг друга.

Брови Вероники поползли вверх. Она не могла поверить своим ушам. Егор дружески положил мне руку на плечо.

– В этом есть смысл, но женщины тоже иногда на что-то годятся, – сказал он и, подумав, добавил. – Если, конечно, они ведут себя хорошо и не пытаются забивать клинья между настоящими мужчинами. Ты как, не прочь был бы отведать вместе этот пирожок?

– Лучше есть сладкий пирог пополам с друзьями, чем говно в одиночку, – немного грубо, но весомо заявил я.

– О чем это вы тут толкуете? – нервно спросила Вероника.

– Как о чем? – удивился я. – Раз ты никак не можешь решить, с кем из нас ты хочешь остаться, может быть, сегодня ты разделишь постель с нами обоими?

Вероника буквально поперхнулась от возмущения. Я почувствовал, что ее первым импульсом было закатить нам пару горячих пощечин, но показать свою злость в данной ситуации означало бы для нее проиграть. Этого ее гордая душа допустить не могла. Если кто и будет контролировать ситуацию, так только она.

– Что ж, если вы этого хотите, пусть будет так, – сказала она с нехорошим блеском в глазах. – Только надо решить, куда мы пойдем. Ко мне нельзя. Поодиночке мама еще могла бы выдержать вас, но вдвоем – точно нет.

Мы отправились на квартиру к Егору, и, к нашему обоюдному удовольствию, Вероника проявила себя в лучшем свете. Хотя ситуация была достаточно непривычной, но нам с Егором все очень понравилось.

С тех пор Вероника больше не пыталась стравливать меня со своими друзьями, и мы продолжали заниматься любовью исключительно наедине.

Общение с Вероникой оказалось очень полезным для меня в плане формирования правильного отношения к женщине. Я научился не реагировать на стервозные проявления ее характера, хотя это было и нелегко, и относился к ней просто как к человеческому существу с весьма своеобразной моделью мира.

Травмирующие воспоминания наших первых встреч полностью стерлись из моей души и больше уже не мешали мне проявлять по отношению к женщинам искреннюю привязанность, доверие и заботу. Лишний раз я убедился в этом, когда, после долгой разлуки, вернувшись из армии, снова случайно встретил Веронику на улице.

– Здравствуй, милая, – воскликнул я, протягивая к ней руки.

Множество воспоминаний всколыхнулось в этот момент в моей душе, но среди них не было болезненных и плохих. Я испытывал лишь чистую радость и любовь к уникальной, ни на кого не похожей женщине, подарившей мне столько волнующих и интересных впечатлений.

Во взгляде Вероники я прочитал те же самые чувства. Казалось, она готова была расплакаться от переполнявшего ее счастья. Всклипнув, она бросилась ко мне в объятия, и на короткий миг мы стали одним целым, объединенные этой пусть мимолетной, но беспрдельной и всепоглощающей любовью.

Глава 14

В то время, когда Лин показала мне технику "яйца на лезвии меча", я еще не был знаком с китайским термином «фэнг-сой» или «фэн-шуй», в переводе означающем "искусство жить в гармонии". Когда пару лет назад мне в руки попала книга, рассказывающая о фэн-шуй, искусстве создавать гармонию в окружающей человека среде с учетом воздействия на него множества энергий, как неорганического, так и органического происхождения, сразу подумалось о необычайном сходстве этой техники с ее шоу-даосским эквивалентом, с той лишь разницей, что если китайский вариант фэн-шуй был, с моей точки зрения, излишне перенасыщен мистикой, то подход Спокойных был более практическим, рациональным и эффективным для применения в повседневной жизни.

Однажды, после ночи, посвященной отработке упражнений "волшебного тумана" и завершившейся коротким, но бодрящим сном, корейка накрыла к завтраку небольшой квадратный переносной столик и пригласила меня разделить с ней трапезу. Я уже собрался приступить к еде, как Лин меня остановила.

– Подожди, – сказала она. – Взгляни на столик. Какое чувство вызывают у тебя находящиеся на нем предметы?

Ответить на этот вопрос я мог бы и не присматриваясь. Центр столика занимала большая красивая тарелка, на которой, как вулкан, дымилось насыпанное горкой мясо по-корейски с овощами. По краям стояли расписные пиалы с рисом и пиалы меньшего размера, на две трети наполненные ароматным чаем.

Мясное блюдо благоухало так, что у меня в буквальном смысле текли слюнки, но я понимал, что Лин ждет совсем другого ответа. Вздыхнув, я попытался отрешиться от чувства голода и посмотреть на столик непредвзятым взглядом. В данной ситуации мне трудно было представить себя в роли стороннего наблюдателя, но, сосредоточившись и ухитрившись на миг забыть о еде, я неожиданно испытал удивительное чувство уюта и упорядоченности.

– Расположение этих блюд успокаивает меня. Оно дает чувство уверенности, уюта и безопасности, – сказал я.

– Правильно, – улыбнулась Лин. – А теперь расставь предметы на столе так, чтобы создать ощущение тревожности и неудобства. Разрушь эту гармонию.

Недолго думая, я передвинул блюдо и пиалы настолько близко к краю столика, что малейший толчок мог бы опрокинуть их вниз. Создавалось впечатление, что даже подносить руки к столику было опасно, и от этого становилось не по себе. Так и хотелось спасти, отодвинуть от пропасти эти нависшие над пустотой пиалы.

– Это один из вариантов, – одобрила корейка. – А теперь попробуй создать чувство тревожности другим способом. Как ты думаешь, какой предмет должен быть во главе композиции, чтобы заставить тебя нервничать?

Я присмотрелся к столу, и моя рука сама потянулась к ножу. Это был остро отточенный декоративный кинжал из Средней Азии. Я поставил нож на ребро, так что лезвие вздымалось вверх под

острым углом и было наделено мне прямо в солнечное сплетение. Представив лезвие ножа наконец-ником стрелы, я использовал другие мелкие предметы, разложив их так, что они напоминали оперенные стрелы. За ножом я полукругом расставил пиалы, чтобы они выглядели, как лук, из которого была только что выпущена стрела.

– Все верно, – с легким вздохом разочарования сказала корейка. – Как говорит Учитель, ты действительно не оставляешь места для наставника.

– Учитель говорит не так, – уточнил я, с улыбкой вспоминая, как приятны мне были похвалы Ли, тем более высказанные в столь оригинальной форме. – Он утверждает, что я не оставляю ему места для работы.

– Посмотрим, так ли это, – поддразнила меня Лин. – Ну-ка попробуй создать композицию защищенности. Я выстроил посуду в линию в центре стола.

– Еще варианты, – потребовала Лин.

Я так увлекся конструированием, что позабыл про голод. Иногда некоторые предметы на столе не вписывались в композицию, и я избавлялся от них, ставя их на кровать.

– А теперь попробуй создать композицию, подчеркивающую мою красоту, – улыбнувшись, сказала корейка.

– Ты тоже будешь частью этой композиции? – спросил я.

– Конечно, – ответила она.

Тут на меня нахлынуло вдохновение. Я чувствовал себя художником и творцом, создающим своеобразную комбинацию портрета и натюрморта. Я придавал телу возлюбленной различные позы, разбрасывал ее волосы по плечам и откидывал назад. Она, улыбаясь, послушно подчинялась моим приказам.

Каждой композиции мы давали название, пытались определить ее сущность. Иногда Лин с чем-то не соглашалась, и мы спорили, иногда мы обсуждали композицию с точки зрения самых неожиданных способов ее применения.

– Как бы ты мог использовать эту композицию для человека, страдающего мигренью или для легочного больного? – спрашивала корейка.

Бывало, что я не мог догадаться сам, и ей приходилось подсказывать мне.

– Представь, как хорошо смотрелась бы эта композиция, если бы на столик попадали лучи восходящего солнца, – сказала Лин. – Что следовало бы тогда сделать, чтобы подчеркнуть их очарование?

Я выдал свою версию, и мы заговорили об ориентации композиции столика и ее связи со сторонами света и обстановкой времянки.

Сделав небольшой перерыв, чтобы перекусить, мы продолжили наши занятия, и уже через пару часов я понял, что понимаю, как формируется фэн-шуй дома. В данном случае я намеренно использую термин «фэн-шуй», поскольку он стал довольно известным в последние годы благодаря книгам некоторых западных писателей, в частности, Филиппа Веринга, написавшего книгу "Путь фэн-шуй".

Удивительным было то, что за несколько часов занятий с Лин мне удалось уловить то самое тонкое чувство гармонии, ощущение которого помогало понять и прочувствовать основные законы взаимодействия человека и окружающей его обстановки.

– У тебя все так легко получается, потому что ты уже занимался с Учителем упражнениями "яйца на острие меча", – сказала корейка.

– Ты что-то путаешь, – возразил я. – Если бы Учитель говорил мне об этом, я бы запомнил. "Яйцо на острие меча" – слишком яркий образ, чтобы не обратить на него внимания.

– Учитель не всегда называет вещи своими именами, – сказала Лин. – Но ведь тебе не раз приходилось определять свойства местности, выясняя, подходит ли она для медитации, для отдыха или для тренировки?

– Конечно приходилось, – пожал плечами я. – Но в этом случае речь шла в основном об энергетике места.

– Это и было "яйцо на острие меча", – сказала Лин. – Разве тебе никогда не приходило в голову, что энергетика места связана с окружающей его обстановкой?

– Я как-то не задумывался об этом, – растерянно сказал я.

– Тогда подумай об этом сейчас, – сказала корейка. – Теперь тебе предстоит сделать то же самое, что ты делал на природе, но в доме. Это менее сложная задача. Как ты считаешь, почему этот угол может вызвать заболевание, если ты достаточно часто будешь сидеть около него?

– Ну, это совсем просто, – ответил я. – Угол шкафа, около которого я нахожусь, слишком острый и жесткий, не в математическом смысле, а в ощущении, идущем от него. Его линии не смягчены,

не закруглены, и когда я нахожусь близко от него, этот угол словно целится в меня, как лезвие ножа, которое я использовал на столе, чтобы создать ощущение тревожности.

– Сядь боком к нему, – предложила Лин, – и опиши свои впечатления.

– Я чувствую тяжесть в области головы и неприятные ощущения в районе левой почки, – сказал я.

– Теперь поменяй положение и посмотри, как изменится воздействие угла, – сказала корейнка.

Некоторое время я пересаживался с места на место, изучая ощущения, идущие от шкафа, кровати, стен, окна. По мере тренировки я все лучше и сильнее начинал чувствовать взаимодействие с предметами в комнате, и меня удивило, как получилось, что раньше я не обращал на это внимания.

Ощущения, исходящие от предметов напомнили мне упражнения с лезвием, которые показывал мне Учитель. Лезвие меча или ножа, приближаясь к телу, особенно к болезненным и менее защищенным его частям, типа глаз или горла, немедленно вызывает чувство тревожности и внутреннее напряжение, сопровождающееся приливом защитной энергии к находящейся в опасности зоне. Это свойство лезвия Спокойные использовали как во многих обучающих упражнениях, так и в методах энергетического лечения с помощью холодного оружия.

Теперь, когда я прислушался к своим впечатлениям, связанным с обстановкой комнаты, я заметил нечто похожее на то, что испытывал в тренировках с лезвием, но в гораздо более слабой форме.

– Странно, что раньше я никогда не обращал внимания на расстановку предметов в комнатах, где я бывал, – сказал я. – Конечно, я чувствовал себя в некоторых местах более комфортно, в других менее, но приписывал это скорее дизайну жилища, чем энергии, исходящей от предметов.

– Ты не обращал на это внимания, потому что у тебя сильный организм и устойчивая нервная система, – объяснила Лин. – Неблагоприятное воздействие предметов проявляется подобно воздействию вирусов – на человека с хорошо развитым иммунитетом и здоровым организмом они почти не оказывают влияния, но у ослабленного человека могут вызвать серьезное заболевание.

Так же, как и острые углы, на человека давят низкие потолки. Они как бы запирают человека в ловушку, не дают ему свободы и простора. Но если низкие потолки в целом подавляют энергетику организма, то острые углы воздействуют более локально, направляя энергетику неорганического мира на твои внутренние органы.

– Что такое энергетика неорганического мира? – спросил я. – Это что, какая-то особая форма ци?

– Пространство заполнено всевозможными видами энергии, – ответила корейнка. – И естественно, что часть ее не имеет органического происхождения. Даосы считают, что определенные геометрические формы неорганических тел особым образом концентрируют и перераспределяют энергию в окружающем пространстве, и, взаимодействуя с человеческим организмом эта трансформированная неорганическая энергия начинает оказывать влияние на энергетику человека. Если воздействие неорганической энергии неблагоприятно, организм, откликаясь на угрожающую ему опасность, реагирует напряжением или тревожностью, и его излишнее напряжение может даже привести к истощению, за которым следуют болезни или патологическое нарушение циркуляции энергии, со временем приводящее к органическим изменениям.

Некоторое время мы экспериментировали с интерьером, пытаясь улучшить энергетику комнаты перестановкой мебели, внося какие-то новые предметы или драпируя тканью угол шкафа.

– Человек, от природы не одаренный чувствительностью, очень многого не замечает в окружающем мире, – сказала Лин. – Это одновременно и его счастье и его несчастье. С одной стороны, он защищен от многих мелких раздражающих и неприятных переживаний, и, пока он здоров и силен, он вообще может никогда не испытывать дискомфорта от окружающей обстановки, но, с другой стороны, он не обращает внимания и на энергетические разрушения, постепенно происходящие в его организме.

Человек, обладающий достаточной чувствительностью и знающий, как трактовать свои неприятные ощущения, способен предотвращать и останавливать вредные воздействия окружающего мира. Он учится использовать этот мир, организуя свое окружение так, чтобы оно шло ему на благо, а не во вред, и, в конце концов, он начинает получать несказанное удовольствие от возникающего у него ощущения уюта и внутренней гармонии при правильном распределении окружающего пространства, при конструировании среды своего обитания с учетом своих собственных желаний, увлечений и внутренних потребностей.

– Пожалуй, мне стоит переставить мебель в своей комнате, – сказал я.

– Поэкспериментируй, – поддержала меня корейнка. – Подобрать идеальное сочетание предметов не так-то просто. А теперь пойдем во двор.

Мы вышли из временки. Она отделялась от других строений и сарая узким проходом, почему-то напоминающим мне окопы.

– Что бы ты сделал, чтобы вход во временку не выглядел, как злобный оскал, чтобы в него было приятно входить, чтобы он создавал ощущение безопасности? – спросила Лин.

– По-правде говоря, мне внушает определенное неудобство это узкое пространство между временкой и пристройками. Возникает ощущение, что оно сжимает меня со всех сторон, и, хотя погода совершенно безветренная, в нем почему-то создается впечатление сквозняка.

– Ты совершенно прав. То, что ты принимаешь за сквозняк – это ускоренное расположением строений течение ци, внешней ци, ци окружающего мира. Так что бы ты мог предложить, чтобы улучшить эту зону?

– Была б моя воля, я бы сделал здесь виноградную беседку. – сказал я. – Тогда это место воспринималось бы, как укромный и уютный уголок. Зимой, конечно, все выглядело бы не так уж и хорошо, но зато летом это место было бы очаровательным. Беседку я не стал бы делать слишком густой. Корни винограда можно было рассадить как раз у входа во временку и пустить лозу вверх, сглаживая ощущение ловушки оскаленного рта. Кроме того, на вход можно было бы повесить декоративную ткань, прикрыть его, создавая дополнительный уют, причем ткань должна драпироваться складками, позволяющими смягчить острые углы дверного проема. Вместо ткани можно было бы повесить бамбуковый занавес, или занавес из какого-либо другого материала, например, сплетенный из веревок типа макраме.

– Хорошо, а что еще?

– Конечно, как агроном, я в первую очередь думаю о растениях. Может быть, имело бы смысл поставить большую кадку с пальмой или каким-либо крупным деревом посередине прохода, или посадить там еще одну виноградную лозу. Это искусственное препятствие искривляло бы потоки внешней ци, избавляя от ощущения угрожающего сквозняка. Тогда это место будет напоминать уже не коридор, а скорее, своеобразное укрытие.

– Может быть ты и прав, – сказала корейка, и, взяв меня за руку, потянула меня за собой на внутренний двор.

– Теперь поговорим о позе, – сказала она. – Помнишь, как Ли учил тебя гармонии позы?

– Так это тоже было "яйцо на острие меча"? – сообразил я.

– Все, имеющее отношение к гармонии внутри и вне человека входит в сферу учения "яйца на острие меча", – сказала Лин.

Первый раз Учитель заговорил о правильной позе во время одной из наших прогулок по улицам Симферополя. Разговор начался уж не помню с каких рассуждений об умениях европейцев и Спокойных.

– У европейца отсутствует понятие внутренней гармонии, – сказал Ли. – Присущее ему мироощущение кособоко. В большинстве случаев он является не личностью, а лишь приставкой к профессии, и все остальные его жизненные функции сводятся лишь к чисто техническому самообеспечению существования. Европейец – это не личность, а всего лишь более или менее хорошо отлаженная машина.

– Неужели все так грустно? – улыбнулся я. – По-моему, ты слишком строг к европейцам. Они все-таки имеют некоторое представление о гармонии, и многие из них, как мне кажется, являются личностями, а не только приставками к профессии. Я, например, не ощущаю себя машиной.

– Ты вообще не ощущаешь себя, – с присущей ему безапелляционностью заявил Учитель. Я громко рассмеялся.

– Как это я не ощущаю себя? Вот мои руки, ноги. Я прекрасно чувствую каждую часть своего тела.

– Замри! – резко приказал Ли.

Я замер на месте, почти мгновенно автоматически выполнив приказ.

– А теперь посмотри, как ты стоишь,

Я, не меняя позы, слегка склонил голову, оглядывая свое тело.

– И что? – поинтересовался я.

– Ты не замечаешь ничего необычного?

– Нет, – ответил я, искренне недоумевая, что же он хочет от меня услышать.

– Взгляни на свою левую ногу. Ее носок чуть больше развернут в сторону, и она сильнее выдвинута вперед по сравнению с правой ногой.

– Думаю, что это связано со сделавшейся для меня привычной дзюдоистской стойкой. Я действительно имею обыкновение выставлять чуть вперед левую ногу и слегка разворачивать к ней корпус.

– Попробуй, не меняя положения ног и таза, поворачивать туловище из стороны в сторону, – предложил Учитель. Я начал крутиться на месте, размахивая руками.

– Не так быстро. Ты же не мельница, – скривился Ли. – Поворачивайся очень медленно, и прочувствуй, в какую сторону тебе проще скручивать туловище.

– В левую, – немного поэкспериментировав, ответил я.

– Ты уже болен, – грустно заявил Учитель, укоризненно покачивая головой, – и болезнь коренится в твоей позе.

– Но я же здоров, как бык, – попытался возразить я.

– Без правильной позы нет здоровья, – сказал Ли. – И, поскольку я забочусь о твоём здоровье, в ближайшем будущем тебе предстоит изучение правильных поз, позволяющих управлять энергетикой организма. Ты должен научиться снимать зажимы и блокады, заложенные в тебе как природой, так и дурными привычками.

Энергетические блокады создают основу для болезни. Так, например, в привычных для тебя позах большая часть нагрузки приходится на правую ногу, и она начинает страдать от перегрузок. Ты сам не заметишь, как со временем она покроется узором больных и расширенных вен, больные вены еще больше усилят блокаду энергетических каналов ног, а перекрытые каналы, в свою очередь окажут пагубное воздействие на внутренние органы, нарушая через них равновесие и в пока еще здоровых каналах верхней части туловища.

Вызванное неправильной позой излишнее напряжение к тазобедренному суставу приведет к заболеваниям мочеполовых органов и прямой кишки. Короче, мне тебя так жалко, что даже не хочется далее развивать эту грустную тему.

На несколько мгновений мне тоже стало нестерпимо жаль себя, но я, преодолев это тягостное ощущение, решил выяснить все до конца.

– А если я изменю позу? – с надеждой спросил я.

– У обычного человека нет шансов изменить позу, – сказал Учитель, и в его голосе прозвучали нотки обреченности. – В лучшем случае ты, как и обычный европеец, будешь следить за собой в течение нескольких дней, но, уверен, что на большее тебя не хватит.

– Учитель, но ведь я уже не обычный европеец, – возразил я. – Я понимаю, что тупой контроль – вещь достаточно сложная, но я слишком хорошо тебя знаю, чтобы не догадываться, что у тебя в заглавнике всегда отыщется несколько новых техник, гораздо более эффективных для поддержания правильной позы, чем просто контроль.

– Ты прав, как всегда, мой дорогой друг, – хитро улыбнулся Ли. Есть целый арсенал дополнительных упражнений, позволяющих тебе приучить свой организм к правильным позам и помогающих ликвидировать вред, нанесенный негармоничными позициями и действиями. Тебе предстоит научиться расслаблять и напрягать твои мышцы, растягивать и укреплять их, ощущать и осознавать малейшее нарушение гармонии твоего организма. Путь предстоит огромный, и сейчас ты находишься в самом начале его.

– Под гармонией ты подразумеваешь симметрию? – спросил я. – Если бы поза, в которой я застыл, была бы симметричной, моему здоровью ничего не угрожало бы?

– Симметрия тоже важна, – сказал Учитель. – Но тут речь идет не столько о симметрии, сколько о гармонии. Нельзя, чтобы отдельные части организма в течение длительного времени испытывали большую нагрузку, чем другие. Кроме того, сама нагрузка должна быть разнообразной и гармоничной,

Так, например, если тебе приходится долгое время работать правой рукой, потом ты обязательно должен дать нагрузку и на левую. Если тебе нанесли сильный и болезненный удар в левое бедро, ты должен сам ударить, хотя можно и с меньшей силой, себя по правому бедру, и тогда организм легче справится с возникшей в результате первого удара блокадой энергии.

Разнообразие и гармоничность нагрузки тоже исключительно важны. Если человек в течение долгого времени занимался поднятием тяжестей, это вовсе не значит, что он укрепился. Скорее, он разрушил свой организм. Для укрепления организма нужно не только поднимать тяжести, но и выполнять множество дополнительных упражнений, и, кроме того, необходимо знать, в каком порядке, когда и как поднимать эти тяжести.

– Но ведь следить за тем, чтобы нагрузка на все части организма была равномерной, да еще и за правильностью самой нагрузки – это же каторжный труд, – сказал я.

– Твоя задача, как воина жизни – превратить этот труд в удовольствие, – ехидно подмигнул мне Лин.

Мне почему-то вспомнилось возражение одной моей знакомой, которой для лечения ряда ее заболеваний я порекомендовал делать утром специально подобранные упражнения.

– Ты думаешь, мне нужна еще и зарядка? – заявила она. – Да я так вкалываю на своем садовом участке, что мне больше никакие упражнения не требуются.

Учитель был прав. Мироощущение большинства европейцев и в самом деле было кособоким.

Я вернулся к действительности и взглянул на Лин.

– Конечно, я помню, как Учитель объяснял мне искусство позы. Странно, почему он не рассказывал мне тогда о "яйце на острие меча".

– Возможно он хотел, чтобы отдельные детали Учения лишь по прошествии некоторого времени складывались для тебя в целостную картину, – пожала плечами корейка. – И сейчас твоя задача заключается в том, чтобы поднять свое сознание на новый уровень, соединив в единую систему гармонию позы, гармонию тела, гармонию духа и гармонию окружающего мира, и отдавая себе отчет в том, что гармония окружающего мира невозможна без гармонии тела и духа.

– Под гармонией духа ты подразумеваешь внутреннее облако? – спросил я.

– Его в первую очередь, – ответила Лин. – Внутреннее облако, постоянное осознание счастья, базирующееся на оргазмических переживаниях и перемещениях энергии внутри человеческого организма, являющееся неизменным фоном для всех остальных эмоциональных переживаний и подкрепленное состоянием "внутреннего стража"³, – это основа основ гармонии духа, но это всего лишь первый шаг.

Я повернулся к Лин.

– Тогда упражнения "волшебной роши", которые ты мне показывала, тоже должны относиться к "яйцу на острие меча", – сказал я.

– Конечно, – весело улыбнулась корейка. – И, если хочешь, сейчас мы перебросим мостик между этими упражнениями и окружающим миром.

– Было бы странно, если бы я этого не хотел, – сказал я, вдохновляясь.

К упражнениям "волшебной роши" я всегда относился с энтузиазмом. Их суть заключалась в умении чувствовать энергетику партнера без контакта с ним, и, как все, связанное со сверхчувственным восприятием, они вызвали у меня особый интерес.

– Приятно наблюдать знакомый блеск в твоих глазах, – развеселилась Лин. – Учитель прав. На любые вещи, связанные со сверхспособностями, ты реагируешь, как ребенок на конфету. Но сейчас я вынуждена буду тебя разочаровать. Многие из упражнений "волшебной роши" связаны не столько со сверхчувственным восприятием, сколько с естественными инстинктами и рефлексам человеческой природы.

Корейка приблизилась ко мне так близко, что ее тело почти касалось моего. Это приближение немедленно отозвалось приливом волны оргазмических ощущений к поверхности моего тела.

– Видишь, твоя энергетика откликнулась на мою, – сказала Лин. – Но в данном случае это – инстинктивная реакция организма на то, что я нарушила привычную дистанцию и вторглась в твое личное пространство. В каждом сообществе людей существует свое сформировавшееся представление о личной дистанции, расстоянии между людьми, при соблюдении которого они чувствуют себя естественно и комфортно. В северных странах это расстояние несколько больше, в Японии у южных народов оно чуть-чуть меньше. При непрошеном и не обусловленном обстоятельствами вторжении в свое личное пространство человек инстинктивно начинает реагировать на энергетику вторгающегося, воспринимаемого на подсознательном уровне в качестве агрессора, перемещением защитной энергии и ее приливом к поверхности тела.

Если же вторжение в личное пространство рассматривается не как агрессия, а как приглашение к интимному общению, то тело реагирует активизацией уже не защитой, а сексуальной энергии.

³ Подробнее о "внутреннем облаке" и "внутреннем страже" будет рассказано в следующей книге серии – "Обучении травами".

Конечно, развитая способность к восприятию энергетики других людей выходит далеко за пределы инстинктивных реакций в рамках личного пространства. Ты можешь на значительном расстоянии ощутить и оценить энергетику другого человека, понять, подходит ли она тебе и имеет ли смысл входить с ней в контакт.

Обычные люди тоже на подсознательном уровне воспринимают потоки энергии других людей и взаимодействуют с ними. Так, энергия мужчины, оказавшегося прижатым в троллейбусе к симпатичной молодой девушке, активизируется, оказывая благотворное влияние на его организм, и, в то же время, если бы на месте девушки оказался уродливый пьяный мужик, он мог бы даже на некоторое время почувствовать ухудшение самочувствия.

– Теперь, втискиваясь в троллейбус, я всегда буду располагаться так, чтобы рядом со мной было побольше хорошеньких девушек, – пошутил я. – Так я внесу в свою жизнь еще большую гармонию.

Кореянка улыбнулась. Схватив меня за руки, она притянула меня к себе, и, откинувшись назад, прижалась спиной к стенке сарая. Я был вынужден, следуя за ней, наклониться вперед, и оказался в неудобном положении, с ногами, оставшимися вдали, на небольшом бугорке, с ощущением, что если бы Лин не поддерживала меня, то я мог бы потерять равновесие.

– Сейчас условия местности отрицательно влияют на гармонию позы, хотя в нашей позе присутствуют гармония энергии и гармония чувств, – сказала кореянка. – Но, из-за неудобного положения, общая гармония недостижима, и ты не ощущаешь внутреннего комфорта.

Настоящая любовь – это тоже гармония, и, поскольку я люблю тебя, а ты любишь меня, она тоже вносит свою лепту в гармонию наших энергий и поз.

Некоторое время мы занимались во дворе, перепробовав десятки положений и позиций, то добиваясь полной гармонии, то разрушая ее.

Солнце уже пересекло линию зенита, когда Лин потянулась всем телом, копируя один из любимых жестов Учителя, и предложила:

– Пойдем к реке.

До Салгира было не слишком далеко. По дороге мы увлеченно обсуждали гармонию и дисгармонию проплывавших мимо нас домов, деревьев, узеньких улочек, их влияние друг на друга и на проходящих по улице людей.

Наконец впереди блеснула речная гладь.

– Не правда ли, это далеко не лучшее место для влюбленных, – сказала кореянка, поворачиваясь ко мне и мягко опуская руки мне на плечи.

Я подумал, что побывав здесь сейчас, Пушкин вряд ли написал бы о том, что мечтает увидеть вновь берега веселого Салгира.

Хотя берег и не напоминал помойку, но витающий в воздухе гнилостный смрад и общее ощущение затхлости и угасания обмелевшей реки производили тягостное впечатление.

– Что тебе не нравится в этом месте? – спросила Лин.

– Оно вызывает ассоциации застоя и упадка, – ответил я.

– Здесь течение не набрало силу, и поэтому оно не способно очистить реку, – сказала кореянка. – А теперь представь, как бы ты себя чувствовал, если бы здесь протекала могучая, полноводная река?

– Конечно, если бы это была бурная и быстрая река, я чувствовал бы себя лучше, – задумчиво проговорил я. – Но все же мне кажется, что долго находиться рядом с ней я бы не смог. Она уносила бы мою энергию.

– А теперь представь, что мы находимся у излучины, на изгибе реки, где течение замедляется. Что бы ты чувствовал тогда?

– Наверное, мне было бы приятно жить в подобном месте, – ответил я. – Оно давало бы мне энергию, конечно, при условии, что течение не было бы настолько медленным, чтобы привести к застою.

– Мне нравится ход твоих мыслей, – одобрила Лин. – Одна и та же форма изгиба речного берега может иметь самую разную энергетику в зависимости от качества и течения реки. Значит, ты говоришь, что в этом месте было бы неплохо построить дом?

– Я всего лишь сказал, что мне было бы приятно жить в таком месте, – запротестовал я.

– Не важно, я просто размышляю вслух. Ну хорошо, а теперь представь себе другую картину. Ты будешь находиться в самой сердцевине берегового изгиба, и река будет обтекать тебя с двух сторон. Как ты будешь чувствовать себя в этом случае?

– Если течение будет плавным и в то же время достаточно сильным, то мне понравилось бы

иметь такую защиту около своего дома.

Лин отыскала обломок штукатурки и принялась вычерчивать на асфальте всевозможные контуры речных берегов. Мы увлеченно обсуждали, какое энергетическое воздействие оказывают те или иные конфигурации. То, что мы делали это у воды, почему-то помогало мне, делая наши фантазии почти реальными.

– Подойди к реке, – сказала, наконец, моя возлюбленная, отбрасывая почти полностью измельчившийся кусочек штукатурки и вытирая руки. – Стань спиной к воде.

Я повиновался.

– Сейчас постарайся почувствовать, как течение реки вымывает энергию из твоего организма. К сожалению, здесь течение слишком слабое, и тебе придется представить, что у тебя за спиной бурный поток с неравномерным течением.

Я сосредоточился и, действительно, почувствовал прохладное прохождение энергии Салгира через мое тело.

– Теперь повертись, – услышал я голос Лин. – Встань к реке боком, вполоборота, лицом. Что при этом происходит с твоей защитной энергией?

Стоя к реке левым боком, лицом против течения я заметил, что энергия воды давит на сердце. При положении спиной большей нагрузке подвергалась почка, расположенная ближе к истоку. Находясь лицом к воде, я обратил внимание на общее влияние потока сразу на все органы, на все тело, и понял, что от него в первую очередь должны были страдать ослабленные органы.

– Лин, а что нужно с делать, чтобы вода давала энергию? спросил я. – Судя по тому, что я сейчас чувствую, не очень-то хорошо проводить слишком много времени на берегу реки.

– Все зависит от дозы, – сказала корейка, – от дозы, течения и температуры воды. Около горячих источников картина полностью меняется, но вблизи от них могли бы пострадать легкие. Впрочем, легкие и так часто страдают от излишнего общения с водой. Для того, чтобы нейтрализовать ее вредное воздействие, нужно выполнять специальные упражнения. Учитель показывал тебе комплекс "свидание с миром"?

– Да, – ответил я. – Эти упражнения предназначены для адаптации организма к неблагоприятным природным факторам и воздействию стихий.

– А каким еще образом ты мог бы ослабить неблагоприятное воздействие воды? – спросила Лин.

– Я мог бы находиться на возвышенности, – ответил я. – Тогда влияние воды смягчалось бы присутствием стихии земли. Если включить в общую картину еще и стихию дерева, то есть если бы вдоль берега реки росли деревья или высокие водяные растения типа рогоза или камыша, они бы еще больше смягчали и рассеивали вредное влияние воды.

Я задумался, пытаюсь вспомнить, что еще Учитель рассказывал мне о воде, и тут мне в голову пришла мысль, поразившая меня,

– Лин, – сказал я, – но ведь если вода оказывает такое вредное воздействие, то как же выживают люди, которые всю свою жизнь проводят на воде? Я сам однажды провел целое лето на Тайганском водохранилище, почти не вылезая из лодки.

– Эскимосы живут среди снега и льда, – сказала корейка. – И они ухитряются выживать в таких условиях. Человеческий организм может приспособиться ко многому, но это не значит, что он не расплачивается за жизнь в неблагоприятных условиях. В условиях жаркого климата воздействие воды оказывается даже благотворным. Все зависит от умения работать со стихиями.

Вечер подкрался как-то незаметно. С реки потянуло прохладой. Мне было пора возвращаться в Симферополь.

– Давай, я провожу тебя, – предложил я.

Мы неторопливым шагом направились к временке. Мои мысли вертелись вокруг сегодняшней беседы, в голове возникали все новые и новые вопросы, и в то же время мне не хотелось говорить. Пальцы возлюбленной сжимали мою руку, она играла с ней, ласкала ее, и это доставляло мне невыразимое удовольствие. Всегда, когда мы гуляли, взявшись за руки, Лин переминала и массировала мои пальцы, и это позволяло еще полнее ощутить тепло ее рук и красоту ее тела. Чем бы ни была занята моя голова, какая-то часть моего существа ощущала всю Лин целиком, ее спокойную, но сильную энергетику, очарование ее удивительно цельной и в то же время такой нежной и женственной личности. Я чувствовал ее всем сердцем, и иногда мне даже казалось, что я был способен впитывать кожей ее неповторимый запах.

Прежде, чем вернуться домой, мне предстояло завершить еще одно задание. Я должен был выполнить упражнение по прогону круга воина через тело незнакомой женщины, так что меня ожидало

очередное свидание. После ночи, проведенной с возлюбленной, мне в глубине души не хотелось идти к другой женщине. Я чувствовал себя усталым, и, с учетом того, что наша встреча должна была бы занять пару часов, домой я вернулся бы только к полуночи. Но я знал, что у меня не было выбора. Раз вступив на путь воинов жизни, я уже не мог свернуть с него. Более того, мне нужно было испытывать к женщине, на первое свидание с которой я шел, самые искренние чувства.

Я откинулся на сиденье автобуса, уносящего меня к Симферополю, и прикрыл глаза, вызывая состояние внутреннего облака. Я помнил, что любовь – это гармония. Я готовился любить.

Глава 15

Часто приходится слышать, что душа женщины – загадка, и что женщину невозможно понять. Не думаю, что в смысле сложности понимания женщине действительно удалось обскákat мужчину, скорее это заблуждение основывается на том, что женское поведение отличается гораздо большей выразительностью и демонстративностью, иными словами, женщины склонны поднимать гораздо больше шума по всякому поводу.

Для умения понять женщину или мужчину, надо иметь представление о том, как формируются и как функционируют модели мира человека. Знание теории и классификации типов личности в этом вопросе, конечно очень важны, но еще важнее – практический опыт общения и понимания скрытых пружин человеческого поведения.

В этой главе я расскажу о модели мира одной из моих любовниц. Ее я выбрал по нескольким причинам – во-первых ее модель мира была более или менее типичной для женщин шестидесятых-семидесятых годов, получивших высшее образование и имеющих достаточно высокий культурный уровень. Во-вторых, в данном случае я могу быть твердо уверен в том, что мое представление о протекавших в ее душе процессах в значительной мере приближено к истине, поскольку не является плодом моего воображения и логических заключений, а целиком основывается на дневнике, посвященном нашим отношениям и написанном ею самой.

Я обнаружил этот любопытный документ среди своих книг и вещей, хранившихся в Галиной квартире. Не знаю, оказался ли он там случайно, или Галя хотела, чтобы я его прочитал, но дневник показался мне настолько любопытным, что я позаимствовал его с целью, внимательно изучив его в спокойной обстановке, еще глубже проникнуть в суть загадочной женской души. Возможно потому, что дневник велся в течение довольно короткого промежутка времени, хозяйка никогда не вспоминала о нем, и я даже не уверен, что она обнаружила его исчезновение.

Но сначала я вкратце расскажу историю наших взаимоотношений. Галя была на десять лет старше меня и преподавала в сельхозинституте. Она была умной, начитанной, независимой и достаточно привлекательной женщиной. Положение преподавателя сельхозинститута в то время считалось вполне престижным, и Галя гордилась тем, что добилась столь хорошего социального положения своими собственными силами. Это давало ей возможность смотреть свысока на окружающих мужчин, особенно не являющихся преподавателями сельхозинститута, и в определенной степени ставить себя выше их. Она считала себя искренней и правдивой и всегда утверждала, что ненавидит ложь.

Мы познакомились с Галей в сельхозинституте. К ее достоинствам, привлечшим мое внимание, относились как внешность и интеллект, так и обладание однокомнатной квартирой прямо рядом с институтом, в которой я имел возможность отсыпаться и отдыхать днем перед очередными тренировками.

Наш роман начался достаточно плавно, но вполне бурно и красиво. Когда я поинтересовался, нужно ли нам предохраняться для предотвращения нежелательной беременности, Галя объяснила, что с этим проблем не возникнет, и она принимает все необходимые меры предосторожности, чтобы не иметь детей. Поэтому когда она сообщила мне, что беременна, я отнесся к этому спокойно, но слегка удивился. Галя сказала, что хочет родить ребенка, но это ее личное решение, и я не имею к этому никакого отношения, так что могу ни о чем не беспокоиться.

Беременность плохо повлияла на Галин характер, и в ее поведении появились раздвоенность и непредсказуемость. Она то демонстрировала мне любовь, то заявляла, что я – мальчик, которому только предстоит стать мужчиной, и периодически устраивала скандалы и сцены, в которых я оказывался виноватым в том, что не понимаю ее высоких душевных переживаний.

В чем заключались эти высокие переживания, она так и не желала объяснять, видимо, ожидая, что я должен читать ее мысли, и, портя нервы себе и мне, регулярно устраивала эмоциональные провокации, пытаясь манипулировать мной, но я, как всегда в таких случаях, держался спокойно и нейтрально, отказываясь вступать в конфликты, и, поскольку ей не удавалось удовлетворить жажды, ос-

нованные на внутренних противоречиях и непонимании самой себя, ее недовольство нарастало, окончательно отравляя все хорошее, что было в наших отношениях.

Когда родился сын, она продолжала утверждать, что ребенок – только ее, и я не имею к нему никакого отношения, но попросила официально признать мое отцовство, чтобы сын не чувствовал себя ущемленным, что я и сделал. Так появился еще один Саша Медведев.

Однако, несмотря на свои заверения, Галя продолжала вести, скорее подсознательно, чем сознательно, свои игры, в надежде получить от меня столь необходимые ее неудовлетворенным жаждам эмоциональные отклики.

Я понимал, что, невзирая на все ее утверждения о никчемности мужчин, своей самостоятельности и эмансипированности, больше всего в наших отношениях Галю угнетало отсутствие контроля надо мной, и, не сумев приобрести этот контроль как женщина, она теперь хотела добиться его, как мать моего сына. В глубине души Галя мечтала, чтобы я, подобно героям душещипательных индийских фильмов неожиданно почувствовал неодолимый голос крови и принялся бороться за свое место в сердце ребенка, давая ей возможность проявить благородство и уже самой решать, какое положение я могу занимать в ее жизни и жизни ее сына.

Поскольку я спокойно соглашался со всеми ее решениями и не проявлял желания бить себя в грудь и проливать слезы отцовской любви, Галя, вместо того, чтобы разобраться в себе самой и своих собственных желаниях, и просто по-человечески поговорить, прибегла к очередной серии мелких женских трюков, столь любимых кинорежиссерами.

Так она, естественно после того, как ребенок получил мою фамилию, заявила, что это вовсе не мой сын, и даже назвала имя человека, своего приятеля, якобы являвшегося его настоящим отцом. Потом она торжественно заявила мне, что сказала сыну (который в ту пору был слишком маленьким, чтобы как следует что-нибудь понимать), что его папа умер. Когда и это не сработало, она сообщила сыну, что его отцом являюсь все-таки я.

Одной из очередных Галиных идей было пожениться для того, чтобы она в сельхозинституте смогла получить двухкомнатную квартиру, а потом, если бы я захотел, то смог бы и развестись, но я не имел желания участвовать в махинациях такого рода, и, устав от всех этих игр, старался держаться от нее подальше, а лучше – совсем не встречаться. Галя пыталась отыскать меня, чтобы в очередной раз предъявить какие-то четко не формулируемые ею претензии, но застать дома меня было сложно, и мы почти не виделись,

Потом я переехал в Москву и через некоторое время получил письмо от Гали, в котором она сообщала о своем тяжелом материальном положении и о том, что я должен добровольно начать помогать сыну, иначе она перейдет к решительным действиям.

"Ты – мои личные дела, – сообщала в письме Галя, – и выкинуть тебя из своей жизни я не могу. К тебе я зла не помню, но предательства не прощаю."

С тех пор в течение многих лет она продолжала писать мне письма, в которых оскорбления в мой адрес перемежались с объяснениями в любви. Я не отвечал, ограничиваясь лишь переводом денег, и постепенно злость и желание оскорбить ушли из ее писем, и они превратились в нормальные, спокойные и доброжелательные.

Галя стала прекрасной и самоотверженной матерью, и она действительно была по-своему честным, порядочным и умным человеком. Проблемой в ее отношениях со мной был целый ряд внутренних конфликтов и искажений в ее модели мира, которые настолько нарушали ее восприятие действительности, что она оказалась неспособна сознательно отдавать себе отчет в своих действиях и их последствиях. Я со своей стороны относился к сыну с таким же теплом и пониманием, как и к любому человеческому существу, и не имел ничего против того, чтобы участвовать в его судьбе, что я и делал в первые годы его жизни.

Единственное, чего я не хотел – это превращать ребенка в орудие воздействия на меня. Использование ребенка в разборках между мужчиной и женщиной – один из самых распространенных приемов, который используют родители для удовлетворения жажды господина и жажды контроля. В первую очередь подобные манипуляции наносят вред самому ребенку, записываясь в его модель мира как стереотип поведения в семье.

Я навсегда запомнил слова Учителя, сказавшего, что я не должен пытаться воспитывать ребенка, рожденного без моего согласия, к тому же женщиной с противоположными взглядами на жизнь и воспитание детей.

– Вмешиваясь в жизнь такого ребенка ты лишь травмируешь и его и самого себя, – сказал Ли. – В него ты привнесешь двойственность, которой и так с лихвой наградит его мать, и сам ты в душе будешь страдать, видя свое бессилие в том, чтобы сделать его модель мира гармоничной и чистой.

Только человек, близкий тебе по духу может быть твоим сыном и братом, вне зависимости от того, течет ли в его жилах твоя кровь.

Я прекрасно понимал, что хотя Галя и была готова на все ради ребенка, она, сама того не желая, передаст ему значительную часть противоречий своей модели мира, и не хотел усугублять ситуацию своим вмешательством. В конце концов, Галя завела этого ребенка обманным путем, и она сама должна была нести ответственность за это решение. Наверняка в Галиной интерпретации эта история прозвучала бы совсем по-другому, но сейчас вы увидите ее такой, какой Галя записала ее в своем дневнике, ярко отражающем противоречия в ее отношении к жизни и к мужчинам и ее неумение, несмотря на страстное желание, понять саму себя.

Подобные искажения модели мира характерны для многих людей, и я собираюсь прокомментировать их, потому что, осознав их на конкретном примере, становится гораздо легче видеть их в самом себе и исправлять их таким образом, чтобы ваша модель мира не приносила страданий вам самим и окружающим вас людям.

Итак, обратимся к дневнику.

"Прошел январь, уже февраль 1982года. Я сижу дома, набираюсь сил и физических, и, главное, душевных, чтобы во всеоружии вступить в новую для меня жизнь. Пока ничего не задумываю, кроме имени человечка, которого я жду.

Он будет Шурка. Долгожданный, выстраданный морально. Какой он будет? Буду ли я? Перейду эту грань? Это тоже лезвие бритвы. Два мира по разным его сторонам. Один – оптимистический, радостный, полный забот, тревог, волнений, в общем – нормальный человеческий. Другой – тьма, обиды, разные комплексы, подозрительность. Какая моя сторона?"

Здесь мы сталкиваемся со стереотипами мышления, типичными для интеллигенции шестидесятых-семидесятых годов. В первую очередь за счет подавления сексуальной и эмоциональной сферы у них обнаруживалось явное доминирование интеллекта, то есть головы над сердцем и телом. Отчасти это было данью моде, отчасти – уступкой среде, в которой социальный престиж во многом определялся уровнем интеллекта, и интеллектуальные изыскания в области философии вкупе с размышлениями над абсурдными с точки зрения логики и здравого вопроса типа "Спасет ли красота мир?", "Имеет ли жизнь смысл?", "Существует ли высшая справедливость?", "Что было раньше – яйцо или курица?", были признаком высокого умственного развития и хорошего тона.

Сексуальная энергия у них в основном сублимировалась при чтении книг, особенно тех, в которых умствование сочеталось с высоким эмоциональным страданием и накалом.

Одним из любимых героев того периода был князь Мышкин, болезненные переживания которого были столь хорошо описаны Достоевским, что читатели впитывали в себя его мировоззрение вместе с оргазмическими потоками, возникавшими при сопереживании сценам страсти, безумных страданий, внутренних противоречий и смерти.

В моде было приводящее к сходным результатам творчество писателей-экзистенциалистов, также причинявшее достаточно вреда нормальному развитию человеческой психики.

В результате стереотипом поведения интеллигентного человека стала склонность к глубоким внутренним переживаниям в сочетании с интеллектуализированием и философствованием над неразрешимыми и не имеющими однозначного ответа вопросами.

Во всем дневнике Гали красной нитью проходит неспособность жить настоящим моментом, получать удовольствие от окружающего мира, который, в ее воображении, мы находим разделенным на две половины – мир радости и мир тьмы. Не обращая внимания на реальный мир, окружающий ее в настоящий момент и не несущий в себе никакой угрозы, она предается размышлению над вопросами, не имеющими однозначного ответа, и потому совершенно бессмысленными:

"Какой он будет? Буду ли я? Перейду ли эту грань? Это тоже лезвие бритвы."

Размышление над подобными вопросами порождает оргазмические потоки, удовлетворяющие жажду ощущений намеренно провоцируемым страхом неопределенности. Поскольку в Галиной модели мира не было заложено четкого умения наслаждаться жизнью и общением с людьми, жажду ощущений ей приходится удовлетворять за счет самых стереотипных для такого рода людей чувств – страха перед будущим и страдания. Мазохизм – это кайф на страдании. Духовный мазохизм – неотъемлемая черта многих русских интеллигентов. Духовный мазохизм – бесконечное размышление над неоднозначными или не имеющими решения вопросами – самый простой способ для интеллектуала в случае недостаточной или неудовлетворяющей половой жизни пробудить в себе оргазмические

ощущения, иногда доводящие до экстаза, а иногда просто достаточные для удовлетворения жажды ощущений, в случае, когда реальная жизнь и реальные взаимоотношения с людьми не могут ее полностью удовлетворить.

Неистребимая склонность кайфовать на интеллектуальных построениях ярко просматривается и в письме, написанном мне Галей в тот период:

"Мне хорошо с тобой и плохо, и радостно, и грустно, и просто, и легко, и тревожно, и беспечно. Чего больше? Весы – баланс. Бухгалтер. Это слово себя изжило. Это понятие само перешло в другую категорию. Теперь важно вроде другое в работе по этой профессии – понять механизм, найти приложение силы к рычагу, ту главную точку, чтобы хотя бы рассмотреть то, что пытаешься понять.

Ничто в мире не постоянно, все усложняется, переполняется избыточной информацией, и когда-нибудь будет взрыв. Теория относительности.

Может и правда все было давным-далеко, потом превратилось в прах, теперь опять возродилось и снова ведет к краху?

Наверное правда. Это ведь противоестественно, что обычное, нормальное нужно считать глупостью, нужно его бояться, скрывать, и, наоборот, глупость человеческая возмечивается.

Как болит голова моя бедная. Хочу думать только о тебе, о нас, но не умею уйти от нахлынувшей на меня волны пессимизма, усталости, чувства ненужности своей в этом мире.

Мне так нужны твои слова, как солнце цветку. А как же тот кактус, который цветет один раз в своей жизни? Он тоже цветок. Я люблю кактусы, потому что сама из их породы – долготерпение их суть, а потом неумная сила цветения. Хорошо-то как!

Мне действительно претит половинчатость. Или все, или ничего. Не все можно делить. Есть вещи, по сути своей однозначные, и если их разобрать, то теряется сама их суть.

Не хочу, чтобы ты меня сравнивал, не хочу тебя прирученного, не хочу больше видеть твоих тренировок на себе. Ты почти достиг совершенства в части искренности. Поздравляю. А теперь попробуй быть мужчиной, а не мальчишкой, и помоги мне обрести спокойствие. Мне сейчас трудно это сделать самой, почти невозможно, так как прежние способы аутотренировок исключаются, а новыми не овладела к сожалению.

Ты мне даешь возможность уединения, которого я всегда не любила, а теперь и во все страшусь. Слишком много нового стало во мне, непонятного, несвойственного, и одной с этим оставаться трудно. Но, как ты когда-то сказал, – сама себе такой путь выбрала, вот и довольствуйся. А значит и к выводам пришла соответственным.

Нам не нужно больше встречаться. Ты стал тяготиться этой своей обязанностью, а я даже в своих глазах становлюсь смешной. Если раньше наши отношения были тайной, то теперь они становятся явью, а это в твои планы не входило.

Поэтому уходи, пока не поздно, и мне легче будет, если совесть моя будет чистой. Не сможешь ты жить и так, как спланировал свое будущее. Это пока мать жива, а потом нужен будет тебе человек, о котором хоть раз в неделю надо будет заботиться, если не сделает тебя рабом. Наверное, мы с тобой будем друзьями, но для этого нужно время, чтобы забыть. Давай попробуем это сделать.

Ты понимаешь, что вся моя писанина получается не от лучшего состояния духа, но так длится давно. Я всегда помню о пропасти, разделяющей нас. Здесь никакой оптимизм не поможет. А он у меня тает, как льдинка, а помогает мне жить мой неизменный дух противоречия. А насколько его хватит?

Ты в последнее время стал удивляться, что во мне много истинно женского. А кто же я? Если бы с раннего детства мне не пришлось участвовать в серьезных семейных отношениях, – кто знает, какой была бы я, и как бы жизнь моя сложилась.

Была бы музыкантом, растила бы детей, была бы непременно любимой женой. А так воспитала в себе мужественную женщину. Ни себе, ни другим радости.

Вот хотела пожить по твоим законам, радоваться жизни, просто тому, что живу, что люблю, что умею наслаждаться. Но это жизнь одного дня, а он не один теперь, а превратился в целую вереницу дней, и не только моих.

Опять судьба-пересмешница. Опять испытания на прочность, опять мужество. И так

мне уготовано вероятно до конца дней моих. Наверно, у радости тоже должен быть обеспеченный тыл.

Поздравляю тебя с Новым годом. Пусть он принесет тебе новые яркие впечатления."

Это любопытное произведение написано вполне в духе того времени. Вначале мы встречаем сонм общих фраз, являющихся вариациями на тему свободных ассоциаций. Эти свободные ассоциации снова отражают полярное разделение мира на его светлую и темную сторону, между которыми, как обычно, пребывает Галя, не зная, какую из них избрать.

То, что гораздо разумнее было бы сознательно избрать светлую сторону, не приходит ей в голову, потому что в таком случае она потеряла бы единственный источник ярких ощущений и оргазмических переживаний – страдание от осознания двойственности мира и неспособности справиться с этим печальным фактом. То, что она никак не может разобраться в происходящем служит оправданием того, что она не пытается и на самом деле не хочет найти конструктивный выход из ситуации, и это позволяет ей пребывать в привычном и удобном, хотя и не слишком приятном состоянии интеллектуального самокопания.

Характерным является то, что почти все фразы в письме являются обобщениями, и обобщениями очень широкими. Это тоже одна из разновидностей подсознательного самообмана. За нагромождениями обобщений Галя старается замаскировать самую банальную, самую примитивную вещь, которая на самом деле ее тревожит.

Признать ее открыто Галя неспособна, потому что тогда она лицом к лицу столкнется с основными противоречиями, заложенными в ее модели мира, а это было бы равносильно тяжелейшему внутреннему конфликту, способному сломать или уничтожить ее модель.

О том, чего же она не хочет признать, и какого рода внутренние конфликты приводят к подобному состоянию, я расскажу позже, продолжая комментировать страницы ее дневника.

Далее следует абзац о том, что нам не нужно больше встречаться. Это письмо было написано задолго до рождения ребенка, когда она на самом деле и не думала порывать со мной связь, а я тем более никогда этого не предлагал. Предложение разрыва было очередной регулярно повторяющейся игрой, которую Галя подсознательно вела.

Если бы я согласился и бросил ее, то я подтвердил бы ее теорию о том, что все мужчины достойны презрения, и решение стать матерью-одиночкой было принято совершенно правильно, поскольку лишь ребенок может стать существом, которое будет ее любить.

Если же я не пытался бросить ее, то, с одной стороны она продолжала поддерживать необходимую ей любовную связь, а с другой стороны, всегда имела повод демонстрировать мне свои душевные терзания, навешивая на меня вину в том, что со мной она не может быть счастливой, и приобретая таким образом рычаги эмоционального манипулирования а, заодно, снова подтверждая свою теорию, что все мужчины достойны презрения, и она сделала правильный выбор, решив стать матерью-одиночкой.

В любом случае она укрепляла свою искаженную модель мира, предпочитая чувствовать себя правой, чем быть счастливой.

Далее, она приписывает мне свои мысли о том, что общение с ней – тягостная обязанность для меня, и что она кажется мне смешной.

Это – очередная разновидность игры, поскольку я или вынужден признать, что она права, и оказаться неискренним притворщиком, непонятно с какой целью выносящим беременную женщину, или я должен начать оправдываться, оказываясь в психологически невыгодном положении, потому что она в любом случае продолжала бы отыскивать новые фантазии и обвинения, получая удовлетворение в роли безвинной страдальцы.

Не желая втягиваться в подобные игры, я продолжал вести себя нейтрально, относясь к ней терпеливо и доброжелательно, но в данном случае эта тактика не срабатывала, да я, честно говоря и не пытался, и, наверно, не смог бы перестроить ее модель мира. Итак, я оставался в роли стороннего наблюдателя, и жажды, не находившие утешения из-за моего отказа от игры, нарастали, усиливая общую неудовлетворенность и внутренний конфликт.

Очередной разновидностью ловушки является фраза:

"А теперь попробуй быть мужчиной, а не мальчишкой, и помоги мне обрести спокойствие." Подтекст ее таков, что если я не помогу ей обрести спокойствие – значит я не мужчина, а следовательно, как и все прочие мужчины достоин презрения, так что ее модель мира снова оказывается верной.

Поскольку помочь Гале обрести спокойствие за всю ее жизнь как до, так и после встречи со мной не удалось ни одному мужчине, с тем же успехом она могла предложить мне достать луну с неба. В результате, я оказывался ответственным за ее душевное смятение, и, кроме того, я не был мужчиной.

Переваливание ответственности на других и на обстоятельства звучит и в утверждении, что если бы с детства ей не пришлось участвовать в серьезных семейных отношениях, то она могла бы быть музыкантом и любимой женой. Думаю, что многие женщины, принимавшие участие в серьезных семейных отношениях, стали любимыми женами. Одно другому не противоречит.

Теперь вернемся к продолжению дневника.

"Оказывается, то новое состояние, в котором я сейчас нахожусь, не такое уж и плохое. Я вспоминаю себя десять лет назад, когда возникла ситуация, при которой я должна была решать свою дальнейшую судьбу. Но при всей моей мобильности в этом вопросе – создавать или нет семью, заводить ребенка, терять два года минимум из жизни – я оказалась очень недалезоркой. Это я теперь понимаю, спустя десять лет.

Тогда я танцевала, много ездила по стране, строила всякие прожекты насчет своей семейной жизни, а главное – не было во мне самой того главного состояния женщины, не родилось еще женское начало, которое сметает все на своем пути, и никакие логические постройки, никакие доводы не способны сдержать этот внутренний напор природы.

Тогда, десять лет назад, я думала, что рядом со мной должен быть человек, которому не нужно будет себя объяснять, тратить время на выяснение недоразумений, – их не будет, – мы ведь люди, умеющие думать, что мы одинаково остро будем ощущать жизнь, пить сполна чашу, которую она нам поднесла. О детях я не думала. Прежде всего рядом друг, а дети – производное. Смешно вспоминать.

Друга я так и не встретила, не появился он на моем пути. Я постепенно превращалась из мечтательницы в нечто среднего рода. Мужчины меня не интересовали. Всегда хотелось подчеркнуть их никчемность, слабость, беспомощность, потому что сама всего умела добиться и достичь."

Здесь мы сталкиваемся с типичным для многих женщин искажением модели мира, которое впечатывается в нее с детства, и которое можно назвать "ожиданием принца".

Действительно, из данного отрывка мы можем ясно заключить, что Галя рассчитывала встретить мужчину, лишенного человеческих слабостей, способного без всяких затруднений читать чужие мысли ("которому не нужно будет себя объяснять"), обладающего гениальной способностью избегать даже малейших конфликтов ("не нужно будет тратить время на выяснение недоразумений, – их не будет, – мы ведь люди, умеющие думать") и в своих эмоциональных переживаниях полностью в любое время дня и ночи совпадающего с Галей ("мы одинаково остро будем ощущать жизнь, пить сполна чашу, которую она нам поднесла"),

Мне кажется, что любой "человек, умеющий думать", способен сообразить, что даже отыскать мужчину, лишенного слабостей, особенно в глазах женщины, излишне склонной к феминизму – задача почти безнадежная, а если добавить к этому еще и способности к ясновидению и телепатии, – то, увы, это уже просто дохлый номер.

Подобное отношение к избраннику обычно является отражением глубинной установки, заключающейся в том, что настоящих мужчин не существует, и поведение женщины, даже если она с пеной у рта будет убеждать вас, что мечтает встретить своего принца, каждый раз будет неизменно направлено на то, чтобы доказать отсутствие в природе настоящих мужчин.

Видимо, если речь шла о замужестве, кандидат не был уж слишком Гале отвратителен, но наличие слабостей и отсутствие телепатических способностей как обычно, оказались решающим аргументом в пользу продолжения поисков принца.

Но, как и должно было быть по сценарию, принц так и не встретился, но зато наша героиня окончательно убедилась, что мужчины ее не интересуют. Посмотрим, что было дальше.

"Но так длиться долго не могло. Все должно иметь завершение, оконченность. А у меня даже горизонт не просматривался. Захотелось пожить в жизни, которую сама придумала, но проверка практикой обожгла, подсказала, что такое не для меня. Если нет друга, то нет и той семьи, которую я себе представляла. Сознание подсказало новый жизненный вариант, выход из тупика. Нужен отец моему ребенку.

Прагматизм? Да, но оправданный всей моей предыдущей жизнью. Честный, порядочный. Появился интерес к жизни, нет, грубо говоря, охота. Правда, мои вожжи уже настолько взяли надо мной верх, что слово «охота», обычное, из природоведения, мне не подходит. Однако, я определяю свое состояние последних трех лет именно так.

Итак, я смотрела на мужчин с позиции самки. Я выбирала. Не друга, не попутчика в жизни, не приятеля, а отца своего будущего ребенка.

Этот отбор не был лихорадочным, хотя мои физические возможности уже давали тревожные сигналы. Я оценивала всех подряд с одной точки зрения, и знакомых и незнакомых. Мои поездки благоприятствовали этому.

Но вот что странно, – природа природой, а психология, человеческое начало все-таки очертили строгий порядок выбора. В фокусе оказался один-единственный, которому дано было мной право на меня, на вторжение в мой мир, до этого четко определенный, уже захлебывающийся в себе самом, но мой.

Уже год я живу по новым правилам, ничего не знаю о своем избраннике, кроме его рассказов обо всем и ни о чем. Это счастливый год, беззаботный, пряный, медовый. Мой год, год петуха. Хоть день, да мой, хоть миг. Да наш. Такое долго не длится, я знаю. И не строю никаких планов на будущее, не живу надеждой, не мечтаю, а просто так существую, как все."

Здесь мы встречаемся с признанием, еще не достаточно осознанным, того, что модель мира Гали не соответствует реальности ("захотелось пожить в жизни, которую сама придумала, но проверка практикой обожгла, показала, что такое не для меня. Если нет друга, то нет и той семьи, которую я себе представляла"). Это могло бы послужить толчком к изменению взгляда на мир, на семью, на взаимоотношения с мужчинами, но не стало таким толчком. Снова сработал стереотип, что лучше быть правой, чем счастливой. Пересмотреть свои взгляды на мужчин означало бы признать, что сама схема ее жизни, ее убеждения были ошибочными.

Через все писания Гали просматривается одна мысль – нет человека достаточно тонкого и способного мыслить, чтобы понять ее душу и принять ее, восхищаясь тем, что она именно такая. Но ей ни разу не пришло в голову, способна ли она понимать мужчин и принимать их такими, как они есть.

Эта неспособность к полноценному контакту с окружающими людьми, в частности, с мужчинами, и определила ее состояние одиночества и погруженности в "мой мир, четко определенный, уже захлебывающийся в себе, но МОЙ" (в дневнике слово «мой» подчеркнуто).

Подобное заточение себя в собственный крошечный мирок установок и погружение в самокопание вместо того, чтобы наслаждаться прекрасным миром, населенными самыми разными и интересными людьми можно было бы сравнить с добровольным заключением в одиночную камеру. Поскольку такой тип поведения также является довольно распространенным, возникает естественный вопрос: в чем преимущество добровольного заточения в тюрьму?

Ответ может показаться абсурдным, но тем не менее это так: тюрьма с ее стандартным неизменным распорядком, регулярным приемом пищи и уверенностью в завтрашнем дне дает человеку ощущение безопасности. Известны многие случаи, когда человек, долгое время просидевший в тюрьме, не мог привыкнуть к жизни на воле и снова стремился обратно в тюрьму, где жизнь была простой и ясной, отсутствовал страх перед будущим и неуверенность в собственных силах.

Подобное поведение свойственно не только человеку, но и животным. Джеральд Даррелл в одной из своих книг рассказал о том, как в какой-то из латиноамериканских стран он собрал довольно большую коллекцию животных, но не смог вывезти ее, поскольку в стране произошел военный переворот. и речь шла только о том, чтобы самим выбраться оттуда.

В ожидании самолета Даррелл открыл клетки и выпустил животных на волю. И, как не странно, животные, достаточно долго пробывшие в неволе и привыкшие к уходу и регулярной кормежке, упорно отказывались от свободы, и снова и снова возвращались в свою тюрьму, не желая расставаться с удобным и безопасным существованием.

Даже вступив в связь со мной, пусть только с целью завести ребенка, Галя не подумала выйти из своего мира навстречу новому любовнику, попытаться увидеть мир его глазами, нет, она дала своему избраннику "право на меня, на вторжение в мой мир", видимо считая, что это – особая и уникальная привилегия.

В таком случае не удивительно, что после года общения она "ничего не знает о своем избраннике, кроме его рассказов обо всем и ни о чем". Трудно поверить, что "человек, умеющий думать" за год знакомства не способен ничего узнать о своем партнере, тем более, что я, по натуре открытый к

общению, не делал из своей жизни и мировоззрения особых тайн.

Подобное заявление лишний раз доказывает, что человек, погруженный в собственный замкнутый мир, реально не способен общаться, поскольку все его внимание и силы затрачиваются на поддержание своего внутреннего мира, на постоянное подтверждение своей правоты и подавление той части личности, которая отказывается эту правоту признать, на нескончаемое копание в собственных внутренних противоречиях, которое становится делом исключительной важности и которое не заканчивается никогда, обеспечивая человеку не очень занимательное, но все-таки занятие, подобное нетрудной и отвлекающей от мыслей работе заключенных в тюрьме.

Чем более искажена модель мира, чем больше в ней заключено внутренних конфликтов, тем больше энергии и сил требуется человеку для ее поддержания, и у него просто не остается возможности поддерживать гармоничный и плодотворный контакт с внешним миром и окружающими людьми.

Продолжим чтение дневника.

"Февраль – мой месяц. Трудный, непонятный, резкий и ясноокий, и хмурый, обещающий и ненадежный – все, что хочешь, встретишь в нем. А самое главное – все об этом знают, и принимают его таким, и готовятся к встрече с ним вот таким. Никому не дает покоя, и сам ни на час не останавливается на одном уровне. Странно, неужели все, родившиеся в этом месяце, такие?

И все-таки мне не нравится, что я не знаю своего нового друга, плохо знаю. Это часто приводит к мысли, что меня обманывают. Трудно так сразу менять свои принципы. Никогда не шла даже на откровенный разговор не узнав, не поняв человека. А здесь все иначе. Поддалась обаянию теории тантра. А кроме того, уже год вынашиваю мысль о ребенке.

Но если уже добилась своего, зачем мне теперь этот человек? Я его терпела, когда еще не достигла основной цели. А теперь почему терплю? Перестраховка? А вдруг еще раз пригодится? А если нет?

Глупый он. Думает, что я к нему привязалась, что он мне нужен, что вообще у меня к нему чувства есть. Ничего нет. И даже он мне надоел. Его упорная повторяемость. И еще, – это наверное самое главное, – мне не нравится, что он в доме уже не гость, и не хозяин, и не квартирант, и не любовник. Теперь он от меня ждет чего-то. Чего? И должна ли я ему? За что? В общем, не нужен он мне.

Когда-то он мне сказал: "уйду, как только ты скажешь". Наверное, в этих словах весь ответ на мои недовольства. Тогда они меня обидели, смешно признаться, но обидели. Но они же и повлияли на все дальнейшие отношения".

(Здесь мне хотелось сделать комментарий от себя, Ирины Медведевой. Отношение к данной фразе разных женщин может служить своеобразным тестом на составляющие их моделей мира.

Когда-то Саша сказал мне ту же самую фразу, "уйду, как только ты скажешь", но, поскольку в моей модели мира не было отношения к мужчинам, как к жалким, слабым и безответственным существам, стоящим ниже меня по уровню умственного развития, я спросила его:

– А если я не скажу, ты не уйдешь?

– Не уйду, – сказал Саша, и это оказалось правдой. Такая постановка вопроса меня вполне устраивала, более того, фразу "уйду, как только ты скажешь" я восприняла не как пренебрежение ко мне, а как знак уважения к моей личности и к моим желаниям. Навязываться человеку против его воли – дело неблагодарное и бессмысленное, не приносящее обоим ничего, кроме неловкости и чувства стыда.

Видимо, в модели мира Гали настоящий мужчина в ответ на предложение уйти должен был бы отреагировать попыткой самоубийства, или как минимум, долгой и душераздирающей сценой, в которой он валялся бы у нее в ногах, умоляя не лишать его ее драгоценного общества. Подобные взгляды характерны для женщин, чья неуверенность в себе компенсируется сильной жаждой контроля. Любой мужчина, чувства и поведение которого она не способна контролировать, представляет потенциальную угрозу ее душевному равновесию. Такие женщины подменяют искреннее и взаимодовлетворяющее общение с мужчинами всевозможными манипуляциями, предназначенными для обретения более или менее полного контроля над ними в попытке обретения спокойствия и душевного равновесия. А теперь снова вернемся к дневнику.)

"Я сама управляю всем процессом. А он только наблюдатель, но не участник. Так и я бы согласилась устроиться, – очень ловко, ни обязанностей, ни забот, хочу приду, хочу уйду, заботы у меня дома, а здесь и такому рады до полусмерти.

Вот оно отчуждение. Чужой он, несмотря ни на что, и никакие ночи не делают его родным. Это понятие не от чувств, а от сознания, от благодарности души.

Он прав в своих стихах, он прав в том, что показывает нас двоих в зеркале. Но ведь я все это знаю, знала, и говорила об этом без намеков, сразу, в первые дни. Чего он ждет от меня? Кажется, я начинаю понимать – новых ощущений. Преобразованная им самим женщина – какие будут ощущения? Почему бы не проверить на практике, если имеется такая возможность?

А я перестала ему верить. Уходит уважение, уходит любовь, уходит интерес. И чем чаще я его вижу, тем меньше иллюзий, он относится к тем, кто больше берет, чем дает, причем считает, что этим осчастлививает других. А вначале я этого не замечала, хотя он сам об этом говорил или о чем-то похожем. Разочарована я? Нет, я ведь не была очарована.

Что меня раздражает? Смутно понимаю, но это или нет – не знаю, – "сладку ягоду рвали вместе, горьку ягоду – я одна". Когда мне трудно – его нет рядом, и он не хочет и не пытается мне помочь, хотя трудности мои и не материальные. Эти мои сомнения ничем хорошим не кончатся. Я уже чувствую, как внутри меня появляется пепел. Так уже было. И был конец. И нисколько любви.

Какой же я несчастный человек. Не сама я создаю трудности, они во мне, это мой рок, моя судьба, и сама я никогда не сумею ее преодолеть, изменить.

Благодарна я тем светлым дням, когда простая радость, без всяких сомнений, угрызений, просыпалась со мной каждое утро, встречала день, солнце, жизнь живую, горячую. Нет, я ни о чем не забывала, но память моя мне не мешала наслаждаться этим отдыхом от собственных оков.

Почему они уходят в прошлое, что изменилось? Нет, не я, а мой товарищ. Не могу его другом назвать, и никак по-другому. Мне, казалось, что, несмотря на свою молодость, он тонко чувствует всю невыгодность моего положения, двусмысленность всей ситуации, мою борьбу с собой, – но, увы! Этого мне только хотелось. И потому сердце постепенно превращалось в комок боли, от которой некуда деться, и унять ее нечем. Как будто надвигается катастрофа, от которой мне не уйти.

Не знаю, чем закончится этот мой жизненный эксперимент, – или взлетом, или падением, – но явно одно, что в людях разуверюсь окончательно. И это будет самым худшим периодом в моей жизни. Сегодня я еще надеюсь жить (не хочу, но надеюсь)."

В этом отрывке мы сталкиваемся с проекцией. "И все-таки мне не нравится, что я не знаю своего нового друга, плохо знаю. Это часто приводит к мысли, что меня обманывают."

Явление проецирования своих неосознанных намерений или опасений часто встречается у людей, одна ("светлая") – часть личности которых отрицает существование другой ("темной"), подавленные желания и намерения которой в отношении других людей она отказывается признавать, наоборот, приписывая намерения своей темной стороны другим людям.

Галя всегда считала свою честность, порядочность и способность говорить то, что думает, своими особыми достоинствами.

Итак, она часто задумывается о том, что я ее обманываю. Но в чем? Она ни разу не привела конкретного случая, чтобы я ее обманул. Наоборот, это она решила использовать меня для того, чтобы родить ребенка, обманув меня с целью забеременеть. Но свое поведение она не может признать обманом на сознательном уровне, потому что это разрушило бы ее собственный положительный образ, позволяющий ей поддерживать внутреннее самоуважение.

Свой обман она обосновала ("Нужен отец моему ребенку. Прагматизм? Да, но оправданный всей моей предыдущей жизнью. Честный, порядочный.")

В такой интерпретации ее обман перестал быть обманом, и воспоминания о нем вместе со смутными угрызениями совести она загнала в подсознание, на отторгаемую, «темную» сторону. Неосознанное беспокойство, исходящее от этой части ее модели мира, она начала проецировать на меня, подозревая, что я ее обманываю, хотя реальной основы для это не было.

Проецируемые ею на мужчин фантазии о их слабости, никчемности и беспомощности в действительности тоже были попыткой защититься от этих своих качеств, не признаваемых и загнанных

на «темную» сторону. Доказывая свое превосходство над мужчинами, Галя лишней раз поддерживала свою самооценку, убеждая себя и других, что уж она-то ни в коем случае не является слабой, никчемной и беспомощной.

На какой-то срок в начале нашего общения из-за новизны и остроты ощущений ее подавленная женственность ("мои вожжи уже настолько взяли надо мною верх") ненадолго вырвалась на свободу, но как только цель оказалась достигнута, и она забеременела, снова выплыла на поверхность старая программа о никчемности и бесполезности мужчин. Поскольку человек видит исключительно то, что хочет видеть, я оказался мальчишкой, а не мужчиной, глупым и неспособным чувствовать глубину ее душевных терзаний и невыгодность ее положения. Подсознательно боясь сама оказаться никчемной в случае, если бы я первым ее отверг, она начала лгать самой себе, убеждая себя в моих многочисленных недостатках, в том, что она никогда меня не любила и лишь пользовалась мной для достижения своей цели.

Лишь много лет спустя, после долгих лет одиночества и неоднократных попыток продолжить свои игры в письмах, наполненных то оскорблениями, то признаниями в любви, которые она писала мне в Москву, и на которые я не отвечал, Галя признала то, что не желала признавать, когда мы были вместе.

"... Вот тебе пишу всегда в одном и том же состоянии – когда в меня вселяется безвыходность-безысходность. В эти минуты я почему-то всегда обращаюсь к тебе. Мне ведь легче становится, как только опускаю конверт в почтовый ящик. Я уже примирилась с тем, что кроме вас с Шуриком для меня никого нет. А был период, когда все мое существо противилось одиночеству. Остались только сны, и мне даже не грустно от этого. Видишь, один год с тобой стоит мне всей оставшейся женской жизни. Хватит? Да, дорогой."

"...Ну а моя тайна совсем раскрыта. Оказывается, так и должно быть, я себя никогда не изменю. Никого не представляю рядом с собой, кроме тебя. Вот так."

С годами, особенно если эти годы были одинокими и безрадостными, люди становятся мудрее. Меняется их модель мира, и иногда они даже начинают понимать и признавать свои ошибки.

Учитель был совершенно прав, говоря, что самая страшная разновидность лжи – это когда человек лжет самому себе. Ирония судьбы заключается в том, что человек, наполненный внутренними противоречиями, чья модель мира искажена и негармонична, всегда обманывает самого себя, не будучи способным признать это на сознательном уровне, и это становится причиной его собственных несчастий и страданий близких ему людей.

Я был даосом, и поведение Гали не могло причинить мне большого психологического ущерба, хотя ее вечные метания, попытки провоцировать скандалы и требования чего-то, чего она сама не могла определить, не доставляли особого удовольствия.

В первую очередь ее модель мира делала несчастной ее саму, косвенно отозвавшись впоследствии и на сыне. Из дневника мы видим образ глубоко несчастной, не способной к нормальному общению с мужчинами женщины. Мне было очень жаль ее, но я понимал, что не мог ей помочь. В те времена было не модно ходить к психотерапевту, да их толком-то и не существовало. Таких, как Галя, были тысячи, и они рожали детей, привнося в их модели мира собственные противоречия.

"Я сама управляю всем процессом" – жажда и иллюзия контроля. Далее следуют фантазии на тему о том, чего я жду и что я чувствую, – фантазии, не имеющие ничего общего с действительностью, но подкрепляющие ее модель мира.

"Какой же я несчастный человек. Не сама я создаю трудности, они во мне, это мой рок, моя судьба, и сама я никогда не сумею ее преодолеть, изменить."

В этой фразе Галя снова подтверждает наличие в ней двух личностей, одну из которых она отрицает. Она – это светлая часть ее личности, которая никаких трудностей не создает ("не сама я создаю трудности"), их создает нечто, не являющееся ею, но находящееся внутри нее ("они во мне, это мой рок, моя судьба"). Вместо того, чтобы прийти к выводу, что ее судьба – это результат ее собственных поступков и признать в себе то, что ей не покажется очень красивым и приятным, но тем не менее является частью ее личности. Галя приходит к убеждению, что она ничего не сможет с этим поделать ("это мой рок, моя судьба, и сама я никогда не сумею ее преодолеть, изменить"), Таким образом она снимает с себя ответственность за свое поведение и необходимость признавать свои ошибки.

Подобный стереотип мышления – типичный для сценария неудачника. Поскольку от нее ничего не зависит, она будет раз за разом совершать одни и те же действия, в данном случае приводя к краху

любые отношения с мужчинами.

В сценарии победителя записано совсем другое убеждение: "я потерпел неудачу, а, значит, я совершил ошибку. Теперь я стал умнее, и в следующий раз добьюсь лучшего результата."

Подобные сценарии являются составной частью моделей мира. и одним из важнейших этапов перестройки модели мира служит преобразование деструктивных сценариев и убеждений в конструктивные.

Что характерно для деструктивных сценариев? В первую очередь – склонность к отрицательному воображению, и во-вторых, избирательное накопление отрицательных впечатлений, подтверждающих основные для этого сценария убеждения.

Из нашего общения она накапливала не радостные и светлые моменты, которых было немало, а, как золотоискатель крупницы золотого песка, выискивала подтверждения, что счастье не может долго длиться, и если не находила их, то придумывала сама. Не удивительно, что с таким подходом она "чувствовала, как внутри меня появляется пепел. Так уже было. И был конец. И несколько любви." Именно такой конец отношений с мужчинами и был записан в Галином сценарии.

Типичным является и заключение: "Не знаю, чем закончится этот мой жизненный эксперимент, но явно одно – что в людях разуверюсь окончательно, и это будет самым худшим периодом в моей жизни."

Еще не зная, что произойдет, она уже уверена в трагическом конце, и предпочитая быть правой, чем счастливой, уверенно движется навстречу развязке.

Более того – на основе неблагоприятного опыта общения с несколькими мужчинами она делает гениальное обобщение. окончательно разочаровываясь во всем человечестве без исключения. Такую позицию трудно назвать жизнеутверждающей и оптимистичной.

Теперь двинемся дальше и перевернем новую страницу дневника.

"Март, пробуждение, торжество молодого, только что рождающегося, звонкого, неотвратимого. Так есть, должно быть. Что зима с землей не делала, как ни была, как ни жгла, из-под снега из-под белого снова речка потекла.

А я почему-то не чувствую весну, как всегда это было. Не горит душа и не ждет нового. Затаилась еще или уже в ожидании, в каком-то страхе, неизвестности. Нет по утрам прежней буйной радости беспричинной. Жаль, что-то ушло, кануло.

Боже мой, зачем это продолжается? Зачем я его держу? Развязка не наступает из-за моей странной какой-то заторможенности. Она меня и спасает от решительного шага, который может быть последним во всей нашей совместной истории. Как будто кино смотрю беспристрастно, ни за кого не болею, а только с любопытством жду, чем все закончится, будто не я главное действующее лицо.

Вся трагичность моего положения в том, что я не вижу конца этому представлению. Не хочу его продолжения, но и не могу его остановить. Я не умею существовать, жить одним днем, а здесь все подчинено именно такому образу жизни. Мне хочется понять свое состояние, но что-то ускользает, не определяется.

Похоже оно на ощущение под водой или в помещении без воздуха, когда хочешь вдохнуть полной грудью, но нельзя или невозможно. Я только одно могла себе позволить – тайно наслаждаться, а откровенно радоваться, любить и знать, что тебя любят, быть нужной и знать, что сама нужна – этого мне не позволено. И никто не дарит мне этой свободы.

Прошло мое упадническое состояние. Произошел какой-то переворот в сознании. Наступила та самая свобода души, которая не шла ко мне. Опять появились всякие устремления, к деятельности, к познанию, к путешествиям. Я бы не поверила, что может возвращаться молодость, если бы сама не оказалась в этом состоянии снова. Удивительно, непостижимо, немножко страшновато, зато необычно и замечательно. Жду новых ощущений.

Почему-то как только берусь за дневник, сразу хочется жаловаться, поплакаться, покапризничать. Записала это и сразу поняла причину – расслабляюсь. Больше никому и не перед кем больше. То есть всегда была и есть одна. И это состояние углубляется. От всех отдаляюсь в своем. Ни с кем ничем не хочу делиться. Ни частными выводами, ни общими. Зачем? Никому, кроме меня они не нужны.

Почему-то вспоминаются слова из нашумевшего когда-то шлягера: "А на кладбище все спокойненько, ни друзей, ни врагов не видать, все культурненько, все пристойненько,

удивительная благодать!"

Чем ближе финал, тем спокойнее я становлюсь – что бог пошлет. Все равно ничего не изменится от моего беспокойства.

Сейчас я вспоминаю, что такой я была в студенческие годы. Ничто меня не могло вывести из себя. И смешно было наблюдать суету людскую, похожую на мышиную возню. Куда-то торопятся, ссорятся, завидуют, ненавидят, а смысл этого где? Зачем все это?

Возникает и сейчас, как и тогда, перед глазами баня, полная голых тел – все одинаково мокрые, облезлые, волосы обвислые – никто ничем не разнится. Да и конец у всех одинаковый – все под одним богом ходим, одним воздухом дышим. Это очень хорошо, что я много одна бываю – вроде возрождения происходит."

Из всего, прочитанного выше, легко заключить, к какому типу относится Галя. Это – женщина головы, тела и сердца. Чтобы напомнить, чем характерен этот тип, я еще раз приведу слова Учителя, описывающие его.

"Женщина головы, тела и сердца – разумна и рассудочна. Она умеет контролировать свои эмоции и проявления своего тела. При правильном развитии такая женщина способна достичь высочайших высот в любви, но, если события складываются не столь благоприятно, она во имя каких-либо кажущихся ей рациональными целей может превратиться в черствое и бездушное существо, подавляющее все свои естественные порывы."

Правильное развитие в данном случае подразумевает гармоничную модель мира и позитивную и адекватную направленность интеллектуальной деятельности, позволяющую правильно оценить свои потребности и помогающую эти потребности удовлетворить,

– Женщину этого типа можно раскрыть через сексуальную сферу, – объяснил Ли. – В случае, если мужчине удастся по настоящему ее увлечь, тогда, хотя и ненадолго, давление разума ослабевает, и в ней проявляются живые и естественные эмоции, как следствие раскрепощения сексуальной сферы и удовлетворения подавляемых в течение длительного времени желаний тела.

В случае Гали с ее противоречивой и неадекватной моделью мира ее развитие, к сожалению, не было правильным, и, хотя на короткое время мне удалось через удовлетворяющий секс пробиться к ее эмоциям, интеллект вскоре включился в борьбу, уничтожая радость общения и любви "логически обоснованными" прогнозами грядущих страданий.

Переразвитый интеллект Гали безжалостно подавлял ее сексуальную и эмоциональную сферы. Мы видим, что свое решение отказаться от замужества десять лет назад Галя мотивирует не отсутствием любви и не какими-либо недостатками претендента на ее руку и сердце, а тем, что она не хотела терять минимум два года из жизни, заводя ребенка – чисто рассудочное решение, не принимающее во внимание ее нормальную женскую потребность в любви и сексе.

За десять лет непрерывного подавления сексуальность и эмоциональная сфера, загнанные на «теневую», не признаваемую сторону личности, создали столь сильный перекося в модели мира, что подавлять их становилось все труднее и труднее.

Решение завести ребенка стало очередной попыткой Гали разрешить свои внутренние противоречия и снять часть эмоциональной и сексуальной напряженности. Подсознательно она понимала, что это не решит ее проблемы, но завести ребенка было гораздо проще, чем разобраться в себе и признать-таки наконец свои так долго подавляемые потребности, а, признав, попытаться их удовлетворить достаточно конструктивными способами.

Но этого не происходит. В последнем отрывке из дневника мы видим, что вытворяет Галин интеллект в своей непрекращающейся борьбе за власть.

"Смешно было наблюдать суету людскую, похожую на мышиную возню. Куда-то торопятся, ссорятся, завидуют, ненавидят, а смысл этого где? Зачем все это?"

Возникает и сейчас, как и тогда, перед глазами баня, полная голых тел все одинаково мокрые, облезлые, волосы обвислые – никто ничем не разнится. Да и конец у всех одинаковый – все под одним богом ходим, одним воздухом дышим."

Безрадостная картина, не правда ли? Но, как бы ни были подобные представления разрушительны для человеческой психики, в них есть нечто, доставляющее удовлетворение. В подобном представлении Галя оказывалась вне людской суеты, напоминающей мышиную возню. Она повышала свою самооценку, ощущая себя выше этой суетящейся безликой толпы мокрых, облезлых, с обвислыми волосами тел. Она была не такая.

Подобный отзыв о человечестве вполне мог бы дать робот, потому что таково заключение негативно настроенного интеллекта. Робот лишен сексуальности и эмоций, а именно эти составные части личности и являются теми волшебными красками, что расцвечивают холст человеческого существования. Без них жизнь действительно может показаться баней, полной отвратительных голых тел, неотвратно движущихся навстречу безрадостной старости, болезням и смерти.

У людей головы, тела и сердца именно голова дает или не дает разрешение на секс. Чтобы получить у своего интеллекта разрешение на секс со мной, Галя должна была представить ему четкое обоснование – необходимость завести ребенка.

"Добро" было получено, и, на время освободившись от давящего бремени собственной рассудочности, Галя на какой-то период стала нормальной женщиной, способной наслаждаться долгожданной сексом и эмоциональным общением с разбудившим ее чувства мужчиной.

Но, наконец, цель достигнута, ребенок зачат, и у нее уже не остается аргументов, чтобы объяснить самой себе, зачем она встречается со мной. Говорить о любви или страсти человек, у которого во всем превалирует голова, просто не способен, и она начинает отыскивать притянутые за уши обоснования нужности или ненужности наших встреч. Поскольку деструктивно настроенный рассудок безжалостно убивает чувства, Галя действительно не может понять, почему же она продолжает встречаться со мной.

Ее душевные терзания отражают жестокую внутреннюю борьбу между интеллектом, вновь пытающимся взять вверх, эмоциями и сексуальностью, и я, по вине которого разыгралась эта борьба, оказываюсь то мальчиком, достойным презрения, когда верх берет интеллект, то любимым и желанным мужчиной, когда наружу вырываются подавляемые эмоции и инстинкты.

"Я не умею существовать, жить одним днем, а здесь все подчинено именно такому образу жизни", – пишет Галя.

Для того, чтобы жить одним днем не нужен контроль интеллекта. Лишь хорошо развитая и стабильная эмоциональная сфера позволяет существовать и жить одним днем, наслаждаясь каждым мгновением. Интеллект не способен наслаждаться. Он может только рассчитывать и планировать.

Даос, применяя свой интеллект, думает, что если он проведет с партнером один прекрасный день, то следующий день, подкрепленный приятными воспоминаниями, будет еще лучше, за ним наступит новый день, не менее чудесный, и так далее. Даос не строит громоздких интеллектуальных схем, программирующих грядущие катастрофы, хотя, если случится несчастье, он всегда готов встретить его лицом к лицу.

Если можно превратить в праздник один день с любимым человеком, если можно сделать праздником неделю, месяц или год – то праздником может стать и вся жизнь, и зачем задумываться о том, что может быть когда-нибудь случится что-то плохое. Когда проблема возникнет, ее надо будет решать, а пока все хорошо – зачем терзать себя и партнера размышлениями о будущих несчастьях?

Галя же твердо знает, что чем больше счастье – тем меньше оно длится. С чего она это взяла? Просто каким-то образом эта идея много лет назад проникла в ее модель мира и укоренилась там, определив ее отношение к жизни и к мужчинам.

Люди с подобными установками не способны жить сегодняшним днем, наслаждаться тем счастьем, которое они сегодня имеют, поскольку они живут не настоящим моментом, а воображением о грядущих катастрофах, которые погрузят их в пучину горя и страдания. Чтобы застраховать себя от страданий в будущем, они изо всех сил пытаются контролировать и подавлять свои эмоциональные порывы в настоящем, создавая иллюзию контроля над собственной жизнью, но, на самом деле, заключая себя в тюрьму собственных страхов и подавляемых инстинктов.

Ли когда-то сказал:

– Идея судьбы и предопределенности – самая опасная для человеческого разума. Она создает иллюзию предопределенности, снимающую с человека ответственность за свою судьбу. Я уже не раз говорил тебе об этом. Даос не подчиняется своей судьбе, он творит ее.

Отрицательное воображение и прогнозирование – злейший враг счастья. Человек, склонный к отрицательному воображению, как ядовитый источник, не только убивает жизнь внутри себя но и уничтожает все, соприкасающееся с его тяжелыми отравленными водами.

Когда-то я спросил Учителя, как определять грань своей ответственности перед другими людьми, перед теми кто тебя любит и кто в тебе нуждается.

– Даос платит добром за добро и любовью за любовь, – сказал Учитель. – Но ты должен различать истинную и бескорыстную любовь от того, что называют любовью другие люди от жажды обладания, контроля, жалости или наслаждения.

Только человек с гармоничной картиной мира способен любить, не обрушивая на любимого

человека невыносимый груз внутренних конфликтов и противоречивых требований. Грань собственной ответственности можешь определить только ты сам. Если в твоих силах поддерживать добрые и хорошие отношения с любящим тебя человеком, ты должен делать это. Но если не в твоей власти исправить искаженные модели мира людей, вносящих свой собственный внутренний разлад в отношения с другими и убивающих свет и радость жизни, лучше отойти в сторону, пока в твоей душе еще сохранилась хорошая память об этом человеке.

Вопрос об ответственности всегда неоднозначен, например, я могу спросить, что бы ты предпочел, будучи командиром корабля: спасти матроса, бросившегося за борт в попытке свести счеты с жизнью или выполнить боевую задачу, от успеха которой зависит жизнь многих людей? В данном случае любое решение будет трудным, и тебе останется лишь принять на себя ответственность за него, не терзая себя в дальнейшем сомнениями или сожалениями.

Так и в жизни. Ты не можешь взять на себя ответственность за всех, с кем сталкивает тебя судьба. И если какой-то человек не может быть счастливым, общаясь с тобой, ты не должен тратить свои душевные силы в попытке разрешить его проблемы. Есть много других людей, которым ты поделишь радость и счастье, сам наслаждаясь их обществом.

Следующая часть дневника была написана уже после рождения ребенка.

"Пришел Саша. Был весь день, но сказать ему ничего не смогла.

Напала какая-то оторопь. Пока пусть все будет, как было.

Мне задавали вопрос, люблю ли я Сашу. Я ответила, что отношусь к нему очень хорошо. А подумалось больше – я родила себе нового Сашу, очень похожего, и может быть только мой возраст делает меня благоразумной. Я должна быть всегда готова к известию, что Шуркин папа уже чей-то муж и еще папа. Как скоро это будет – не знаю, но это неизбежно.

Хорошо бы, если он уедет, например, в Москву. А, может, я преувеличиваю свою ревность, может она теоретическая? Дай бог, чтобы было так. Большое видится на расстоянии. В который раз убеждаюсь в том, что мои первые порывы, впечатления всегда верны. Мы с Сашей оба преследовали первоначально корыстные цели. Он – беззаботность и спокойную жизнь на некоторое время. Я для него очень удачная гавань, этакое временное пристанище.

А что я? По идее, я должна благодарить судьбу за возвращенную молодость, за вновь приобретенную радость бытия. А я благодарна. Да. Судьбе. И Саше тоже. За его терпение, умение скрывать свои чувства, для меня это и боль и отрада.

Мне тоже хочется, чтобы сын вырос здоровым, а здоровье его во мне заключено. Только вот лучше бы между нами сейчас сложились деловые отношения, если ему хочется иметь сына. Зачем он вызывает в себе чувства ко мне? Я в них не верю. Да и он сам уже устал от своего театра. Если раньше он мне приносил только положительные эмоции, то сейчас я остаюсь после каждого его ухода опустошенной, в недоумении. Зачем все продолжается? Я не могу делить себя между Шуркой и Сашей. И органичным целым этот союз для меня не становится. Саша в нашем союзе чужой. Это моя боль. Сознание того, что я знаю об этом, что не будет очередного разочарования – главная моя движущая сила. Я уже не боюсь той боли, которую когда-то испытала.

Спасибо вам, Шурки мои родные, обоим спасибо. Старому за то, что был, малому за то, что есть.

Должны мы с Шуриком уехать в Семисотку. Надолго, до холодов. Вот и будет очистительное время и для Саши и для меня. Не буду с болью смотреть на себя в зеркало, бояться яркого света, содрогаться от слов, которые Саша говорит, как укор – морщины бы убрать; морщин меньше стало; говорят: "что ты в ней нашел – старая, некрасивая, жадная." Вот так-то, тетка. Для Шурика буду самой любимой и красивой."

(На этом дневник заканчивается.)

В этом отрывке мы видим, как рассудок вновь постепенно берет верх, и с помощью фантазий о моем отношении к ней, отрицательного воображения и логических построений завершает работу по окончательному обоснованию необходимости нашего разрыва.

Как мы видим, ее "главная движущая сила" – осознание того, что мы неизбежно расстанемся и что "не будет очередного разочарования". Таким образом, создав четкую картину нашего разрыва в

будущем, Галя предпочла реализовать его сейчас.

Правда, рассудок оставил ей лазейку для удовлетворения потребностей в общении со мной: "Лучше бы между нами сейчас сложились деловые отношения, если ему хочется иметь сына". Некоторое время она эту лазейку эксплуатировала, пытаясь играть моими чувствами, и то заявляла, что сын только ее, и он даже вовсе не от меня, а от другого мужчины, то рассказывала ребенку, что его папа умер.

Заботы о ребенке потребовали от нее большой эмоциональной отдачи, и на время внутренние противоречия, эмоциональная и сексуальная неудовлетворенность перестали проявляться с прежней остротой. Для этого у Гали просто не оставалось ни времени, ни сил.

Но ребенок подрастал, я уехал в Москву, одиночество и неудовлетворенность вновь дали о себе знать. С другими мужчинами отношения не складывались, и рассудок вновь породил очередную идею, дающую повод ее эмоциональной сфере немного разрядиться: ребенку нужен отец. Под этим предлогом Галя в течение многих лет писала мне письма, утверждая, что мы еще не расстались, и под тем или иным предлогом настаивая на встречах.

Еще раз хочу подчеркнуть, что, несмотря на все, сказанное выше в плане анализа Галиной модели мира, я считаю ее умным, хорошим и порядочным человеком. Галя – прекрасная мать, талантливый научный работник и надежный друг. Тем более обидно, что непонимание механизмов собственного поведения, неспособность налаживать и поддерживать хорошие и взаимоудовлетворяющие отношения с мужчинами лишили ее радостей любви и нормальной семьи.

Эта тщательно подавляемая глубокая внутренняя неуверенность в себе, в способности удержать мужчину и внушить ему любовь звучит в последней фразе дневника: "Для Шурика буду самой любимой и красивой".

Многие женщины, отчаявшись найти счастье в мужской любви, рожают детей в надежде компенсировать ее отсутствие сыновней любовью. Но это глубокое заблуждение. Лишенный одной ноги человек способен ходить, даже бегать и танцевать, но, пусть и научившись компенсировать свой недостаток, он никогда не будет чувствовать себя полноценным и здоровым.

Лишь умелое и полноценное удовлетворение основных человеческих потребностей может дать подлинное счастье. Замкнутость в своем собственном запутанном и противоречивом мире лишает человека удовлетворения одной из главных своих потребностей – потребности в обществе себе подобных, в полноценном общении, которое могут дать любимые и близкие по духу люди.

В большинстве случаев на решение родить ребенка помимо давления окружающих и желания следовать традициям продолжения рода оказывает влияние еще и неудовлетворенная жажда контроля, ведь ребенок – это единственное существо, принадлежащее только матери и просто обязанное любить ее и выполнять ее требования в силу связывающих их кровных уз.

По-правде говоря, я долго раздумывал, стоит или нет публиковать Галин дневник, но, еще раз перечитав ее слова:

"Всегда была и есть одна. И это состояние углубляется. От всех отдаляюсь в своем. Ни с кем ничем не хочу делиться. Ни частными выводами, ни общими. Зачем? Никому, кроме меня, они не нужны", я решил, что ее частные и общие выводы могут принести пользу сотням, а может быть и тысячам людей, совершающих ту же самую ошибку и загоняющих себя в ловушку одиночества и негативных фантазий по поводу взаимоотношений с окружающими и мрачного, наполненного болью и разочарованием будущего.

Возможно, если бы Галя когда-либо до знакомства со мной прочитала чей-либо похожий дневник с подобными комментариями, она смогла бы разглядеть аналогичные деструктивные стереотипы поведения в своей собственной модели мира, а от понимания своих ошибок уже можно сделать следующий шаг – стараться их не повторять.

Лучше учиться на чужих ошибках, чем на своих, и дневник конкретной женщины, описывавшей все терзавшие ее сомнения и противоречия, подходит для этого гораздо лучше, чем сухое и академическое изучение искажений моделей мира.

Тема искажений моделей мира неоднократно всплывала в моих беседах с Учителем и Лин. Они учили меня, по каким признакам, жестам и фразам можно подметить то или иное внутреннее противоречие или наличие внутреннего конфликта. Они объясняли мне, к каким последствиям приводят нарушения в моделях мира баланса стихий или баланса головы, тела и сердца.

Я учился определять жажды, возникающие на основании неудовлетворенных потребностей и предсказывать последствия, к которым может привести дальнейшее развитие жажд. Я научился прослеживать заложенные с детства установки и ограничивающие убеждения, мешающие человеку развиваться и добиваться успеха в поставленных задачах.

Ли сказал, что хотя при хорошем знании дела детали конструкции модели мира можно успешно распознавать даже у почти незнакомого человека, лучше всего начать исследование моделей мира с близких мне женщин.

– Женщины вообще более выразительны в своих проявлениях, – объяснил он. – А тем более, женщины, открывающие перед тобой свои самые сокровенные сексуальные и эмоциональные порывы. Изучая их, ты многое узнаешь и о себе самом. Но все-таки самое лучшее учебное пособие – это твоя собственная модель мира. Ты еще удивишься тому, какие самые неожиданные вещи скрываются в ней.

Учитель оказался прав. В своей модели мира я подмечал те же самые искажения, что и у окружающих меня людей – склонность к отрицательному воображению, страх перед неопределенностью будущего, перенесение на других своих собственных тревог и опасений, отрицание некоторых частей своей личности, ограничивающие убеждения и многое другое. Моим преимуществом было лишь то, что эти дефекты не проявлялись в слишком яркой форме, а, научившись распознавать их и отслеживать, я мог избавляться от них с помощью специальных упражнений.

Исследование и корректировка моделей мира – тема слишком обширная для описания ее в книгах серии "Путь Шоу-Дао", но в то же время вопрос построения гармоничных моделей мира, формирующих счастливых и успешных в личной жизни и профессиональной деятельности людей мне представляется настолько важным, что в ближайшее время я предполагаю опубликовать новую серию книг "Технология счастья", в которой главное внимание будет уделяться формированию и структурам моделей мира, способам устранения внутренних противоречий и ограничивающих убеждений и приведения их к гармонии, а также даосским психотехникам, с помощью которых современный человек сможет сделать свою жизнь более счастливой, насыщенной и полноценной.

Глава 16

Значительную часть времени, которую я проводил с Лин, мы посвящали изучению методик лечения Шоу-Дао. Иногда лечение требовалось и мне самому. Мои проблемы со здоровьем в основном были связаны со старыми травмами, полученными во время тренировок по дзю-до или происшедших в детстве несчастных случаев.

Еще будучи школьником, я, проверяя себя на мужскую доблесть, развлекался, прыгая с поезда, идущего на большой скорости. Эти эксперименты закончились серьезной травмой тазобедренного сустава левой ноги. Теперь же я ухитрился к старой травме добавить еще и легкий вывих тазобедренного сустава и был вынужден ходить с палочкой, страдая от непрекращающейся боли.

Моя возлюбленная пообещала, что за неделю поставит меня на ноги, и я перебрался к ней, сказав маме, что друзья по блату положат меня в очень хорошую больницу в другом городе. Маме эта идея не понравилась, но я был тверд, и после долгих и утомительных пререканий ей пришлось уступить.

Была середина октября, и интерьер временки украсился новым железным чудовищем, потеснившим поставленный вертикально гибрид корыта и ванны. Это была комбинация печки-буржуйки с уходящей в прорезь в стене зигзагообразной трубой и плиты с отверстием в верхней части, диаметр которого регулировался набором уменьшающихся в размере чугунных колец,

– Мне нравится болеть рядом с тобой, – сказал я возлюбленной.

– Еще бы! – усмехнулась она. – Мужчинам вообще свойственно получать удовольствие, заставляя женщин хлопотать около них. Но не надейся, что я позволю тебе слишком долго изображать из себя инвалида. Тебе повезло, что сейчас осень, и твой организм полон сил. В это время года и в этой местности восстановление происходит гораздо быстрее.

– Я бы предпочел остаться здесь навсегда, – галантно сообщил я, бросая одобрительный взгляд на корзинку, полную спелых соблазнительных фруктов. – Если единственный способ постоянно быть вместе с тобой – это заболеть, я готов пожертвовать здоровьем ради любви.

– Эту неделю мы посвятим изучению упражнений и методов лечения пяти первоэлементов, – сказала Лин, укоризненно покачав головой.

Эта тема уже была мне знакомой. Несколько месяцев назад кореянка познакомила меня с системой укрепления внутренних сил организма, основанной на пяти первоэлементах. Эта система включала в себя множество техник и упражнений, в частности связанных с временами года и биологическими часами. Так, лето знаменовалось изучением пальчиков интимного свойства, предназначенных для контакта с женщиной, осенью же основной упор делался на технику работы с огнем, на упражнения по задержке семени и одиночные медитативные тренировки с использованием уже иных

пальцовок.

Более подробно о системе пяти первоэлементов я расскажу в книге "Обучение травами", а сейчас лишь вкратце поясню, что это такое.

Пять первоэлементов не только служили базой для классификации, но и лежали в основе упражнений и выбираемых методов лечения или укрепления организма. На первом, самом простом уровне, каждому первоэлементу соответствовали свои упражнения и лечебные приемы. На следующем этапе уже рассматривались сочетания двух первоэлементов, и упражнения также комбинировались особым образом. Самыми сложными были комбинации каждого с каждым – пяти первоэлементов в разных объемах и сочетаниях.

В зависимости от наличия в организме человека избытка или недостатка стихий воды, воздуха, огня, земли или дерева, ему рекомендовались те или иные упражнения и методы лечения, которые изменялись по мере того, как стихии приходили к гармоничному равновесию.

Примером сочетания воздуха с водой могли быть дыхательные упражнения, совмещенные с растяжкой. Если к ним добавлялось еще и прижигание активных точек – это означало объединение уже трех элементов – воздуха, воды и огня. Вводя в упражнение периодические напряжения мышц растягиваемой зоны, мы приносили элемент земли, а, исполняя пальцовки, несущие образ листьев дерева, мы прибавляли последнюю стихию.

Пальцовки не обязательно всегда относились к стихии дерева. В некоторых случаях они представляли элемент воздуха, воды, огня или земли. В пальцовках воздуха пальцы назывались перьями. В этом случае в медитативных практиках пальцы связывались с мыслеобразом перьев. При работе с огнем пальцы становились языками пламени, а при отработке пальцовок земли пальцы представлялись камнями. Эти камни могли быть драгоценными, "чертовыми камнями" или еще какими-либо, в зависимости от образа, который требовался для выполнения данного упражнения.

В работе с каждой стихией можно было подобрать упражнение для восстановления или лечения любого органа. Так, например, при работе с половыми органами сжатие яичек в руке относилось к образу земли или камня, потряхивание их – к элементу воздуха, оттягивание – к стихии воды, насыщение их мыслеобразами – к элементу огня, а комбинации нескольких способов – к стихии дерева.

Лин отнеслась к моему лечению самым серьезным образом. В течение первых четырех дней она регулярно меняла на моем тазобедренном суставе примочки и пластыри, приготовленные на основе глины, теста, лекарственных трав и еще каких-то ингредиентов.

Чтобы я не страдал от непрекращающейся боли, она показала мне новую, еще неизвестную мне технику "волшебных сосудов".

– Для борьбы с подобной болью лучше всего использовать мыслеобразы, – объяснила корейка. – Если у тебя есть два пустых сообщающихся сосуда, один из которых расположен выше, а другой ниже, и ты будешь наливать жидкость в верхний сосуд, она потечет вниз, наполняя собой нижнюю емкость. Смысл упражнения в том, чтобы представить больное место в качестве одного из сообщающихся сосудов. Любой сосуд ты можешь заполнить нужными тебе мыслеобразами, разогреть или охладить его, перелить наполняющие его опущения в другой, более низкий сосуд или, наоборот, наполнить его мыслеобразами верхнего сосуда. Поскольку сосуды – волшебные, то на самом деле на них не действует сила тяжести, и ты, если захочешь, сможешь легко переместить содержимое нижнего сосуда в верхний, так что в этом смысле для тебя не существует никаких ограничений.

Каждый сосуд – это ограниченный объем тела. Ты можешь сделать сосудом только коленную чашечку, а можешь превратить в него весь участок от коленной чашечки до тазобедренного сустава, или ты можешь представить в виде сосуда весь тазобедренный сустав, четко сосредотачиваясь на его объеме, на тех ощущениях, которые он дает.

Ты можешь послать в него дополнительный жар, разогревая его, и, если боль при этом становится слишком резкой и дергающей, ты можешь охладить его, переливая в него прохладу из расположенного выше сосуда. Смысл заключается в том, чтобы объем, прежде занятый болью, постепенно заполнялся приходящей ей на смену приятной истомой, замешанной на оргазмических ощущениях, перетекающей в нужную зону из сообщающихся сосудов.

Тебе придется с помощью мыслеобразов наполнить сосуды, сообщающиеся с больным местом и находящиеся или, только сверху, или сверху и снизу от него, тяжелой и вязкой жидкостью приятных и целительных оргазмических ощущений, а потом, впустив эту жидкость в больной сосуд, выдавить наполнявшие его ранее боль и болезненную энергию наружу, где она рассеется в окружающем пространстве.

– Так что конкретно я должен сейчас сделать? – спросил я.

– Представь объем твоего больного тазобедренного сустава одним из сосудов. – ответила

Лин. – Затем сформируй два сосуда – выше и ниже больного места. Начни разогревать смежные сосуды, одновременно вызывая состояние внутреннего облака, задействуя три нижних источника и внутреннюю улыбку, и концентрируй поднимающуюся волну оргазмических ощущений в сосудах, примыкающих к тазобедренному суставу. Когда сосуды до отказа наполнятся тяжелой и целительной жидкостью, открой невидимые клапаны и позволь жидкости из верхнего и нижнего сосуда влиться в объем тазобедренного сустава, вымывая и вытесняя болезненные ощущения. Ты можешь сформировать мыслеобраз волшебного бальзама или прохладной целительной мази, приносящей немедленное облегчение болезненной зоне.

Мне уже неоднократно приходилось выполнять подобные техники, и с заданием возлюбленной я справился без труда. Когда ноющую боль сменила приятная прохладная масса оргазмических ощущений, я расслабился, и, с благодарной улыбкой взглянув на свою наставницу, сказал:

– Учитель показывал мне похожую технику, но она называлась "Небесные девы" и использовалась в случае, когда боль была слишком сильна, или когда болезненные ощущения охватывали сразу все тело или значительную его часть.

Однажды на Партизанском водохранилище после очередной тренировки у меня так болели все мышцы, что я почти потерял способность связно соображать. Учитель сказал, что я должен представить себе самую любимую и возбуждающую меня женщину, и, приблизив к себе спереди ее образ, наложить его на свое тело, концентрируясь на потоке оргазмических ощущений, возникающем в первый момент контакта, подобном тому, что возникает при контактном открытии "круга ворот". Распределив этот поток по передней поверхности тела, я должен был пустить его вглубь, а затем точно так же наложить образ "небесной девы" на спину и пустить волну вызванных им оргазмических ощущений навстречу первой.

Если даже после этого не удавалось погасить боль в некоторых зонах, я должен был снова взять образ любимой женщины и сложить его пополам, как листок бумаги, а если болезненная область была небольшой, то в четыре, восемь или шестнадцать раз. Ли утверждал, что при подобном складывании "небесной девы" концентрация порождаемых ею оргазмических ощущений на единицу площади увеличивается, и подобный «пластырь» оказывается очень эффективным.

– И кого же ты использовал в качестве "пластыря"? – лукаво спросила корейнка.

– Конечно тебя, – ответил я.

– То-то мне иногда икается, – усмехнулась Лин. – Теперь я знаю, кто в этом виноват. Кстати, если у тебя хорошо развитое воображение, то на роль "небесной девы" совсем не обязательно выбирать реальную женщину. Ты можешь вполне удовольствоваться фантазиями о самой идеальной, прекрасной и сексуальной девушке своей мечты. Все, что тебе нужно в данном упражнении – это пробудить достаточно активный всплеск сексуальной энергии, позволяющий переключить внимание с болевых ощущений на оргазмические.

Упражнения "небесных дев" не раз выручали меня. Помню, как один раз, страдая от почти непереносимой боли, я развлекался, накладывая сложенные в несколько раз образы своих возлюбленных на самые разные места, и меня согревал не только поток исходящих от них оргазмических ощущений, но восхитительные воспоминания о былом и сам комизм ситуации.

Уроки Лин и техники пяти первоэлементов не раз вспоминались мне в случаях, когда мне приходилось выступать в роли врача. Аня, не склонная к излишней замкнутости, поведала своим друзьям и знакомым о чудесном исцелении Ивана, и через нее ко мне стали обращаться незнакомые люди, жаждущие изучить даосские приемы для улучшения качества своей интимной жизни.

Помогая многим людям, у которых возникали проблемы со здоровьем, я имел возможность убедиться в одной простой, но достаточно печальной истине: прекрасно понимая, что лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным, люди отказывались признавать, что для того, чтобы что-то иметь, необходимо по крайней мере приложить некоторые усилия в нужном направлении. И если неожиданно разбогатеть можно было при помощи выгодной женитьбы или просто выиграв в лотерею, то со здоровьем этот номер не проходил. Но, продолжая надеяться, что стать здоровым можно по мановению волшебной палочки, люди предпочитали попадать в лапы шарлатанов и знахарей, снимавших с них порчу, проводивших очищение кармы или дававших чудодейственные зелья. Если причина заболевания коренилась больше в психике человека, чем в органических изменениях его организма, подобными методами иногда на время срабатывали, но для того, чтобы действительно поддерживать организм на должном уровне помимо психологических трюков требовалась еще и реальная работа.

Мой авторитет как целителя оказался достаточно высоким, и мне удавалось убеждать пациентов в том, что если они действительно хотят стабильного улучшения своего состояния, то им придется

ся потрудиться и точно выполнять все мои рекомендации. Я убедился в том, что многие из даосских упражнений "спящей собаки" были доступны людям, даже не прошедшем серьезной предварительной подготовки. Эксперименты в этой области захватили меня, и я приобрел бесценный опыт погружения в измененные состояния сознания и воздействия на энергетику людей, не имевших ни малейшего представления о ци-гун. Этот опыт впоследствии мне пригодился при работе с московскими группами ци-гун и создании обучающих видеофильмов по сексуальным даосским техникам.

Я почти всегда лечил бесплатно, и, отказываясь от вознаграждений и ценных подарков, делал исключение лишь для лакомств и вещей, имеющих отношения к медицине, вроде приборов для электропунктуры и книг по рефлексотерапии и траволечению. Впрочем, мои подопечные, не желая оставаться в долгу всегда были рады оказать мне ответную услугу своими связями или знакомствами, и это мне помогало решать многие возникающие проблемы без особого напряжения. Я на практике убедился в истинности поговорки "не имей сто рублей, а имей сто друзей".

Следующим после Ивана пациентом, которого сосватала мне Аня, был Артем, который тоже в течение нескольких лет страдал от импотенции и, хотя у него была молодая и привлекательная подруга, он, к сожалению, не имел возможности наслаждаться сексуальным общением с ней.

В отличие от Ивана, Артем был зажат и напряжен. Видно было, что его проблема причиняет ему такие страдания, что ему трудно было даже говорить о ней. Я понял, что в глубине души он ждет от меня чуда или какого-то волшебного средства, которое мигом решит его проблемы, хотя и не слишком-то верит в возможность исцеления.

Аня, не желая мешать нашей беседе, ушла в комнату, оставив нас двоих на кухне, и, чтобы преодолеть барьер его настороженности и недоверия, я начал просто беседовать с ним о жизни, незаметно переводя эту беседу в монолог собственных воспоминаний.

Я рассказывал о своих неудачных сексуальных связях, относящихся к периоду, когда я еще не был знаком с Лин и техниками даосского секса, о случаях, когда я тоже оказывался импотентом. Анализируя причины возникшей у меня импотенции, я по косвенным признакам понял, что эта тема крайне волнует его, и, похоже, он сам не раз попадал в подобные ситуации. Хотя выражение лица Артема оставалось спокойным и безразличным, руки предательски выдавали охватившее его волнение. Они то замирали на белой поверхности кухонного стола, как насторожившиеся испуганные зверьки, то чертили на нем странные фигуры, то судорожно хватались за какой-то предмет, на мгновение сжимая его и вновь отпуская.

В первый раз я оказался импотентом по причине крайней усталости. К стыду своему, я уснул прямо в разгар наших ласк, но, к счастью, девушка оказалась понимающей и терпеливой, и утром я полностью вознаградила ее за ночное разочарование.

Второй случай импотенции был явно связан с отсутствием даосской подготовки и умения контролировать эмоции. Вика относилась к породе женщин, которые столь убеждены в своей неотразимости, что им кажется вполне естественным страстное желание любого мужчины овладеть ими в любом месте и положении, если только дама соизволит предоставить им эту возможность.

Не знаю почему, но Вика решила осчастливить меня на кладбище. Уже стемнело, наступил вечер, и не то, чтобы я боялся мертвецов или мне не нравилось их соседство, но все произошло как-то чересчур для меня неожиданно, и наличие людей, проходящих невдалеке от нас, смущало меня и не давало расслабиться и отдаться ожидаемой Викой страсти.

Девушка сочла себя оскорбленной подобным пренебрежением к ее телу и, сообщив мне все, что думает по поводу моей личности и мужских достоинств, ушла, оставив меня среди могил.

Еще один период импотенции был связан с травмой, полученной при ударе в пах, но я достаточно быстро восстановил форму при помощи различных упражнений. Были и другие случаи...

— Вполне возможно, что причины вашей импотенции совершенно отличны от моих, — сказал я в заключение. — Я хочу подчеркнуть лишь то, что любой мужчина хотя бы раз в своей жизни сталкивается с подобными проблемами. Причина может таиться, например, в холодности возлюбленной или в особенностях ее поведения.

— Она вовсе не холодна со мной, — возразил Артем.

— Я не имею в виду именно вашу подругу, — объяснил я. — Часто бывает, что женщина стесняется открыто демонстрировать свои чувства, ожидая от мужчины бурных проявлений его страсти для того, чтобы раскрыться. Бывает и так, что мужчина не чувствует, как правильно ласкать женщину, чтобы заставить ее загореться, и уже затем откликнуться на ее возбуждение.

Вполне возможно, что в вашем случае сыграло роль переутомление, загруженность на работе, и тонус организма настолько понизился, что он инстинктивно вынужден экономить силы и поэтому лишает вас возможности проявлять себя как мужчина. Поэтому мы будем действовать в двух на-

правлениях – я покажу вам серию упражнений, необходимых для повышения вашего тонуса и укрепления мочеполовой системы, а затем мы попробуем выяснить, нет ли еще в вашем случае психологических причин.

Я начал показывать Артему упражнения, достаточно утомительные и не слишком приятные для новичков, в частности, даосскую растяжку, которая отличается от европейской несколькими дополнительными элементами. При даосской растяжке мышцы должны тянуться за счет своих собственных усилий, а не за счет инерции, опоры или помощи со стороны.

Я предложил Артему поднять ногу в сторону на максимально возможную высоту, и, позаимствовав в комнате стопку книг, выложил их на стул, рассчитав высоту так, чтобы, она приходилась точно на уровне поднятой ноги Артема. Я пододвинул стул с книгами ему под ногу и предложил ему расслабиться в течение минуты, а потом мышечным усилием поднять ногу еще чуть-чуть выше. В образовавшееся пространство я подложил еще пару книг, и мы продолжали это делать до тех пор, пока Артем не исчерпал запас своей растяжки.

Поначалу это упражнение действительно кажется очень болезненным и неприятным, но со временем человек, напрягая и поднимая ногу, обучается испытывать приток оргазмических ощущений, связанный с приливом крови к половым органам и активизацией в них сексуальной энергии, а когда он научится полностью расслаблять ногу в промежутках между подъемами, эти моменты расслабления дают исключительно комфортное состояние, замешанное на мягких, приятных волнах оргазмических ощущений, идущих от половых органов. Так с помощью специальных мыслеобразов, снимается волна неприятных ощущений, которые могли бы рефлекторно снизить качество растяжки.

Артем скис уже на второй минуте упражнения. Понимая, что он испытывает, я не стал настаивать на продолжении и сказал, что главное было – уяснить принцип, и теперь он, если захочет, сможет выполнять подобную растяжку самостоятельно.

– Я вообще-то занимаюсь физическими упражнениями, – сказал Артем, стирая выступивший от напряжения пот. – По утрам я тренируюсь с гантелями, и в дверном проеме у меня укреплен турник, на котором я регулярно подтягиваюсь.

– Зарядка с гантелями – это прекрасно, – сказал я, – но она укрепляет не совсем то, что требуется в данном случае. Кстати, турник тоже можно использовать для растяжки, если перекинуть через него веревку с петлей на конце и, вставив ногу в петлю, фиксировать руками веревку, когда нога находится в самом высоком положении.

Затем я перешел к описанию непосредственно интимных упражнений. Взяв с подоконника два непонятно что там делающих шарика от пинг-понга, я стер с них пыль и завернул в носовой платок, одолженный у Артема.

Используя это импровизированное учебное пособие, я начал показывать Артему способы воздействия на область яичек. Я раскачивал шарики и постукивал ими, я сжимал и оттягивал их, я перебирал воображаемую кожу, которую заменял платок, показывая приемы воздействия на всю область мошонки.

Мой собеседник, повторив эти манипуляции сначала на шариках для пинг-понга, окончательно перестал стесняться, и, заинтересованный, приступил к экспериментам на самом себе, правда, через ткань брюк.

– Чем чаще вы будете это делать, тем лучше, – говорил я. – Также очень полезно воздействовать на область гениталий контрастным душем, но заканчивать надо всегда обливанием холодной водой. А теперь поговорим о том, как укреплять непосредственно половой орган.

Вынув морковь из ящика для овощей, я продемонстрировал на ней основные упражнения и зоны, непосредственно влияющие на укрепление полового органа и качество эрекции. Увлечшись объяснениями, я не сразу заметил, что Артем уставился на меня с выражением безысходной тоски.

– В чем дело? Вам что-то не нравится? – прервал объяснение я.

– Неужели нельзя просто что-нибудь выпить, вроде корня жень-шеня или чего-то в этом роде? – грустно спросил Артем. – Ведь наверняка есть какие-нибудь сильнодействующие средства, может быть вы знаете о них?

– Сильнодействующие средства, конечно, есть, – сказал я, – но мне бы хотелось, чтобы у вас полностью наладилось функционирование половых органов. Мощные стимуляторы действительно производят кратковременный эффект, но они еще больше истощают организм, поэтому не стоит чрезмерно полагаться на них. Они хороши лишь в комплексе с другими методами восстановления организма, только тогда они могут принести ощутимую пользу.

Артем продолжал пребывать в состоянии печали.

– Я, в принципе, здоров, – сказал он. – Мне кажется, что ваши упражнения слишком утоми-

тельны и требуют больших затрат времени.

– Невозможно восстановить здоровье, не занимаясь собой, – возразил я.

– Скорее всего мне мешают чисто психологические факторы, – с надеждой в голосе сказал Артем.

– Вполне вероятно, что это действительно так, и мы будем работать над этим вопросом, но будет лучше, если вы начнете уделять внимание и психике и физиологии.

Следующие полчаса мы посвятили разбору психологических факторов, вызывающих импотенцию у мужчины. Больше всего моего нового знакомого поразили принцип даосского недеяния.

– Для того, чтобы иметь женщину, которую ты страстно желаешь, нужно уметь не желать ее, – сказал я.

Подобный бред не желал укладываться в привыкшем к рациональному европейскому образу мыслей сознании Артема.

– Но ведь это абсурд, – возразил он. – В том, что вы говорите, присутствует слишком явное несоответствие цели и способа ее достижения. Если я не желаю женщину, то зачем мне ее иметь? А если я ее желаю, то как я могу ее не желать?

Мне понадобилось некоторое время, чтобы объяснить ему, что слишком страстное желание часто сопровождается подсознательным страхом не суметь его удовлетворить, и под действием этого страха тонкий механизм правильного функционирования половых органов мужчины блокируется и разлаживается. По мере снятия напряжения, спровоцированного желанием, исчезает и внутренняя блокада, и тогда мужчина может дать полный выход своей страсти. Здесь мы снова сталкивались с концепцией срединного пути Спокойных: "желать, не желая".

Беседу я закончил массажем ряда точек на внутренней стороне ног Артема от стопы до паховых складок. Мне показалось, что в конце концов он смирился с неизбежным и понял, что если он хочет избавиться от недуга, то волей-неволей придется всерьез взяться за свое восстановление.

Мы встречались еще несколько раз, и, к нашей общей радости, примерно через месяц он добился успеха в лечении, и вскоре он мог вспоминать о своей импотенции, как о приснившемся когда-то кошмаре. На радостях Артем подкинул мне пару новых пациентов, своих друзей, которые столкнулись со схожими проблемами.

В моей практике мне приходилось иметь дело не только с мужчинами, но и с женщинами, которые хотели излечиться от фригидности, или даже от полного неприятия мужчин. Одну из подобных пациенток мне сосватала Аня.

Как-то я позвонил Ане из института, чтобы узнать, когда мы встретимся.

– Подожди минутку, – сказала она.

Похоже, она прикрыла трубку ладонью, и я не слышал, о чем шла речь, но по возбужденным интонациям ее голоса понял, что Аня кого-то в чем-то с жаром убеждала.

– Сашенька, нам нужна твоя помощь, – закончив переговоры, она вновь обратилась ко мне. – Нужно помочь Вале, моей давней подруге. У нее очень серьезная проблема, и, боюсь, что кроме тебя, ей просто не на кого больше рассчитывать.

Я задумался, прикидывая, располагаю ли я достаточным временем для занятий с еще одним пациентом. Видимо, Аня приняла мое молчание за колебания, и она передала трубку подруге, чтобы та сама попыталась убедить меня.

В незнакомом женском голосе звучало такое внутреннее напряжение, что мне стало не по себе.

– Саша! Умоляю вас, бросайте все и приезжайте к нам, к Ане, вы – моя последняя надежда, – сказала девушка.

Против такого отчаянного призыва я не мог устоять и, не раздумывая, отправился к Ане.

Значительную часть прихожей занимали авоськи, доверху набитые фруктами и всевозможными разносолами.

– Подношения вашему величеству Шурику третьему возрастают, как полноводные реки, – вместо приветствия с улыбкой сказала мне Аня, указывая на снесь.

– Откуда столь витиеватый слог? – поинтересовался я.

– Моя подруга недавно приехала из Средней Азии, – объяснила Аня, и тут Валя вышла из комнаты.

Это была удивительно красивая девушка. Смесь азиатской и русской крови создала удивительное сочетание правильных европейских черт на смуглом округлом лице с широкими скулами.

Валя держалась раскованно, казалось, что внутренняя напряженность, звучавшая в разговоре по телефону, оставила ее, но в ее движениях, в жестах ее тонких изящных рук чувствовалась странная нервозность.

Пока подружки накрывали на стол, я попытался выяснить, почему Аня назвала меня Шуриком третьим, и сколько Шуриков у нее было до меня. Аня отшучивалась, и мне так и не удалось узнать, почему я удостоился подобного титула.

За столом, полным среднеазиатских деликатесов, мы просто болтали, не касаясь причины, по которой меня так срочно вызвали сюда. Валя иногда на несколько секунд отключалась, уходя в себя, и в эти мгновения внутреннее напряжение и беспокойство вновь отражались на ее лице, но, через секунду она овладевала собой, и, как бы встряхнувшись, вновь включалась в беседу.

Закончив трапезу, мы перешли в комнату, и там Аня рассказала мне жутковатую и трагическую историю Вали.

Валя была из обеспеченной семьи. Родители ее были в разводе, но ее отец, живущий в Средней Азии щедро помогал деньгами бывшей жене и дочери. Три года назад Валя отправилась в Среднюю Азию в гости к отцу. и там подверглась зверскому групповому изнасилованию.

Хуже всего было то, что виновным в изнасиловании оказался Валин отец. Он задолжал крупную сумму денег каким-то своим родственникам, и кредитор предложил ему следующую сделку: валин отец позволит ему и его братьям провести ночь с его дочерью, и за это ему простят долг.

Отец, скрепя сердце, предоставил им такую возможность, ни о чем ее не предупредив, и злодеяние свершилось. С тех пор девушка начала испытывать ненависть и отвращение к мужчинам и не могла выносить даже их прикосновения. Она, фактически, балансировала на грани нервного срыва, и единственным выходом из создавшейся ситуации, ей казалось только самоубийство, которое она не совершила лишь по той причине, что не имела представления, как покончить с собой достаточно безболезненным образом.

Выслушав эту историю, я не стал долго раздумывать, и попросил Аню помочь мне застелить пол матрасами. Я достал из шкафа свежую простыню, и, покрыв ею матрасы, попросил Валентину раздеться. По выражению изумления на ее лице я понял, что девушка не ожидала такого быстрого перехода к делу, но она действительно хотела вылечиться, и, совершив над собой усилие. Валя сняла кофточку, затем, немного подумав, юбку и осталась в колготках, трусиках и лифчике.

– Снимай все, – сказал я, – Лечение так лечение.

Аня ласково пожала Валину руку, подталкивая ее к дальнейшим действиям. Валя нерешительно сняла колготки и лифчик и легла на живот. Я подошел к ней и слегка коснулся ее рукой. Тело Вали напряглось, изогнувшись, как от удара. Мне даже послышалось, что Валя издала тихий стон. Нарочито безразличным голосом я спросил:

– Что ты сейчас чувствуешь. Валя?

– Мне больно, – голосом, в котором прорывались панические нотки, сказала она.

Несколько лет спустя мне снова пришлось столкнуться с подобным случаем последствий изнасилования, и мне удалось привести девушку в норму всего за один сеанс. Случай с Валею был более тяжелым. На то, чтобы снять ее телесные и психические зажимы ушло три сеанса. Во время каждого из них я постепенно увеличивал дозировку касаний, одновременно ведя отвлекающую беседу ровным безразличным голосом.

Вначале мне приходилось массировать спину Вали Аниными руками, которые я держал в своих.

– Ты можешь отличить прикосновения Ани от моих? – спросил я.

– Да, – ответила Валентина.

– Какое ощущение возникает у тебя от моих рук?

Валя давала сбивчивые путанные объяснения, в которых часто повторялись слова «больно» и «грязно».

За первый сеанс мы добились только того, что Валя научилась без напряжения выдерживать прикосновения Аниных рук и даже немного расслабляться.

На втором сеансе она уже смогла раздеться догола, и, когда после получасового массажа Аниными руками, она расслабилась, я сам начал касаться ее тела, смазывая ее маслом.

Слова «грязно» и «больно» еще не исчезли из ее лексикона, и мне потребовалось около часа, чтобы снять эти навязчивые мыслеобразы и внушить ей, что масло – это не грязь, а, наоборот, приятная ласкающая субстанция, облегчающая массаж и доставляющая дополнительное удовольствие.

Мыслеобраз боли я снял, постепенно усиливая воздействие на Валино тело, сжимая ее мышцы ласковым, медленным, но сильным воздействием, до тех пор, пока ее тело не убедилось и не поверило, что прикосновения мужчины могут быть совсем не болезненными, и даже приятными.

Мы с Аней уже были порядком измотаны, когда Валентина, преодолев какой-то внутренний барьер, сама перевернулась на спину, правда, так и не решившись открыть глаза, и нам удалось про-

массировать и обласкать переднюю часть ее тела.

В третий раз дело зашло еще дальше. Сначала Аня, а потом я ласкали ее половые органы, и нам удалось добиться от нее оргазма. Слова «грязно» и «больно» потеряли свой смысл, перестав ассоциироваться с мужчинами, и уже через три дня после нашего последнего сеанса Валя познакомилась в ресторане «Океан» с приятным молодым человеком и впервые после трехлетнего перерыва стала близка с мужчиной.

Мы с Аней радовались ее успехам и ожидали новостей о ее личной жизни, как известий с полей сражений. Валя и ее новый друг, который оказался удивительно тактичным и ласковым человеком, вскоре поженились и уехали в Киев, откуда он был родом. Насколько мне известно, их семейная жизнь сложилась хорошо.

Еще один забавный случай из моей практики лечения сексуальных расстройств произошел, когда один из Аниных друзей направил ко мне своего приятеля, уверявшего, что на него навели порчу. Впоследствии я имел дело с несколькими подобными пациентами, но Костя был первым из них, и, поскольку я еще не имел достаточно опыта в подобных случаях, он мне особо запомнился.

Учитель и Лин в свое время рассказывали мне о технологии бесконтактной магии, объяснив саму ее суть и отбросив всю мистическую чепуху, которой так любят ошеломлять доморощенные колдуны своих доверчивых клиентов.

— Впрочем, форма в магии тоже важна, поскольку она оказывает воздействие на психику клиента, — сказал Ли. — Если человек доверчивый и внушаемый, то ты можешь нести любую пургу про магические зелья, молитвы, ритуалы кармического очищения или вызывание духов, и это сыграет тебе на руку. Но человека с критическим складом ума и некоторыми зачатками интеллекта подобная чушь может только отпугнуть, так что, если ты решишь подрабатывать магией, то должен учитывать специфику личности пациентов.

Магией я подрабатывать не собирался, но слова Учителя запомнил. На самом деле магией я интересовался уже давно и в свое время посетил целый ряд знахарей достаточно высокой квалификации, использующих в своем арсенале в том числе и магические обряды, обучаясь у них и наблюдая за их приемами.

Я не считал истинную магию обманом или мошенничеством. На примере общения с Учителем я не раз имел возможность убедиться в эффективности воздействия энергетических мыслеобразов на людей, в том, что сильно выраженная направленная эмоция может затронуть психическое и даже физическое состояние другого человека, вызвав энергетические нарушения. Но все дело было в том, что подобные случаи воздействия, некоторые из которых действительно можно было бы назвать порчами, встречались исключительно редко, а большинство рассуждений о порчах, о праническом вампиризме и прочих ужасных вещах были исключительно данью моде и собственному чересчур живому отрицательному воображению. Порча начинала действовать или в том случае, когда до сведения человека доводили, что против него кто-то строит колдовские козни, или если он сам начинал воображать, что на него навели порчу, то ли из-за череды свалившихся на него неудач, то ли из-за ухудшения здоровья, обычно связанного с совершенно иными причинами.

Все зависит от уровня подвижности психики, от внушаемости человека, от его веры в магию и в целителя, так что речь, скорее, идет о самовнушении и психотерапии, чем о реальном энергетическом воздействии.

Тут я позволю себе немного отвлечься и, коснувшись темы магии и колдовства, рассказать о непримиримой и трудной борьбе, которую, как оказалось, в течение довольно долгого времени вели со мной пять колдунов, и о которой я узнал совершенно случайно.

Перебравшись из Симферополя в Москву, мы с женой купили дом в чудом уцелевшем от застройки многоэтажками оазисе частных владений, бывшем поселке, включенном затем в территорию Москвы. Когда начали выходить наши первые книги, огромные тиражи которых мгновенно раскупались, слухи о том, что рядом с ними проживает человек, прошедший обучение у легендарного мастера древнего даосского клана, распространились среди интересующихся эзотерическими темами обитателей окрестных домов, не оставив их равнодушными.

В моем почтовом ящике стали появляться не подписанные автором бредовые объемистые послания, отпечатанные на машинке и вещающие что-то о космических энергиях, карме и ужасных наказаниях, ожидающих того, кто использует свои магические силы не на благо Вселенского Добра. По правде говоря, там была написана такая чушь, что, прочитав ее из чистого любопытства, я даже не смог бы связно объяснить, что же именно хотел сказать автор.

Потом я начал находить у себя на заборе и на калитке сплетенные особым образом пучки сухой травы и вколотые вертикально иглы. Я понял, что это дело рук местных полоумных экстрасенсов, и,

посмеявшись, не стал обращать внимания на эти ужасные атрибуты черной магии, которые, по замыслу исполнителя, должны были то ли навести на меня порчу, то ли лишить меня магических сил.

Со временем борцу за чистоту духовных рядов надоело тратить траву и иглы на мой забор, и я подумал что все закончилось. Но, как оказалось, я ошибался. Примерно полгода спустя я разговаривался на улице с Максимом, своим соседом по поселку, который жил здесь очень давно и прекрасно знал большинство местных обитателей. От него-то я и узнал о пяти колдунах, которые, буквально, не щадя живота своего, уже долгое время борются с моей ужасающей магией.

Для затравки Максим рассказал мне о том, что, оказывается существовал живой очевидец того, как я среди ночи вылетал через чердачное окно. Так колдуны поняли, почему стекло в окне моего чердака было разбито, и почему я его так и не застеклил. Действительно, зачем себя каждый раз утруждать, открывая раму, если можно без лишних усилий вылетать в удобную дыру в стекле? Очень даже логично.

Установив факт моих ночных вылетов, правда, к счастью, без метлы, колдуны принялись копать глубже, и то, что затем сообщил мне Игорь, вселило в меня чувство глубокой гордости. Был год, уже не помню какой, зима которого ознаменовалась ужасными морозами в Соединенных Штатах Америки, когда от холода погибло около двухсот человек.

Так вот, оказалось, что виновником этой катастрофы был я. Вот как, согласно версии колдунов, все произошло. Зима в Москве в тот роковой для Америки год была, по их мнению, чересчур мягкой и малоснежной. Заботясь о будущем урожае на садовых участках и полях родной страны, колдуны решили подправить ошибку природы и добавить морозца со снежком, который бы как следует укрыл землю. Они напряглись, и после необходимых магических процедур действительно наступило долгожданное похолодание со снегопадом.

И тут, совершенно некстати, вмешался я. Холод меня, привыкшего к южному крымскому солнцу, не устраивал, и я, воспользовавшись своими могучими сверхъестественными способностями, с помощью личной магии отправил холода куда подальше, то есть в США, погубив сотни невинных людей.

С подобным коварством колдуны не могли примириться. В Москве снова стало тепло, снег на садовых участках таял, и будущие урожаи яблок и моркови вновь оказались под угрозой.

Колдуны сплотились и решили бороться до последнего. Их героические усилия принесли Соединенным Штатам так страстно ожидаемое потепление климата, а, пару недель спустя, им удалось возвратит холода и на территорию Подмоскoвья. Я, правда, еще некоторое время посопротивлялся, отводя морозы от Москвы, но моя сила, благодаря их настойчивости и упорству, уже слегка ослабла, и я больше не вызывал катастроф.

Весной они решили покончить со мной раз и навсегда. Для этого, собравшись вместе, они изготовили символизирующую меня магическую куклу. Для ритуала наведения порчи и моего уничтожения они, по каким-то своим соображениям, выбрали улицу перед магазином. Далее, по словам Максима, произошли совершенно удивительные события.

Сначала они решили зарезать мою куклу ножом, но у ножа в самый ответственный момент отвалилась рукоятка. Тогда они решили переехать ее мотоциклом, но когда мотоцикл набрал скорость, у него спустило колесо. Напутанные колдуны поняли, что голыми руками меня не возьмешь, и решили прибегнуть к крайнему средству – сожжению.

Оставив куклу валяться на дороге, они побежали в дом за бензином и спичками. Когда они вернулись, кукла бесследно исчезла...

Это было последним ужасающим ударом. Они поняли, что магия Медведева слишком сильна, и окончательно отказались от попыток бороться с ним...

Самым странным для меня в этой истории было то, что колдуны были вроде бы вполне нормальными людьми по большей части с высшим образованием. Видимо, тяга к запредельному и сверхъестественному проявляется у некоторых людей в настолько сильной форме, что заглушить ее не под силу ни здравому смыслу, ни техническому прогрессу.

Тем же летом произошла еще одна полузабавная, полугрустная история. Моя жена решила потренироваться метать нож, и для этого я укрепил в саду у забора деревянный щит. Начиная со второго сеанса метания соседка, заслышав, что Ирина снова бросает нож, стала брать таз и ходить кругами по саду, стуча в него молотком. Вначале Ирина думала, что подобное поведение выражало молчаливый протест против шума, который производил нож, втыкаясь в дерево, но все оказалось гораздо сложнее.

Не выдержав подобного мучительного противостояния, однажды соседка разразилась гневным возмущенным монологом, из которого Ирина узнала, что этим метанием ножа она наводит на Моск-

ву эпидемию холеры, и даже в том, что она метает нож в направлении соседского дома также таится особый злой умысел, и что она должна понимать, что за любое злое деяние непременно придется расплачиваться в будущем, поскольку она не дура и знает, что такое кармическое возмездие и т. д. и т. п.

Действительно, в то лето пресса и телевидение сообщали о случаях заболевания холерой, но моя жена даже не подозревала, что причиной этого были ее тренировки. На всякий случай Ирина перестала метать нож, опасаясь, что соседям может прийти в голову идея самим стать орудиями кармического возмездия, и, возможно поэтому, эпидемия холеры так и не разразилась. Так бдительность соседки уберегла Москву от страшной трагедии.

Колдуны, экстрасенсы и знахари – тема неисчерпаемая и благодарная, и я еще не раз буду рассказывать о них в своих книгах, но теперь, пожалуй, пора вернуться к тому молодому человеку, на которого навели порчу, лишив его возможности демонстрировать свою мужскую доблесть.

Для того, чтобы помочь такому человеку совсем не обязательно видеть его ауру или изобретать какие-то откровения по поводу наведенной на него порчи. Достаточно лишь правильного воздействия на его сознание и энергетику. У большинства подобных пациентов, чьи проблемы в сексуальной сфере не связаны с тяжелыми органическими поражениями и носят, в основном, функциональный характер, как правило, нарушается циркуляция энергии в определенных зонах организма, и часть функций на время выключается из отлаженной работы всей энергетической системы.

Для выявления подобных патологических зон, я всегда пользовался безотказной системой диагностики "воинов, путей и крепостей", описанной в книге "Тайное учение даосских воинов".

Зоны с нарушением циркуляции энергии откликались на воздействие на них либо повышенной, либо пониженной чувствительностью. Иногда воздействие на них давало болезненный отклик в других областях, и тогда я мог составить полную картину нарушений и наметить схему лечения.

– Между народной медициной, знахарскими методами лечения и магией в принципе можно поставить знак равенства, – сказал мне однажды Учитель. – Магические атрибуты и ритуалы, какими бы нелепыми они тебе ни казались, предназначены в первую очередь не для тебя, а для воздействия на психику пациента. Изначальная магия в той или иной форме использовала реально существующие законы, которым подчинялись как психика человека, так и окружающий мир. Поэтому как бы дико ни выглядели магические ритуалы, ты не должен забывать о том, что все они имеют под собой реальную материальную основу, а все рассуждения о духах и потусторонних силах – это лишь попытка объяснить происходящее относительно правдоподобным способом в случае отсутствия реальных знаний. Твой подход к миру магии должен быть мудрым отношением даоса, позволяющим в случае необходимости соблюдать все основные магические ритуалы без внутреннего сопротивления и неприятия, свойственных банальному атеисту.

Рассказывая мне о магии. Ли показал мне ряд действительно вдохновляющих приемов вроде вызывания «нелюдей», научил бороться с «сущностями», которые якобы поселяются в человеке, заглаживая им, и объяснил мне их природу. К этой теме я еще вернусь в книге "Обучение травами".

С Костей, ставшим жертвой порчи, я повел себя в лучших знахарских традициях. Мы встретились в квартире Ани, вскоре хозяйка отправилась на работу, и мы остались одни.

Я велел Константину раздеться догола, и, уложив его на кровать, спросил, нет ли у него каких-либо заболеваний внутренних органов. Убедившись, что Костя здоров, я принялся исследовать его грудь, живот, паховую область и ноги на предмет поиска нарушений циркуляции энергии.

Я выяснил, что резкие шлепки в области над пупком болезненно отдаются в основании пениса, а зона под пупком отзывалась болью в точке хуэй-инь, расположенной между анусом и половыми органами. Иногда я наносил резкие и болезненные удары-шлепки основанием кулака. Костя вздрагивал от испуга, но я не давал ему сосредоточиться на страхе и неуверенности в себе, монотонным спокойным голосом объясняя ему причины заболевания и то, как образуется энергетическая закупорка.

Часто знахарские методы бывают жестокими, и в первую очередь это направлено на создание неординарной ситуации, в которой сознание пациента за счет страха или боли сужается, и он входит в измененное состояние сознания, в котором знахарь, при помощи тех или иных трюков и ритуалов может внедрить в его подсознание установки, направленные на исцеление от недуга.

Зрелище того, как рослый парень с улыбкой бьет его со всего размаха кулаком по животу, рассуждая об энергетических закупорках, ввело Костю в нужное состояние сознания. Затем я начал объяснять, что он должен делать для того, чтобы вылечиться, одновременно воздействуя на болезненные точки. Потом я перешел непосредственно к ритуалу.

Обкуриив пациента дымом тлеющего тысячелистника, я принялся водить около его тела зажженной свечой, останавливая ее в тех местах, где пламя начинало вести себя особым образом. За-

тем, при помощи определенных манипуляций я восстанавливал энергетику этого места, и, в конце концов, я убедил его, что теперь как порча, так и энергетическая закупорка полностью устранены.

Закончив ритуал, я достал из-под дивана у Ани старый иностранный порнографический журнальчик, неведомо какими путями завезенный в Советский Союз. и оставил своего подопечного в комнате, обнаженного, наедине с чашкой горячего чая, ароматными котлетами, горкой уложенными на тарелочке, салатом из свежих овощей и аккуратно нарезанными кусочками хлеба.

Я дал ему задание немного подкрепиться, а потом, рассматривая порнографический журнал, массировать половые органы по даосской методике, которую я ему предварительно объяснил.

Сам я отправился на кухню и занялся приготовлением еды, решив порадовать Аню, когда она придет с работы. Я нарезал овощи для борща по знаменитому маминому рецепту, который, как я знал, очень нравился Ане, когда из комнаты донеслись протяжные вздохи, завершившиеся то ли вскриком, то ли громким стоном, а затем я услышал плач.

Сбросив с деревянной дощечки в закипающую воду мелко нашинкованную капусту, я, на ходу вытирая руки кухонным полотенцем, ворвался в спальню, где и увидел плачущего от счастья Костю.

– Сашенька! – воскликнул он. – Еб твою мать, у меня получилось!

На радостях я рассказал ему, хотя и не совсем к месту, анекдот, в котором один приятель спрашивает другого, как ему понравилась новая девушка Дуня.

– В общем ничего, много лучше, чем левая рука, но все-таки хуже, чем правая, – ответил тот.

Костя истерически захохотал, смахивая слезы, и я рассмеялся вместе с ним, захваченный его чувствами. В этот момент я почти любил его, потому что его удача была и моей удачей.

– Ну что ж, если вышло вручную, получится и машинным способом, – пошутил я.

– Ты вернул меня к жизни, – с чувством произнес он. Мы переместились на кухню, и, ожидая Аню, пили чай и беседовали там. Костя с интересом расспрашивал меня о случаях, когда я оказывался импотентом. Я удовлетворял его любопытство, вспоминая все новые истории из своего обширного опыта.

Одной из самых обидных ситуаций был случай с девушкой, которая мне нравилась в течение долгого времени, и с которой, после длительных ухаживаний, дело, наконец, пошло на лад. Мы долго целовались на улице, потом в автобусе.

– Пойдем ко мне, дома никого нет, – сказала моя подруга. К сожалению, она ошиблась, дома оказалась ее сестра, которая приехала откуда-то издалека и еще какие-то гости. Раздосадованные, мы уединились в комнате. Девушка все-таки решилась, не откладывая в долгий ящик, отдаться мне прямо здесь и сейчас, но я никак не мог преодолеть стеснение из-за незапертой двери с матовыми стеклами, отделяющей нас от гостей.

Окончательно доконал мою начинающуюся эрекцию совершенно отвратительно пахнувший противозачаточный крем, который решила использовать моя подруга. Я ласкал ее, но эрекция так и не наступила. Хотя девушка постаралась отнестись к ситуации с пониманием, ее разочарование оказалось таким сильным, что оно подавляло и меня, наполняя чувством вины и собственной неполноценности. Тогда я еще не был даосом, и очень переживал по этому поводу, волнуясь при встречах с другими девушками, что, в общем-то, не самым лучшим образом сказывалось на моей потенции.

Костя искренне сочувствовал моим переживаниям, и в свою очередь делился похожими случаями из его жизни.

Я объяснил ему, что со временем я научился смеяться над своими неудачами и относиться к ним совершенно спокойно, поскольку даосская подготовка психики помогала быть выше подобных мелких недоразумений, не теряя уверенности в себе и в своих человеческих и, в частности, в мужских качествах. Я стал спокойно относиться к проявлениям своего организма, как бы наблюдая за ним со стороны: ну не получилось, так не получилось,

Это мне напоминало анекдот о старой беззубой лошади, которая уговорила хозяина сделать на нее ставку на скачках.

– Ну не шмогла я, не шмогла, – шепелявя, объяснила лошадь, придя к финишу последней.

Я рассказал Косте о принципе даосского недеяния, об искусстве желать, не желая, действовать, не заботясь о результате, что тоже является одной из форм недеяния. В общении с женщиной, как и в самой жизни важнее сам процесс, чем результат.

Если тебе хорошо с человеком, то ты наслаждаешься общением с ним здесь и сейчас, давая ему то, что ты можешь на данный момент.

Даже если что-то не получится сразу, связи с ним постепенно укрепляются, и, в процессе взаимного обмена лаской и общением, которые сами по себе являются бесценным подарком, иногда даже большим, чем половой акт в чистом виде, постепенно, по мере укрепления привязанности, если

действовать без паники и спешки, все наладится.

Конечно, в данном случае многое зависит и от партнера, но тут уже на первый план выходит умение разбираться в типах личности и выбирать себе партнера, подходящего по личностным качествам, характеру и темпераменту.

Так что мужчинам, страдающим импотенцией, не стоит отчаиваться. При правильном подходе к проблеме, они смогут осчастливить не только себя, но и многих очаровательных женщин. Нужно лишь сделать приятным сам процесс, а результат не заставит себя долго ждать.

Глава 17

Я уже несколько дней не видел Учителя, и меня терзали нехорошие предчувствия. Я сам не смог бы определить причину такого беспокойства. Ли нередко исчезал, не объясняя, куда и зачем, и я должен был бы уже привыкнуть к этим его внезапным исчезновениям и появлениям, но я чувствовал, что в данном случае что-то не так.

Поэтому, когда телефон зазвонил, и я, сняв трубку, услышал в ней голос Учителя, то испытал несказанную радость.

– Твоя грусть чувствуется даже на расстоянии, – укорил меня Ли. – Вот мне и приходится звонить. Похоже, ты сам не способен разобраться с собственными эмоциями.

– Учитель, я соскучился по тебе, – сказал я. – Когда мы сможем увидеться?

– Как истинный южанин, ты не ценишь цветов юга, – глубокомысленно произнес Ли, – и я хочу научить тебя вдыхать их аромат. Ты не должен печалиться и скучать по мне. Я постараюсь, чтобы эта наша встреча запомнилась тебе надолго.

– Где мы встретимся? – спросил я.

– После часа ночи я буду ждать тебе на нашем месте в Ялте, – сказал Учитель и повесил трубку.

Я отправился в Ялту на одном из последних троллейбусов, и, не представляя, где и как я проведу эту ночь, на всякий случай решил отоспаться на заднем сидении.

Когда я вышел на площадь ялтинского автовокзала, часы уже отмерили полночь. Я знал, что эта встреча будет необычной, и меня охватило лихорадочное возбуждение. Южная ночь всегда вызывала в моей душе особые чувства. Черный цвет в традициях Спокойных был особым цветом, цветом мудрости и осознания, и глубокая бархатная чернота ночи вызывала во мне одновременно и настороженность и смутные, но глубокие и волнующие ощущения чего-то необычного, таинственного и удивительного, скрывающегося под ее покровом.

Я вдохнул полной грудью теплый воздух красивейшего города Крыма, в котором даже бензиновая вонь автовокзала не могла заглушить ароматы цветущих растений и трав.

Я подумал, что для настоящего крымчанина, с детства успевшего облазить все самые потаенные уголки Крымского полуострова весь Крым воспринимается, как один большой город, в котором, как и в любом городе, есть места, особенно близкие и дорогие сердцу. Ялта была одним из таких особых мест для меня. Учитель уже не первый раз назначал мне свидание именно в Ялте, и эти встречи всегда оказывались в чем-то особенными.

Я испытывал такой подъем чувств, что, хотя времени до встречи оставалось в избытке, я не мог спокойно идти и побежал, скорее даже помчался со всех ног вниз по улице, к морю. Мелькнула мысль, что в такое время бегущий человек может вызвать подозрения у чересчур бдительного наряда милиции, а я, как назло, забыл прихватить с собой паспорт, но все обошлось, и до моря я добрался без приключений.

Сбавил ход я только на набережной. Ночь была безлунной, и неяркий свет фонарей освещал лениво вздыхающую черную безбрежность моря. Время было позднее, и народу на набережной почти не осталось, только кое-где на лавках целовались и обнимались влюбленные парочки.

Место нашей встречи – лавочка в укромном углу небольшого скверика чуть поодаль от моря, к счастью, не было занято. Учитель еще не пришел, и я, присев на скамейку, залюбовался размытым в темноте силуэтом роскошной цветущей магнолии, росшей неподалеку. Казалось, что ее крупные ослепительно белые цветы фосфоренцируют в свете фонарей.

Ли не заставил себя долго ждать. Как всегда, он появился неожиданно, бесшумно вынырнув из темноты, как привидение из стены древнего замка.

– Я рад тебя видеть, – сказал Учитель, садясь на противоположный конец скамейки и непривычным, показавшимся мне нарочитым и демонстративным жестом положив руки на колени. Он сидел с ровной спиной, как пианист, готовящийся прикоснуться к клавишам рояля на ответственном выступлении, и, не шевелясь, смотрел в черную непроглядность моря, напоминавшего о себе только

тихими мерными вздохами волн.

– Я тоже рад тебя видеть, – откликнулся я.

– Сегодня мы будем говорить о чувствах, – сказал он каким-то особенным голосом.

Я внутренне напрягся. Мне не нравился пафос происходящего.

– Ты уезжаешь? – спросил я.

– Да, но на этот раз всерьез и надолго, – ответил Учитель.

– Мне будет тебя не хватать, – ровным голосом сказал я, сам удивляясь своему спокойствию.

Ли повернул голову и внимательно посмотрел мне в глаза.

– С мужской ипостасью дао ты прощаешься легче, чем с женской, – улыбнулся он.

Я наслаждался до боли знакомыми язвительными нотками в его голосе.

– Наверное, я уже изучил искусство прощаться, – с легкой грустью сказал я.

– Похоже, что да, – откликнулся Учитель.

Мое восприятие было настолько обострено, что, казалось, каждая секунда нашего общения записывается на пленке невидимого магнитофона, чтобы навеки остаться во мне, в бесценной копилке памяти.

– Я просто пытаюсь быть даосом, Учитель.

– Рано или поздно это должно было произойти, – как бы продолжая начатую мысль, сказал Ли и снова отвернулся к морю.

– Пошли купаться! – неожиданно предложил он. Перемахнув через парапет, мы прыгнули на каменистый пляж, и, раздеваясь на ходу, устремились к воде.

Вода оказалась теплее остывшего к ночи воздуха. Ее прикосновение к коже напоминало ласкающие руки любимой женщины. Мы плыли в открытое море. Иногда, как будто ниоткуда, на поверхности появлялись огромные покачивающиеся в такт волнам белесые купола медуз. Мы лениво обплывали их, направляясь дальше, к смутно чернеющей вдаль, на стыке неба и воды, линии горизонта.

– Ты еще когда-нибудь появишься? – поинтересовался я, не в силах скрыть оттенки отчаянной надежды, предательски звучащие в моем голосе.

– Возможно да, а, возможно, нет, – спокойно ответил Ли, и я про себя отметил, что в другое время он не стал бы тратить слова, отвечая на подобный вопрос.

– Учитель, почему я не ощущаю потерю? – неожиданно для самого себя спросил я.

– Потому что в глубине души ты знаешь, что мы с тобой всегда будем вместе, – ответил он.

– Ты не знаешь, как дела у Лин? – задал я вопрос, просто чтобы что-то сказать, потому что знал, что все равно не получу на него ответа.

– У воина жизни дела не могут идти плохо, – уклонился от ответа Ли.

– Знаешь, мне казалось, что научиться прощаться – одна из самых трудных задач на земле, – сказал я. – Я научился понимать, что жизнь не стоит на месте, и что ситуация меняется каждый момент, что что-то прекрасное входит в нашу жизнь и уходит из нее. Я осознаю неизбежность перемен, я готов к ним и принимаю их, но все-таки в глубине души я не могу примириться с ними. Я всегда знал, что когда-нибудь ты уйдешь из моей жизни, но я не хотел думать об этом. И хотя я сейчас принимаю твой уход, как неизбежность, я не хочу, чтобы ты уходил. Я не хотел, чтобы уходила Лин, я не хотел, чтобы из моей жизни уходили другие люди, или чтобы из нее уходили прекрасные отношения с кем-то. Я лишь научился смиряться с потерями и не растрчивать себя в бессмысленных сожалениях о прошлом, устремляясь в новую жизнь, но я понимаю, что умение спокойно принимать потери и смиряться с ними – это еще не все, это не то, что требуется от воина жизни.

– Не обманывай себя, – сказал Учитель. – На самом деле ты уже знаешь то, что чувствуют воины жизни, просто ты пока не способен выразить это словами, а для твоего неистребимо европейского ума понять – означает выразить словами. Твое сознание полагает, что то, что пребывает вне слов, не существует, но твоя душа знает, что это не так.

Я не ухожу из твоей жизни и не прощаюсь с тобой, как не ушла из твоей жизни и Лин. Я обещал, что сегодня мы поговорим о чувствах, об эволюции чувств. Всю свою жизнь последователь Спокойных развивает и возвращает свои чувства, даже в большей мере, чем он развивает и возвращает свой интеллект. Интеллект – это схема действий, но сам по себе он ничего не значит. Чувства – это ключ к управлению энергией, к управлению собой и другими, к управлению окружающим миром и его стихиями, это ключ к гармонии, счастью и совершенству.

Управляемые и мощные чувства – главный инструмент воина жизни на его пути к мудрости и бессмертию. Ум – это качество правильного интеллекта, но мудрость – это свойство правильных чувств.

Ум дает возможность правильно анализировать ситуацию, а мудрость позволяет правильно на нее реагировать оттренированными и адекватными чувствами.

Двигаясь по ступеням пути воинов жизни ты начинаешь понимать сущность чувств, в частности, ты начинаешь осознавать, что такое любовь. Люди подразумевают под этим словом самые разные понятия. И, действительно, существует множество самых странных и неожиданных вещей, которые люди могут называть любовью. Я расскажу тебе об одной из классификаций – линии любви, которая называется "Вхождение в дом", от том, как совершенствуется любовь по мере роста и развития личности человека.

Самый распространенный вид любви – это любовь качеств и поведения – "любование домом". Она основана на достоинствах, которыми обладает объект любви и на его поведении, выгодном или удовлетворяющем какие-то скрытые потребности любящего. Так, человек с жадой страданий способен любить того, кто приносит ему эти страдания, так что поведение объекта любви вовсе не должно быть позитивным. Необходимо лишь, чтобы оно в той или иной степени удовлетворяло набор жажд любящего человека.

Известно, что на низших ступенях любви любовь легко обращается в ненависть. Как ты думаешь, почему это происходит?

– Потому что жажды среднего человека обычно слишком трудно или даже невозможно удовлетворить, и, привыкая к поведению любимого объекта, как ребенок к соске, человек раздражается, когда у него эту соску отнимают, или если ее дают не так часто, как ему хочется, – ответил я.

– В целом ты прав, – сказал Ли. – Человеку свойственно много стремлений, и, помимо удовлетворения сексуальных потребностей, для него являются исключительно важными коренящиеся в самой его природе потребности во власти и безопасности. Любовь, здесь я имею с виду взаимную любовь, – универсальное чувство, одновременно удовлетворяющие эти три потребности – в сексе, власти и безопасности, а заодно способное удовлетворить еще огромное количество всевозможных потребностей и жажд. Поэтому многие люди испытывают острую нужду в самом чувстве любви, поэтому о любви говорят все религии мира. Но, испытывая потребность в чувстве любви, человек не знает, что это такое и не умеет любить по-настоящему, обычно оставаясь на уровне любви качеств и поведения.

Но качества и поведение объекта любви не могут быть идеальными, и тогда любящий, не осознавая того, обнаруживает, что сам объект любви мешает ему любить его, отнимая, как ты выразился, соску у ребенка. Так возникает двойственность, и любовь качеств и поведения начинает замещаться ненавистью качеств и поведения, столь же сильной, какой раньше была любовь.

Если накапливающееся недовольство и подспудная ненависть значительно меньше любви, они прорываются только иногда в виде столкновений и конфликтов, но если накопившаяся и до поры до времени сдерживаемая или неосознаваемая ненависть приближается к критической точке, когда она становится почти равной любви, достаточно малейшего толчка, чтобы перевесить чашу весов в сторону ненависти.

Более глубокий уровень любви возникает, когда люди, помимо привязанности к качествам и поведению, разделяют убеждения друг друга. Связь по убеждениям может быть настолько сильна, что она окажется способна до некоторой степени компенсировать недовольство, возникающее в связи с некоторыми отрицательными качествами и особенностями поведения. Эта форма любви называется "Переступить порог дома".

Еще более высокое качество любви – это любовь на уровне сущностей. На этом уровне любви человек любит другого не за то, что он что-то для него делает, во что-то верит или обладает какими-то качествами, а за то, что он представляет собой, как единая и целостная личность. На этом уровне становится уже невозможной ненависть или резкие столкновения и конфликты. Возможно какие-то привычки одного могут быть неприятными другому, но неприязнь распространяется лишь на какую-то деталь поведения, но ни в коем случае не на личность. Такая любовь называется "Жизнь в доме".

В отношениях с Лин ты прошел все эти фазы любви. В первую очередь тебя поразили ее качества – красота, ум, сексуальность. Затем тебя очаровало ее поведение – то, что она делала с тобой доставляло тебе исключительно сильные и острые ощущения.

Затем ты полюбил ее за ее убеждения, убеждения воинов жизни, ощущая себя не только учеником и любовником, но и братом по клану.

Лишь с течением времени ты сумел соединить в своем ощущении Лин все ее личные качества, поведение, убеждения, прочие черты ее личности и полюбил уже ее саму, ее неповторимую индивидуальность, ее личность, ее сущность.

Но это была еще не высшая форма любви. Ты продолжал отделять ее личность от себя, и имен-

но поэтому, когда вы расстались, столь велика была горечь потери.

– Я не отделял ее от себя, – сказал я. – Она всегда была отдельной. Мы сливались в единое целое на какие-то мгновения, но мы не могли стать одним существом, пребывающим в одном и том же теле.

– Вы не могли стать едины в одном теле, – сказал Учитель. – Но на высшей ступени любви вы становитесь едиными в своих чувствах. Это – любовь огненного тела, любовь, которая выше любви сущностей, любовь, которая никогда не прекращается. Она называется "Слияние с домом".

Лин оставила тебя слишком рано, и с ней ты лишь вступил в область любви огненного тела. Со мной ты зашел гораздо дальше. Прислушайся к самому себе, к своей душе. На лавке ты мне сказал, что почему-то не ощущаешь потерю. Может быть, теперь ты поймешь, почему это так.

Равномерный плеск воды, рассекаемой нашими руками, вводил в полугипнотическое состояние транса и обострения восприятия. Я знал, что Учитель уходит из моей жизни, может быть, навсегда, но, пробужденная его словами, в моей душе проснулась, вернее, даже не проснулась, а перешла на сознательный уровень та невыразимая, необъятная и безмерная любовь, которая росла и крепла с самого первого дня нашей встречи. Я знал, что эта любовь останется со мной навсегда вместе с Учителем, помимо моей воли живущим и существующим в моей душе. Он был со мной, и никакое расстояние не могло отнять его у меня. Мне было грустно оттого, что я могу больше никогда не услышать его голос, не рассмеяться от его ехидных шуток, но это было не главное. Как бы ни сложились в дальнейшем наши жизни, Ли навсегда останется со мной.

Радость, смешанная с болью была так сильна, что я не мог говорить. Соленая морская вода смывала слезы с моих щек, и я радовался, что Учитель не видит их. Я не хотел плакать при разлуке.

– Ты научился прощаться, – негромко сказал Учитель.

– Ты учился этому искусству в общении со многими женщинами, которых ты любил, некоторых – на уровне качеств и поведения, некоторых – на уровне убеждений и некоторых – на уровне их сущности. Но в искусстве прощаться есть еще одна очень важная тонкость – правильный выбор момента и настроения для прощания. Воин жизни прощается на гребне своих чувств, на высшей точке своей любви и благодарности. Тогда боль разлуки уравнивается благодарностью судьбе, подарившей тебе эту любовь.

Я вздрогнул, наткнувшись рукой на незамеченное мной скользкое тело медузы.

– Пора поворачивать к берегу, – сказал Ли. Где-то далеко-далеко, за огромной массой черной воды россыпью драгоценных камней сверкнули огни набережной. Мы плыли обратно в молчании, казавшемся бесконечно долгим. Я подумал, как мудро было со стороны Учителя устроить этот разговор в воде, среди безбрежного моря, ограниченного только линией горизонта. Вода ласкала меня, снимая напряжение чувств и смывая боль утраты. На берег я вышел спокойным и почти счастливым.

– Будем надеяться, что местные полуночники не позарились на нашу одежду, – поддразнил меня Ли. – Иначе тебе придется топтать в Симферополь голышом.

– А как же ты? – поинтересовался я.

– Оставляя одежду на пляже, я всегда знаю, где именно среди ночи я смогу достать другую – гордо заявил Учитель. – Подумай об этом, мой большой брат.